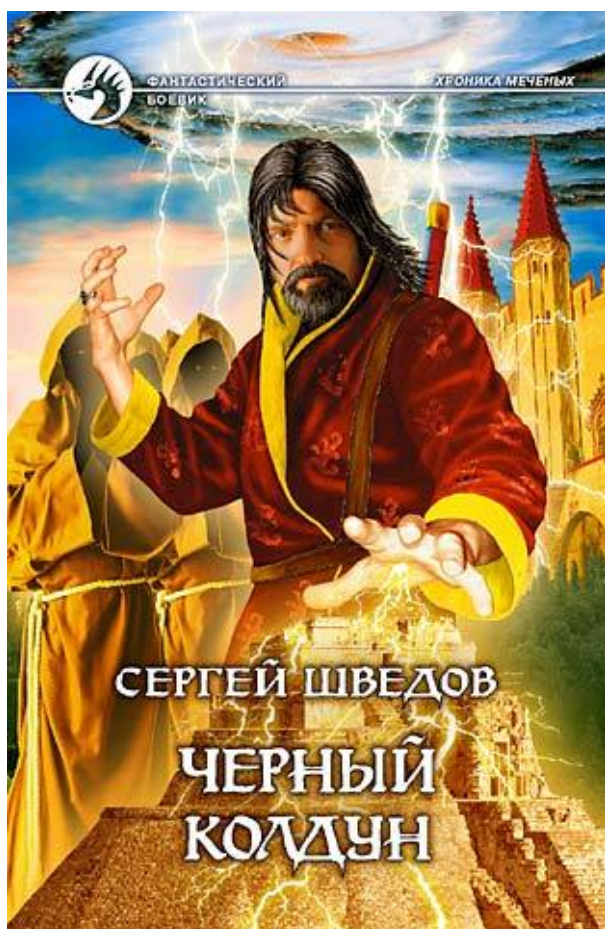

Сергей Шведов
Черный колдун
Серия «Хроника меченых», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138896
Черный колдун: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»; Москва; 2006
ISBN 5-93556-636-2

Аннотация

Когда измена прячется за улыбками самых близких по крови людей, когда любовь оборачивается предательством, когда на твоих глазах убивают друзей, когда дорога к Храму приводит в ад, тебе остается только один путь – из мира людей в мир стаи. Путь Черного колдуна, путь последнего меченого, – это путь дьявола во плоти, разрушающего все, к чему прикасается его рука. Кровавый загул Беса Ожского, сына Тора и внука Туза, дорого обходится и Храму и Лэнду. Тяжелые сапоги завоевателей топчут землю, которую защищали его предки. Куда повернуть своего коня изгою – Черному колдуну? Кому служить и кого защищать в этом мире? И когда ослепленный ненавистью и жаждой мести разум отказывается решать, на помощь меченому приходит сердце...

Содержание

Книга I	4
Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	30
Глава 9	35
Глава 10	40
Глава 11	45
Глава 12	49
Глава 13	52
Часть вторая	57
Глава 1	57
Глава 2	61
Глава 3	68
Глава 4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Сергей Шведов

Черный колдун

Книга I

ДОРОГА К ХРАМУ

Часть первая

ТАКИЕ ЖЕ, КАК МЫ

Глава 1

СТЕПЬ

Тяжелое летнее оранжево-жаркое солнце медленно уходило за горизонт, бросая последние лучи на утомленный мир. С востока подул легкий ветерок, чуть потревоживший ошалевшую от зноя степь. Пожелтевшая трава качнулась, было, и тут же замерла, испуганная лишней тратой сил, которые еще могли ей пригодиться в борьбе с испепеляющим солнечным жаром.

Тор привстал на стременах: бескрайняя степь раскинулась до самого горизонта – ни деревца, ни возвышенности, за которые мог бы уцепиться взгляд, и только за его спиной, в отдалении, зеленел березовый колок, казавшийся неестественным, словно бы нарисованным чьей-то капризной рукой на пожелтевшем от времени полотне. Три дня и три ночи он поджидал здесь большой хлебный обоз, который Ара должен был привести из Приграничья. Десять меченых и десять суранцев, утомленные летней жарой, подремывали неподалеку. Оружие, накалившееся под безжалостным солнцем, жгло спины опухших от безделья людей. А обоз все не появлялся, и эта необъяснимая задержка тревожила капитана Башни. Выехать навстречу своему лейтенанту он не мог – в степи нет наезженных дорог. Единственным местом их встречи мог быть этот березовый колок на берегу безымянной речушки, которая и в эту пору, обмелев на две трети, оставалась тем пристанищем, где можно было напоить утомленный долгим переходом по степи скот.

– Может, сделаем пару верст, – предложил сержант суранцев Сулл, вытирая рукавом со лба капли пота.

Суранцы были более привычны к жаре, но и для них бесконечное ожидание становилось невыносимым. Сержант меченых Резвый только вздохнул тяжело, с надеждой поглядывая на капитана.

– Ладно, – махнул рукой Тор, – но не более двух верст. Два десятка всадников рванулась с места. Тор придержал заволновавшегося коня и потрепал его по горячей шее. Степь по-прежнему была пустынной и безмолвной, утих даже вселивший надежду ветерок, и в наступающих сумерках мир казался еще более унылым и чужим, чем днем. Если Ара не появится сегодня ночью или завтра утром, значит, случилось что-то серьезное. Неужели «глухари» проникли так глубоко? До сих пор они в этих местах не появлялись, и участок пути от Новой Башни до Приграничья оставался почти безопасным. Десять меченых, включая самого лейтенанта, – сила немалая, во всяком случае средних размеров кочевая орда им вполне по зубам. Иное дело «глухари» – эти пугали Тора своей непредсказуемостью и не ясностью целей. «Глухарями» их прозвал Рыжий, первым из меченых повстречавший неизвестных

всадников в дальнем разъезде. Десять одетых в желтые халаты незнакомцев внезапно появились тогда перед сторожевым постом меченых. Попытки установить с ними контакт ни к чему не привели: молча проехали они мимо удивленных меченых и растворились в темноте.

Никаких враждебных действий предпринято не было, но Рыжий был встревожен этим событием не на шутку и, как оказалось, не зря. Спустя неделю «глухари» угнали скот, который пасся в нескольких верстах от Башни, убив при этом двух пастухов из Цоха, большого поселка на берегу Сны. Цоханцы бросились было в погоню за похитителями, но были остановлены плотной стрельбой из арбалетов и, потеряв несколько человек убитыми, вынуждены были вернуться ни с чем. Вождь цоханцев Барак, невысокий крепкий степняк с хитрым властным лицом, в тот же вечер приехал в Башню с печальными известиями. Тор грубо обругал степняка за то, что тот не обратился за помощью сразу, и тут же пожалел об этом. Барак побурел от обиды, и маленькие его глазки злобно блеснули из-под бараньей шапки. Так или иначе, но два десятка меченых с Рыжим во главе были отправлены в погоню. Поплутав сутки по степи, первый лейтенант меченых настиг похитителей, но те, заметив погоню, перебили весь скот и дали тягу. Преследовать их на утомленных конях не было никакой возможности. Рыжий был вне себя от бешенства, более всего его возмущала глупая жестокость похитителей – зачем же уничтожать скот, который является главной ценностью в степи?!

После возвращения Рыжего, в Башне собрали большой совет, на который пригласили вождей из ближайших поселков. Встревоженные происшествием степняки явились без проволок, хотя их отношения с Башней складывались непросто. Меченые не раз ловили на себе враждебные взгляды, проезжая по Цоху, Сбенту или Сараю. Впрочем, и поселки частенько враждовали друг с другом из-за украденного скота и похищенных девушек. Однако в случае внешней опасности все семь поселков объединялись и могли выставить ополчение в две с половиной тысячи сабель. Появление меченых и суранцев они встретили хотя и без открытой, враждебности (степь широка, селись, кто хочет), но весьма настороженно. Золото их не интересовало. Желтый мягкий металл, который им предлагали пришельцы, вызывал у них легкое недоумение – куда его, бабам на украшение? Зато оружие меченых сразу же привлекло их жадные взоры. Охотно выменивали они лишь изделия из железа, острый недостаток в котором испытывали постоянно. Все попытки Тора выяснить у Барака степень его причастности к событиям шестилетней давности наткнулись на глухую стену. Барак отрицал все, хотя, судя по разговорам, знал многое и про духов, и про лэндцев. Знал он и про меченых еще до того, как они появились вблизи его поселка. Тору иногда казалось, что и его имя небезызвестно Бараку с тех времен, когда капитан железной рукой вышибал разгулявшихся кочевников из Приграничья. Многим из них не довелось вернуться в родные степи, но Бараку повезло больше, чем иным его соплеменникам. О Храме степняк отказывался говорить наотрез, хотя про «глухарей» сказал, что они приходили и раньше, но разбоев не чинили. В вожди поселков в один голос утверждали, что нынешнее происшествие – это месть за появление меченых на степных землях, и требовали от капитана возмещения ущерба. Их утверждения могли быть правдой, но на вопрос Тора, кто такие «глухари» и какую силу представляют, степняки ответили гробовым молчанием. Не стали отвечать они и на вопросы Тора о таинственной стране Суран, которая лежала на востоке и о которой степняки знали, надо полагать, немало.

– Много городов, – сказал Барак, – и много людей.

И это было все, что удалось вытянуть из него Тору. Степняки дорожили своей независимостью и предпочитали держаться от чужаков подальше, лишь от случая к случаю приторговывая с забредавшими в эти глухие места купцами. О Суране мог бы рассказать Чирс, но он исчез два года назад и с тех пор никаких вестей о себе не подавал. Этот странный человек одновременно и притягивал и отталкивал Тора. Шесть лет назад он помог меченым справиться с кочевниками, потом внезапно исчез и – через год появился снова с боезапасом

к огненным арбалетам суранцев. Его приезд оказался весьма кстати для Тора, готовившего большую экспедицию против стаи. Это Чирс посоветовал капитану строить Новую Башню в степи, у излучины реки Сны. По мнению Чирса, этот путь должен был стать путем торговых караванов с востока на запад и обратно. И потребуется сила, способная оградить мирных торговцев от нападения стаи и кочевников. Почему бы такой силой не стать меченым? Чирс обещал помощь в строительстве Новой Башни, но выполнять обещание пока не спешил. Впрочем, Тор понимал, что надеяться на помощь со стороны не стоит и надо обустриваться самим. Пахотных земель здесь было в избытке, но требовались земледельцы. Тор решил переселить часть своих крестьян с Ожских и Хаарских земель в новые места. Поселенцы должны были прибыть вместе с обозом, вот почему капитан с таким нетерпением взглядывался в горизонт.

Осядут крестьяне на берегах Сны, и можно будет смело возрождать Башню. Тор мечтал о больших поселках, а то и о городах, про которые так любил рассказывать Чирс. Непредвиденная случайность могла сорвать его далеко идущие планы по освоению степи. Хотя, не исключено, что речь идет не о случайности, а о вмешательстве хорошо организованного противника, которому не понравилась активность меченых.

Три года назад меченые с боем прошли по краю Южного леса, уничтожая стойбища вожаков и вохров, но углубляться в глухие дебри не рискнули. Южный лес поражал своими грандиозными размерами, меченые затерялись бы в нем, как песчинки в озере Духов. И все-таки Тор не оставил планов по обузданию стаи, и Чирс обещал ему помощь таинственного Храма. Но где теперь этот непоседливый человек, и насколько велико его влияние в стране, где он не был многие годы? Чирс о родине своего отца распространяться не любил, и в его рассказах загадок было больше, чем отгадок. Это настораживало Тора и мешало поверить пришельцу до конца. Чирс не мог не чувствовать недоверия, но рассеивать его почему-то не торопился. Так или иначе, но, не имея обещанного Чирсом оружия и снаряжения, Тор вынужден был откладывать новую экспедицию в Южный лес на неопределенное время, и это было чревато новыми прорывами стаи в Приграничье. И хотя никаких тревожных сообщений от духов в это лето не поступало, сбрасывать стаю со счетов было бы преждевременно. Сотня вожаков, собравшихся вместе, вполне могла с помощью собак потрепать обоз. Тор уже жалел, что выделил Аре так мало людей, хотя, если подумать, вряд ли он мог выделить больше. Шестьдесят меченых и тридцать суранцев, это не Бог весть что, учитывая огромную территорию, которую им приходилось контролировать, не имея никакой защиты, за исключением деревянного частокола. Нужна была новая каменная Башня, способная выдержать малыми силами любые удары, и тогда уже можно развернуться по настоящему. Шесть лет пролетели птицей, а сделано так мало...

Резвый первым подскакал к капитану. На его молодом раскрасневшемся лице играла безоблачная улыбка. Он обставил всех в бешеной скачке по ровной, как стол, степи и испытывал сейчас законное чувство гордости и за себя, и за своего рослого вороного коня. Вороной, проскакавший по степи не менее пяти верст, выглядел свежим, словно его только что вывели из стойла.

– Видели что-нибудь? – спросил Тор.

– Какая-то черная точка на горизонте, – выпалил Рез вый.

– Я ничего не видел, – вздохнул Сулл, переживавший свою неудачу. Суранцы все-таки неважные наездники, хотя Сулл во всех отношениях проворный парень. Тору вдруг захотелось огреть коня плетью и промчаться галопом по засыпающей степи.

– И все-таки там что-то движется, – настаивал Резвый, обладавший на редкость острым зрением.

– Может, это всего лишь осколок стаи? – предположил Сизарь.

Тор задумался: ехать навстречу черной точке или подождать? Сизарь-то, похоже, прав. К тому же в темноте не трудно будет потерять направление и разминуться с Арой, если это действительно он.

– Зажигайте костры, – приказал Тор.

Приготовленный загодя хворост вспыхнул, словно порох, огненные искры взлетели едва ли не к звездам. Тор поправил висевший на шее тяжелый автомат и вздохнул: скоро это грозное оружие превратится в никому ненужную игрушку – боеприпасы к огненным арбалетам были на исходе.

– По-моему, это обоз, – Резвый поднял голову и прислушался.

Тор уже и сам разглядел мелькающие вдали огни. Это могло быть только пламя факелов. Видимо, Ара, увидев костер, не стал останавливать обоз на отдых. Тор приказал двум меченым выехать навстречу огням – лишняя предосторожность в глухой степи не помешает. Обоз быстро приближался. Ара первым вынырнул из темноты и лихо прыгнул из седла едва ли не в костер. Лицо лейтенанта меченых было серым от пыли, но привычно веселым, обгорелая кожа слезала с него лоскутьями.

– Тебя Кристин в постель не пустит с такой рожей, – засмеялся Тор, обнимая товарища.

– Главное я сохранил, – возразил Ара.

Меченые шутками приветствовали товарищей, а в ответ слышались взрывы смеха. Тор отвел лейтенанта в сторону:

– Рассказывай.

– Эйрик Маэларский шлет тебе привет, – Ара улыбнулся почерневшими губами, – ну и хлеб, конечно.

– И как он там?

– Маэларский сидит твердо, но в Приграничье беспокойно. Бьерн Брандомский мутит воду. Неймется благородному владельцу, грезит о короне. В последнее время стал даже к Ожскому замку присматриваться, видимо, решил, что мы сгинули в Суранских степях. Я сказал Густаву, чтобы он не слишком церемонился с хитроумным Бьерном.

– А Ингуальд?

– Замок восстановили, да и земли Густав держит крепко, правда, не слишком обременяя мужиков повинностями, благо хозяйка далеко. Объявился в Приграничье Рекин Лаудсвильский, сунулся было в Ингуальд, но тут мы как раз подоспели, а то кое-кто начал уже забывать о меченых.

– Зашевелились серые?

– Зашевелились. Но Рекина опять обошли. Во главе ордена встал Хафтур Колбейн, мясник из Бурга. Чудны дела твои, Господи. Лаудсвильского здорово потрепали, и он прибежал в Приграничье зализывать раны. Бьерн его пригрел, и, боюсь, у Эйрика Маэларского будет немало хлопот с этой парочкой. Брандомский, узнав об избрании генералом ордена мясника, долго плевался, а потом заявил, что порывает с серыми все связи. В Бурге подняли головы владельцы, но Хаслумский успешно натравливает на них серых, а сам отдыхает в сторонке. По-моему, ты не ошибся в Бенте, он сумеет удержать корону Нордлэнда на голове малолетнего Гарольда.

– Откуда у тебя столь подробные сведения о Нордлэнде?

– От Эйрика. Маэларский везде имеет шпионов. Большинство приграничных владельцев на его стороне и за тесный союз с королем Нордлэнда Гарольдом, то бишь с Бентом Хаслумским. Как видишь, все течет, все изменяется – вчерашний враг становится другом.

– А что слышно о чужаках?

– На выходе из Змеиного горла нас поджидал сюрприз: три десятка личностей неизвестной породы, – усмехнулся Ара. – Наверняка без Рекина здесь не обошлось, его люди обнюхивали нас до самого отъезда.

– Значит, Рекин унаследовал связи от Труффинна, не все досталось мяснику?
– Одного чужака мы живым прихватили, интересный тип, скажу тебе. Молчуны его трясли, но без особого успеха.

Ара свистнул, и меченые подтащили к костру человека со связанными за спиной руками. При свете костра лицо незнакомца показалось Тору маловыразительным. Бритый наголо или просто лысый череп чужака более всего напоминал дыню, изрядно сплюснутую с боков двумя хорошими ударами. Однако глаза были цепкими, злыми и твердо смотрели на капитана меченых.

Глава 2

ЖРЕЦ

– Кто ты такой? – спросил Тор.
– Меня зовут Кюрджи, я жрец Храма Великого.
– Откуда ты знаешь наш язык?
– Я часто бывал в твоей стране, варвар. Для познавших истину нет препятствий.
– А где твоя страна и где твой дом?
– Мой дом – весь мир.
– Недурно, – улыбнулся Ара. – Но ты и нам хоть не много земли оставь.
Жрец бросил на лейтенанта высокомерный взгляд и скривил в усмешке бесцветные губы.
– Что ты ищешь в наших краях? – спросил Тор, которому странный незнакомец нравился все меньше и меньше.
– Великому нужны новые слуги.
– И много? – вежливо поинтересовался Ара.
– Скоро весь мир будет лежать у ног Великого, и тогда наступит всеобщее благоденствие, без голода, без крови, без болезней.
– Зачем же ты пытался убить моих людей, если не хочешь крови?
– Ты и твои люди враги Великого, но когда вы станете его слугами, ни один волос не упадет с ваших голов.
– Где находится храм Великого?
– Везде, где светят солнце и луна.
– Ты говоришь загадками, жрец Кюрджи.
– Это загадка для варвара, а познавший истину не пройдет мимо света.
– А как давно ты сам познал истину? – спросил заинтересованный Сизарь.
– С тех пор, как служу Великому. Это он научил меня постигать души людей и повелевать их разумом.
– А что ты прочел в моей душе? – спросил Тор. Жрец очень старался, капитан даже почувствовал легкую боль в голове, но это, кажется, было все, на что оказался способен его нынешний собеседник.
– То ли Великий тебя обделил, Кюрджи, то ли ты от природы такой бездарный, но я знал колдунов куда более способных, чем ты.
Жрец выглядел растерянным, но испуга в его глазах не было:
– Великий промоет тебе мозги, меченый, и тогда ты станешь покорным воле жрецов.
– Он и против меня пробовал применять свои фокусы, – жестко усмехнулся Ара. – Может и мне показать свое искусство?
– Вы сильные люди, варвары с севера, но жреца Великого не испугаешь болью.
– У нас тоже есть люди, подобные тебе, – Тор кивнул головой в сторону молчунов, стоявших в отдалении. – Ты уже имел случай с ними познакомиться.

- Они могли бы стать жрецами Великого, познав истину.
- А мы? – возмутился Ара. – Неужели только в слуги и годимся?
- Ты больше всего годишься в покойники, – криво улыбнулся Кюрджи, доказав, что чувство юмора жрецам Великого не чуждо.
- Люди, бывшие с тобой, тоже жрецы Храма?
- Только двое. Остальные просто пешки.
- Много таких пешек у Великого?
- Больше, чем звезд на небе, больше, чем песчинок на дне реки.
- Врет, – убежденно сказал Ара, когда жреца увели.
- Интересный тип, – Тор не скрыл озабоченности от лейтенанта. – Боюсь, непросто нам будет закрепиться в этих местах.
- Передай его Сету, – посоветовал Ара, – пусть молчуны вытрясут из него все, что можно.

Последний переход до Новой Башни не занял много времени. Да и дорога в этих местах была не столь трудна. Влажный ветерок, тянувший от реки, приносил желанную прохладу утомленным жарою путникам. Кони, вдоволь хлебнувшие воды, резво тянули груженные возы. Ни «глухари», ни кочевники не потревожили обоз, но на душе у Тора было беспокойно. Чирс далеко не все рассказал ему о Храме. Это стало ясно даже из того небольшого, о чем проговорился Кюрджи. И снова всплывал давно уже мучивший Тора вопрос – можно ли верить Чирсу? Не слишком ли безоглядно Тор Нидрасский бросился в неведомый мир? Но ведь кто-то должен быть первым. Кто-то должен пробить глухие стены непонимания и неприятия, объединив разрозненные осколки некогда цельного и огромного мира. Так говорил Чирс, так думал и сам Тор. Это, пожалуй, было единственным, что связывало этих в остальном таких разных людей, если не считать Данны, конечно.

Все население Башни вышло встречать долгожданный обоз. Прибежали даже мальчишки из соседнего Цоха. Шум стоял невероятный. Ара привел с собой около трех десятков семей с Ожских, Хаарских и Ингуальдских земель. Их окружили женщины Башни, спрашивая о новостях с родины, о своих близких, оставшихся в том, прежнем, почти уже нереальном мире. Вновь прибывшие растерянно озирались по сторонам, сбивчиво отвечая на вопросы. Нашлись и родственники, и односельчане, и просто знакомые. Меченые хотя и косо поглядывали на своих женщин, но общению их с земляками не препятствовали.

Тор искал глазами в толпе Данну и, не найдя, нахмурился. Данна не пришла его встречать, хотя жены всех остальных меченых были здесь. Может, это и к лучшему. Негоже капитану меченых общаться с женщиной на глазах у подчиненных. И без того дисциплина в Башне оставляет желать много лучшего. Взять хотя бы второго лейтенанта, который на глазах у всех целовал жену. Но Аре прощали то, что никогда не простили бы Тору, хотя бы потому, что он не только капитан Башни, но еще и ярл Хаарский, владетель Нидрасский и Ожский, убивший на поединке прежнего капитана меченых Чуба. Пока они идут за ним, но как далеко распространяется их доверие к новому капитану? Тор задумчиво обвел глазами площадь, забитую народом. Нет, это не Башня, это не крепость, где каждый воин часть монолита, готового обрушиться на врага по первому слову капитана. С женщинами надо что-то решать. Конечно, их можно отправить обратно в Приграничье, но где взять других? А ссориться из-за украденных женщин со степняками накладно по нынешним временам. Да и куда Тор прогонит Данну, которая к тому же не захочет уйти без сына.

Тор медленно двинулся вперед, ведя коня в поводу. Толпа равнодушно расступилась перед ним. Люди сторонились мрачного капитана Башни, и он не слышал ни одного приветливого слова из их уст. Удаления женщин требовали молчуны, но последователей среди меченых у них было немного. Разве что Рыжий, первый лейтенант Башни, поддержал мол-

чунов, но до того вяло и неубедительно, что эта поддержка больше походила на откровенную насмешку. О чем глава молчунов Сет сказал в глаза первому лейтенанту. Рыжий только крикнул в ответ и жалобно посмотрел на Тора. Тор и сам был не без греха: Данна родила ему сначала дочь и уже только поэтому должна была уйти по всем законам Башни, а потом сына. Чем ближе Тор подходил к дому, тем больше аргументов в споре с молчунами приходило ему в голову, но самый веский однажды высказал Ара:

– Не из глины же нам меченых лепить!

К счастью, это понимает старик Сет, но и ему, похоже, нелегко успокаивать молчунов, этих главных ревнителей традиций Башни. Сет поддержал Тора с самого начала, вопреки настроениям остальных молчунов и поддерживал до сих пор, несмотря на все случившиеся в Башне споры и ссоры. Странно, но старик, кажется, нашел общий язык с Данной. А вот Тору с этой женщиной приходилось не просто, и трудно было сказать, чьей вины здесь больше.

Наверное, они совершенно разные люди. Но если капитан не может поладить с женщиной, которую любит, то как же он сведет в единое целое несколько совершенно разных миров? В конце концов, все начинается с малого, с отношений между отдельными людьми, а эти отношения редко бывают простыми.

– Тор, – Рыжий хлопнул задумавшегося капитана по плечу, – ты что, уснул?

Тор вздрогнул и обернулся. Агнесс, пятилетняя дочь первого лейтенанта, показала ему длинный розовый язык. Рыжий смущенно засмеялся.

– Старик мудрит, – пояснил он капитану, – взялся и девок обучать. Раз, мол, живут в Башне, то пусть растут воинами.

Тору идея молчуна Сета показалась забавной и, пожалуй, разумной.

– Зря ты улыбаешься, – возмутился Рыжий, – посмотри, что тебе Данна скажет по этому поводу.

Первому лейтенанту с женой не повезло, она родила ему уже двух дочерей, что не способствовало росту его авторитета в Башне.

– Со своей женой я как-нибудь договорюсь. Разговор о женщинах как всегда закончился ничем. Тор подозревал, что завел его Рыжий только с одной целью: в очередной раз доказать и себе, и капитану безвыходность положения. И, если честно, капитан не осуждал первого лейтенанта за эту шитую белыми нитками хитрость.

Рыжий тронул коня, Агнесс, сидевшая у него за спиной, обернулась и помахала Тору рукой. Тор хотел ответить ей тем же, но не успел: на крыльцо выскочил Бес и, увидев отца, издал радостный вопль. Но, похоже, этим воплем и была исчерпана радость семьи по поводу возвращения главы. Данна бросила на мужа острый взгляд из-под сердито сдвинутых бровей и отвернулась. Это было уж слишком, но капитан сдержал себя. Бес, черноволосый в мать мальчишка, оседлал ногу отца и раскачивался в свое удовольствие. Имя ему дали молчуны, но это было тайное имя, и никто кроме матери, по древнему обычаю меченых, этого имени не должен был знать. Зато прозвище, данное теми же молчунами, к большому неудовольствию Данной, как нельзя более подходило шустрому мальчишке. А вот дочери имя дал сам Тор и, кажется, угодил жене. Ула, годом старше Беса, была спокойной девочкой, похожей на отца, такой же светловолосой и зеленоглазой. Тор любил дочь, пожалуй, больше сына, но никогда и никому не признался бы в этом.

Вошел Ульф, семилетний, не по годам мрачный мальчик, брат по матери, незаживающая рана Тора Нидрасского. Ульф с годами все больше походил на своего отца, а может быть, это только казалось Тору, стремившемуся забыть ту страшную ночь. Ульф, кажется, чувствовал холодок в отношении к себе старшего брата и предпочитал держаться от него в отдалении. Мальчик не был меченым и уже начал осознавать свою обособленность в Башне. Тор собрался было отправить его к Эйрику Маэларскому, но Данна воспротивилась, и он махнул на это дело рукой.

– Рэм искал тебя, владетель Тор.

– Сколько раз тебе говорить, что здесь я не владетель, а капитан Башни.

Ульф упрямо засопел, но ничего не сказал. Бес бросил на отца встревоженный взгляд.

– Ты сначала сам разберись, кто ты такой, а уже потом ребенка учи, – вмешалась Данна.

Тор раздраженно фыркнул и опустил сына на пол. Бес обиделся, отошел в угол к Ульфу и оттуда бросал на отца рассерженные взгляды. Тор поднялся, нацепил мечи и, не сказав никому ни слова, вышел. Улица была пустынной, и только на обочине копошились в пыли равнодушные ко всему куры. Проходя мимо, Тор с наслаждением подцепил одну из них сапогом.

– Воюешь, капитан, – Рэм, тяжело дыша, нагонял Тора.

– Устроили тут курятник! Докладывай.

– Чирс прислал человека.

Наконец-то! Тор уже начал терять надежду, что загадочный горданец когда-нибудь объявится.

– Чирс назначил нам встречу в старом заброшенном городе.

– А дорогу мы туда найдем?

– Найдем, – не очень уверенно сказал Рэм. – В крайнем случае пленник нам поможет. Он наверняка знает в этих местах каждую тропку.

– Знать-то знает, но неизвестно, куда он нас по этим тропам заведет.

Глава 3

СЕТ

Тор собрал совет Башни вечером следующего дня. Вопрос предстояло решить сложный, и он не строил иллюзий, что все пройдет гладко. Рыжий в принципе не возражал против встречи с Чирсом. Рано или поздно Башне придется столкнуться с Храмом, и лишняя информация не помешает. Вопрос: можно ли доверять горданцу?

– Пока он нас не подводил, – заметил Волк, третий лейтенант Башни.

– Нам нужна помощь в борьбе с вохрами, – поддержал Волка Ара, – а без огненных стрел Чирса в Южные леса лучше не соваться.

– Никто не знает, сколь весомо слово Чирса в Храме, – не сдавался Рыжий. – Прежде чем разговаривать с чужаками, нужно построить каменную Башню.

– Если мы не причешем вохров прямо в их гнездах, Башню придется строить ближе к Приграничью, возможно даже на старом месте, и тогда прощай новые земли.

– Ара прав, – энергично рубанул рукой воздух Волк, – если Храму нужен выход к Большой воде, то он заинтересован в строительстве Башни не меньше нашего.

– Чирс тоже так говорит, – заметил Рэм.

– А «глухари»? А нападение на обоз? – напомнил Рыжий. – Если Храм так заинтересован в союзе, то почему не шлет своих послов?

– Возможно, они просто обнюхивают нас.

Тор помалкивал, давая лейтенантам возможность высказаться. Старик Сет тоже не спешил обнародовать свое мнение, хотя, если судить по глазам, разговор не был ему безразличен. Два ближайших помощника главного молчуна, Герс и Кон, неподвижными глыбами нависали над столом, и по их каменным лицам трудно было определить, волнует их поднятая проблема или нет. Герс и Кон были на первых ролях среди окружавших Чуба молчунов, и про Чирса они наверняка знали больше лейтенантов. Тор не доверял ни тому, ни другому: кровь Лося, Леденца и Жоха на руках этих молодцов. Время от времени он ловил на себе их враждебные взгляды и отвечал им тем же. Молчуны пошли за Тором, когда меченые при-

знали его своим капитаном, но вряд ли их отношение к мятежнику коренным образом изменилось с тех пор.

– Надо полагать, Чирс не случайно назначил эту встречу, наверняка у него есть важное сообщение для нас, – сказал Ара. – Ехать надо, хотя, быть может, и не Тору.

– Речь не о Чирсе, – поморщился Рыжий, – речь о Храме. Построим Башню, и тогда нам что черт, что храмовик – все едино.

– Людей мало, – покачал головой Волк. – Степняков работать не заставишь.

– Заставлю, – пообещал Рыжий. – Дай срок.

– Вряд ли сейчас стоит ссориться с соседями, – покачал головой Волк, – две тысячи сабель – сила немалая.

Ара презрительно скривил губы. Степняков он за воинов не считал, обычные мужики с саблями в руках.

– Проблема не в том, какие они воины. Даже разбив их в сражении, мы ничего не выигрываем. Они скотоводы: соберут стада, и поминай, как звали. Это тебе не лэндовские мужики, которые без клочка своей земли протянут ноги. Проще заплатить им за помощь железом и оружием.

– Ты им дашь мечи, а они тебе этими мечами глотку перережут.

В словах второго лейтенанта была своя правда: даже лэндовские мужики порой теряли привычное терпение и брались за вилы, а уж со степняками и вовсе ухо следовало держать остро.

– Башню мы будем строить, – сказал Тор. – Я с этих земель не уйду, даже если Храм откажет нам в помощи. Оружие степнякам мы дадим, но не слишком много и не лучшего закала. Сурок подготовил чертежи и нашел камень. Везти камень, правда, далековато, но тут уж ничего не поделаешь.

Тор обвел присутствующих вопросительным взглядом – возражений не последовало.

– На встречу с Чирсом я возьму Ару и Рэма, а также два десятка меченых и десятков суранцев. Если будет такая возможность, то прогуляемся до самого Храма, но вам здесь расслабляться не следует.

– Смотри, Тор, – предостерег Рыжий, – с огнем играем.

– Бог не выдаст – свинья не съест, – успокоил его Ара.

– С вами поедут Герс и Кон, – своими словами Сет продемонстрировал солидарность с капитаном.

– Два молчуна – не мало ли? – осторожно усомнился Рыжий. – Неизвестно, с чем им придется столкнуться.

Тор усмехнулся про себя: Рыжий опасался молчунов и не хотел, чтобы их влияние возрастало в отсутствие капитана Башни. Понял это Сет или нет, но возражать первому лейтенанту не стал:

– С Герсом и Коном поедут еще трое.

Решение было принято, и лейтенанты, перебрасываясь на ходу шутками, покинули капитанский сруб. За ними ушли Герс и Кон, но Сет остался. Тор догадался, что предстоит серьезный разговор, и что старик скажет ему то, чего не обязательно знать лейтенантам Башни.

– Ты правильно сделал, выбрав себе в спутники меченых, но, может быть, ты ошибся относительно суранцев.

– Суранцы до сих пор честно выполняли свой долг, – удивился Тор, – вряд ли их можно заподозрить в коварстве.

– Я не о том, – досадливо поморщился старик, – Тебе предстоит не обычный поход, а скорее прыжок в неизведанное, и я не уверен, что суранцы готовы к такому прыжку. Все,

что мы знаем о Храме, а знаем мы не так мало, позволяет предположить, что его служители используют не совсем обычные методы воздействия на людей.

– Но, кажется, для вас, молчунов, подобные методы не являются новостью.

Сет пристально посмотрел на капитана и кивнул головой:

– Мы применяем нечто похожее в борьбе со стаей.

– А люди?

– Если ты имеешь в виду меченых, то наши методы бессильны против вас. Ты слышал поговорку: меченый убивает мечом, а вохр взглядом?

– Слышал, но, честно говоря, не совсем уяснил ее суть.

– Вохры появились у наших границ давно, но ни в одной из древних книг мы не нашли даже намек на их существование. Значит, они продукт чудовищных катаклизмов, которые произошли на нашей планете много веков назад.

– Я плохо себе представляю тот прошлый, погибший мир, – признался Тор.

– Это наша вина: мы слишком тщательно оберегаем свои тайны. Первые упоминания о вохрах мы встречаем в хронике Башни более четырех сотен лет назад.

– Неужели так давно? – удивился Тор.

– Да, – усмехнулся Сет. – После страшной катастрофы наш уцелевший мирок откатился назад, словно под воз действием ударной волны, а потом застыл в полной неподвижности на долгие годы. Хроники меченых – это бесконечные описания кровавых побоищ, предательств, тайных убийств и отчаянной стойкости сыновей Башни. Вохры, вожаки, псы, монстры, о которых мы сейчас знаем только по старинным хроникам, – все эти твари с завидным постоянством и настойчивостью рвались в Приграничье и далее – в Лэнд. Башня на протяжении веков теряла своих воинов после встреч со стаей – сила, исходящая от вохров, разрушала их мозг.

– Но я сам дрался с вохрами, – возразил Тор, – и жив, как видишь.

– Это потому, что ты меченый. Ярл Гоонский поздно понял свою ошибку, но все-таки у него хватило ума ее понять. Он заключил с нами договор и не дал истребить меченых, а вы с детских лет участвовали в обороне Змеиного горла.

– А почему сила вохров безвредна для меченых?

– В жестокой схватке с монстрами выживали лишь те, кто мог им противостоять. Эти люди давали потомство, которое наследовало замечательные качества своих отцов. Отсюда родилось понятие «меченый». Нельзя было потерять даже одного такого воина.

– Но ведь женщины рожали не только мальчиков?

– В Приграничье немало людей, в той или иной мере унаследовавших свойства меченых от своих матерей, дочерей Башни. Когда Башня была в силе, мы отслеживали таких младенцев и в случае необходимости возвращали их за каменные стены. Теперь ты понял, почему я не доверяю суранцам Рэма?

– Ты считаешь, что Храм воздействует на людей подобно вохрам?

– Да, но более изощренно, не убивая, а порабощая их.

– Ты рассказал мне, как получают меченые, но скрыл, откуда берутся молчуны.

– Способностью воздействовать на чужой мозг обладают в той или иной мере все люди, иногда во благо, чаще во зло. Мы научились находить наиболее способных еще в младенчестве и развивать их качества соответствующим образом. Мы нужны были Башне, и мы появились.

– Отец моей жены был горданцем... – неуверенно на чал Тор.

Сет с готовностью кивнул головой:

– Он многому научил свою дочь, когда она еще не соображала, чему ее учат. Мне кажется, что горданцы от природы обладают некоторыми качествами, которые отличают их

от других людей. Хотя, не исключено, что эти качества привнесены искусственно, а потом закреплены в потомках.

– А мои дети?

– Мальчик унаследовал способности деда в большей степени, чем девочка.

– Я не хотел бы, чтобы об этом судачили в Башне.

– С нашей стороны утечки не будет, – сверкнул вдруг по-молодому глазами Сет, – Этот мальчик примирил тебя с молчунами, Тор, хотя ты этого, кажется, не заметил.

Тору эти слова Сета не понравились, но он не стал выставлять свои чувства напоказ. Молчуны были частью Башни, но частью ущербной и, наверное, остро чувствовали свою обособленность и неполноценность. Противостояние Чуба и Драбанта во многом было продиктовано именно этим обстоятельством.

– Ты слышал прежде о Гордане?

– Упоминания об этом городе встречаются в хрониках меченых, причем с давних времен. Пленные кочевники называли горданцев колдунами и повелителями молний. Я встречался когда-то с отцом твоей жены Ахаем, он производил впечатление очень сильного человека. Духи приняли его как брата. Я думаю, тебе следует поговорить с Данной, возможно, она расскажет тебе больше, чем рассказала мне.

Глава 4 ДВА СКОРПИОНА

– Мы уезжаем, – просто сказал Тор и по тому, как побледнело лицо женщины, понял, что она вполне разделяет его тревогу.

Данна крепко ухватила его за руку и произнесла только одно слово:

– Идем.

– Зачем?

– Так надо.

Данна не любила долгих объяснений и предпочитала словам жесты, короткие и повелительные. Такая манера общения раздражала Тора, но бывали минуты, когда он не находил в себе силы противостоять ей. Ночь была звездной и лунной, но Тор то и дело спотыкался в темноте, отчаянно ругаясь про себя. Данна видела в темноте как кошка – ночь была ее стихией, и Тор невольно робел перед ней в такие минуты. Какие-то неведомые силы порой поднимались из глубин ее существа, одновременно притягивающие и отталкивающие Тора. Широко распахнутые миру, черные, словно сотканые из тьмы, глаза этой женщины могли, казалось, видеть не только прошлое, но и будущее. Сила этих глаз завораживала Тора, и хотя он боролся отчаянно, устоять ему удавалось далеко не всегда.

Постепенно его глаза привыкали к темноте, и ночь уже не казалась такой беспросветно черной. Они миновали ворота Башни, где растерявшийся Сизарь хлопал удивленно глазами и долго при свете чадающего факела копался с тяжелыми запорами. Тор подсадовал и на себя, и на Данну. Теперь Сизарь разболтает о ночной прогулке капитана всей Башне, и долго еще потом местные кумушки будут шептаться о таинственной Ожской ведьме, околдовавшей Тора Нидрасского. Данна держалась особняком от остальных женщин Башни, и только Кристин, жена Ары, частенько бывала у них дома, но что связывало этих столь разных женщин, Тор не знал, да и не стремился узнать. Так или иначе, но Данну за глаза в Башне называли ведьмой. Тор не раз слышал шепот у себя за спиной, когда им случалось на людях появляться вместе. Это не способствовало повышению его авторитета, но, в конце концов, меченым к колдунам не привыкать, живут же в Башне молчуны, пусть поживет и ведьма.

А Данна шла все дальше и дальше от деревянных стен поселка, уверенно выбирая дорогу, пока, наконец, не вывела Тора на берег Сны.

- Ну и зачем мы сюда пришли, – недовольно пробурчал Тор, озираясь по сторонам.
- Зажигай костер, – приказала Данна.

Тор огляделся вокруг в поисках хвороста и без труда обнаружил его. Данна наверняка побывала здесь днем, и их сегодняшняя ночная прогулка вовсе не была внезапным капризом этой загадочной женщины. Костер загорелся не сразу, но все-таки загорелся, выхватив из темноты пятючок земли перед крутым обрывом. Данна стояла почти на самом его краю, запрокинув голову, и не отрываясь смотрела на сияющие над головой звезды. Тор тоже посмотрел в небо, но ничего любопытного там не обнаружил. Он вздохнул и опустился на землю возле костра. Капитан по опыту знал, что лучше Данне в такие минуты не мешать. Это загадочное молчание всегда его раздражало – что она высматривает среди звезд, какие мысли сейчас бродят в ее голове? Самым умным было бы плюнуть на все и уйти, но он почему-то продолжал неподвижно сидеть у костра и смотреть на женщину. Данна вдруг повела головой, тугая волна волос упала ей на лицо, она одним движением освободилась от одежды и сделала несколько шагов к краю обрыва. У Тора перехватило дыхание. Тело Данны скорее угадывалось в слабых отблесках костра. Она взмахнула руками и прыгнула вниз. Тор охнул и рванулся к обрыву. Он до сих пор боялся воды, и никакая сила не заставила бы его броситься в реку с такой высоты.

- Прыгай, – услышал он призыв из темноты.

Тор сбросил одежду и поежился то ли от подступающего страха, то ли от освежающего ночного ветерка. Черная пропасть внизу манила и отталкивала его. Вряд ли он решился бы прыгнуть с этого обрыва днем, но темнота скрадывала расстояние. Капитан закрыл глаза, сделал несколько шагов и стремительно рухнул вниз. Сердце едва не разорвалось в груди, когда разгоряченное тело соприкоснулось с обжигающе холодной водой. Тор, яростно работая ногами и руками, рванулся вверх. Рядом, над блестящей под лунным светом поверхностью реки, чернела голова Данны. Тору показалось, что жена улыбается. Он с трудом держался на поверхности, беспомощно размахивая руками. Вода попала ему в рот, и Тор злобно отфыркивался, кося на Данну сердитыми глазами. Эта женщина безусловно была безумной, но и он сам недалеко от нее ушел, иначе не кинулся бы столь безрассудно вниз с обрыва. Данна потянула его за собой к противоположному пологому берегу. До него было довольно далеко, Тор вновь ощутил прилив страха и отчаянно рванулся назад. Данна не удерживала его, но и не поплыла следом. Тор поднял голову. Берег нависал над водой крутым уступом, выбраться здесь из реки было попросту невозможно. Он обругал себя за легкомыслие. Плавал Тор плохо и вряд ли мог долго продержаться на воде. А потому следовало, пока не иссякли силы, плыть за этой сумасшедшей.

К своему удивлению, Тор добрался все-таки до противоположного берега, хотя и порядочно выдохся при этом. Данна уже поджидала его. Отжимая волосы, она искоса посматривала на тяжело дышавшего мужа. Тор готов был поклясться, что она смеется, хотя и не видел выражения ее лица в темноте. Он рухнул молча ничком у ног женщины и с наслаждением вытянулся на горячем песке. Данна опустилась рядом и провела ладонью по его спине. Тор никак не отреагировал на ее ласку, он был сердит и не собирался так просто идти на мировую. Лица Данны он не видел, но по-прежнему был уверен, что она улыбается, глядя на него. Тор резко перевернулся на спину и приподнялся на локтях.

Так и есть, она действительно смеялась. Это было уж слишком: затащила его в воду, едва не утопила, а теперь еще и откровенно потешается над ним. И это в последнюю ночь перед расставанием, быть может, в последнюю их ночь!

Он откинулся на спину, закинув руки за голову, и уставился в звездное равнодушное небо. Данна чуть подалась вперед, и Тор ощутил ее дыхание на своем лице. Губы его потянулись к ее губам, но женщина в самый последний момент вдруг отшатнулась и встала. Тор

стремительно прыгнул за ней прямо с земли, мгновенно напряжнив все мышцы сильного гибкого тела, но промахнулся.

Данна бежала вдоль кромки воды по песчаному пляжу, широко разбрасывая ноги. Озвевший от обиды и распирающего тело желания, Тор бросился за ней следом. Он почти уже настиг ее, осталось только руку протянуть, но Данна вдруг стремительно рванулась в сторону, и Тор, не удержавшись на ногах, с размаху ткнулся лицом в песок. Это была игра, но игра серьезная, и Тор, задыхаясь от охватившей его ярости, принял ее условия.

Он все-таки настиг Данну у самого края березового колка и, безжалостно схватив за длинные густые волосы, швырнул на траву. Его глаза утонули в ее глазах, а ее губы с жадностью впились в его губы. Тор зарычал от удовольствия, вдыхая неповторимый аромат ее волос. Упругое тело женщины еще капризно изгибалось в его руках, а ноги уже плотно обхватывали бедра. Данна словно вбирала его целиком, дрожа и задыхаясь от наслаждения и муки...

Тор лежал на траве, бездумно глядя в небо столь же бездонное, как и глаза женщины, которую он любил, и которая была сейчас рядом с ним. По ее ровному дыханию трудно было понять, спит она или нет. Тору не хотелось поворачивать голову, он просто крепче обнял женщину и притянул к себе, ощущая ее горячее, льнущее к нему тело. Ему хотелось, чтобы так было всегда. Он не удержался и скосил на нее глаза. Данна не спала, правая ее рука нервно теребила медальон, лежавший на груди. Медальон был примечательным: два скорпиона, сцепившись в смертельной схватке, отравляли друг друга смертельным ядом. Данна вдруг приподнялась и села, странно-неподвижный ее взгляд остановился на лице мужа. Тору показалось, что она не видит его в эту минуту. Черные скорпионы вдруг замерцали на ее груди таинственным синеватым светом. Тор схватил медальон с одним горячим желанием: сорвать его с шеи любимой женщины и зашвырнуть куда-нибудь подальше, но Данна удержала его руку. Тор почувствовал, как нагревается металл в ладони. Данна обхватила его руку и не дала разжать кулак. Он ощутил острую боль ожога и застонал. Данна пристально смотрела ему в глаза, словно ждала ответа. И Тор вдруг увидел... Увидел голую равнину, полыхающую ровным странноватым огнем, и черную пирамиду, этим огнем опаленную. Это было похоже на вспышку молнии, осветившую мозг. Видение исчезло, и пораженный Тор выпустил страшный медальон из обожженной ладони. Данна поднесла его руку к лицу и стала осторожно дуть на обуглившуюся кожу. Тор ничего у нее не спросил, а она ничего ему не сказала.

Возвращались они в Башню уже на рассвете. Заспанный Сизарь хитро покосился на капитана, но не произнес ни слова, и Тор был ему за это благодарен. В свою очередь он закрыл глаза на русую голову и два испуганных глаза, которые выглядывали из бойницы сторожевой башенки. Это было серьезным нарушением дисциплины, но Тору не хотелось почему-то упрекать Сизаря в это утро. Данна крепко держала мужа за локоть и не пожелала его выпустить, даже когда они миновали ворота Башни. Тору оставалось надеяться, что в такую раннюю пору их никто не увидит. Они молча прошли по улице, и лишь на пороге дома Данна вдруг повернулась к нему:

– Я не знаю, что ты видел, Тор, но это виденное грозит тебе гибелью. Будь осторожен, ради меня.

Глава 5 ПОКИНУТЫЙ ГОРОД

– Я говорил, что вся эта затея с Храмом – чушь собачья. Ара зло плюнул под ноги коню. Вот уже вторые сутки они двигались по степи и не встретили пока ни одной живой души. Тор отпил немного тепловатой воды и протянул сосуд товарищу.

– На, охладись немножко.

Ара фыркнул, но воду взял. Безлюдье в степи мало тревожило Тора, куда больше его волновало отсутствие воды. Еще один день по пышущей жаром степи, и им придется по-настоящему туго.

– Должна же нас куда-то привести эта чертова дорога. – Сержант Башни Резвый раздраженно хлопнул плетью по рыжему от пыли сапогу.

– Эту дорогу тысячу лет назад мостили, – усмехнулся Соболев и покосился на Рэма.

– Чирс рекомендовал держаться древней дороги, она выведет нас к городу, – нехотя отозвался утомленный беспощадным зноем суранец.

– Может быть, он имел в виду другую дорогу?

– Откуда мне знать?! – в голосе Рэма звучало раздражение.

– Нам следовало двигаться вдоль реки, – высказал свое мнение крепкий задним умом Сизарь.

– Золотые слова, – усмехнулся Ара, – воды было бы вволю.

– Должен здесь где-то быть город, – настаивал суранец Сулл, но на его обожженном солнцем лице не было уверенности.

– Давайте спросим фокусника, – предложил второй лейтенант Башни. – Он-то должен знать.

Кюрджи напустил на себя таинственный вид и отказался отвечать. Да и вел себя жрец странно: чем дальше они углублялись в степь, тем более несговорчивым он становился, словно ощущал поддержку родных мест.

– Где вода?! – Ара без долгих размышлений вытянул служителя Великого плетью вдоль спины.

Кюрджи злобно ощерился в его сторону, но не сказал ни слова.

– Вздернуть бы его, – вздохнул Сизарь, тоскливо оглядывая голую степь, – да не на чем. Замечание Сизаря вызвало дружный смех товарищей. Серьезным оставался один Кюрджи, крылья его крупного носа подрагивали от бешенства.

– Не шути так со мной, жрец, – Ара помахал перед его лицом плетью. – Прежде чем мы вытянем ноги, я с тебя шкуру сниму.

Потемневшие от гнева глаза меченого не давали повода усомниться в его словах, а потому Кюрджи сдался:

– Город недалеко. К вечеру будем.

– Давно бы так, – усмехнулся Ара.

– Только вы рано радуетесь, у этой воды сторожа есть.

– Что еще за сторожа? – удивился Резвый.

– Это древний город, – недовольно пробурчал Кюрджи, – мы его всегда стороной объезжаем. Много слухов о нем ходит. Говорят, что его населяют вампиры, сосущие кровь неосторожных путников.

– Врет, – сказал Ара.

– Сам убедишься, – огрызнулся Кюрджи, – и я буду рад, когда это случится.

Город вырос перед глазами меченых внезапно, словно призрак, таившийся до поры среди зыбучих песков. Ничего подобного им прежде видеть не доводилось, даже развалины Бурга выглядели менее внушительно. Да и сохранился этот город куда лучше, чем все известные меченым развалины древних поселений Лэнда. Этот город выглядел почти целым, казалось, что жители покинули его только вчера. Да и покинули ли они его вообще?

– Шикарное место для проживания выбрал себе твой приятель, – Ара обернулся к Рэму. Суранец был поражен открывшейся картиной не меньше меченого и только головой качал.

– Я слышал о таких городах от стариков, но никогда не думал, что они столь прекрасны.

Тор молчал, город притягивал его величавой красотой, дыханием пролетевших столетий, таинственной силой, которой обладали далекие предки и которая навеки погребена и этих камнях.

– Ну и как мы здесь отыщем Чирса? – практичный Ара забеспокоился первым.

– Разобьем лагерь на берегу водоема, – решил Тор, – а с рассветом отправимся в город.

Водоем, о котором говорил жрец Кюрджи, был расположен в двух верстах от города. Тор с удивлением обнаружил, что этот водоем, скорее всего, искусственного происхождения. Непонятно было, каким образом он наполняется, не видно было даже захудалой речки, которая впадала бы в него. Водоем был невелик, его легко можно было охватить взглядом, но достаточно глубок и полноводен. Ара первым обратил внимание на следы, оставленные на отсыревшей земле. Зато Кюрджи не без злорадства указал меченому на кости, разбросанные по берегам. Кости, безусловно, были человеческими.

– Веселенькое место, – усмехнулся лейтенант.

– Посмотрим, как ты будешь веселиться здесь ночью, – зловеще усмехнулся жрец.

Ара в ответ хмыкнул, однако не преминул посоветовать капитану усилить дозоры. Тор согласился с лейтенантом, его смущало отсутствие топлива для костров, но в наступивших сумерках уже поздно было что-то предпринимать.

Проснулся Тор от криков и сухого треска автоматных очередей. Суранцы отчаянно палили во все стороны, впустую расходуя и без того скудный боезапас.

– Отставить! – рявкнул Тор.

Стрельба прекратилась, но люди продолжали возбужденно перекликаться.

– Он в двух шагах от меня полз, – узнал капитан голос суранца Сулла, – куда, интересно, смотрели часовые?!

– Резвый, – позвал Тор.

Сержант явился в ту же секунду, в свете факела лицо его выглядело расстроенным и встревоженным.

– Я увидел его, когда Сулл выстрелил, а ребята вообще ничего не заметили.

– Значит, кто-то все-таки был?

– Я не разобрал, капитан, – пожал плечами Резвый.

– Все целы?

– Все, капитан, – доложил Соболев.

– Внимательнее нужно быть, сержант, – укоризненно сказал Тор Резвому, – и зажгите побольше факелов.

Больше ничего в эту ночь не случилось. А на рассвете второй лейтенант добросовестно обшарил округу, но ни одного трупа не обнаружил.

– Как же так, – возмутился суранец Тилл, – ведь столько стреляли!

– Значит, промахнулись, – усмехнулся Ара.

Тора смущала ехидная улыбка на губах жреца Кюрджи, тот явно что-то знал, но помалкивал.

– Придется искать Чирса в развалинах, – капитан угрюмо оглядел подчиненных, – не зря же мы сюда трое суток добирались.

Тор взял с собой Ару, который наотрез отказался оставаться в лагере, и десятку Резвого, оставив Соболя и его людей охранять лагерь вместе с суранцами. Рэм, однако, решил отправиться с Тором. Вряд ли это было разумно – брать с собой обоих лейтенантов, но Тор был уверен, что осмотрительный Соболя справится с охраной лагеря лучше, чем горячий и шумливый Ара. К удивлению капитана, Кон отправился в разведку вместе с мечеными. Тор промолчал, хотя предпочел бы оставить молчуна в лагере.

Вблизи город оказался куда менее красивым, чем это виделось издали. Время сделало здесь свою разрушительную работу. Многие дома уже рухнули под бременем прожитых лет, другие еще пилили пустые глаза-проемы на неожиданных гостей, словно ободранные нищие, просящие подаяние. Тора поразило количество зданий. Он прикинул в уме, сколько жителей могло проживать в этом городе, и покачал головой – цифра получалась внушительная.

Несколько часов меченые ездили по городу, но не встретили ни одной живой души. Не было даже намека, что в этих огромных каменных коробках кто-то обитает.

– Я слышал, что вампиры живут под землей, – шепотом произнес Рэм.

– Под землей? – удивился Сизарь. – А зачем? Здесь столько домов, выбирай любой.

– На то они и вампиры, чтобы жить не по-людски, – заметил тоном знатока Воробей.

– А на кого они здесь охотятся по ночам, ведь не каждый же день к ним приезжают меченые?

– Скорее всего, друг на друга, – пояснил Рэм. – Говорят, что все жители старинных городов людоеды.

– А вот мы сейчас проверим, правда это или нет, – Ара остановил коня у круглого колодца, который уходил глубоко под землю. Меченые в нерешительности склонились над провалом. Рассказы Рэма о местных жителях не располагали к знакомству с их предполагаемой средой обитания.

Тор приказал Резвому расположиться поблизости от колодца и ждать их до темноты, после чего возвращаться назад в лагерь, но ни в коем случае не пытаться разыскивать их в подземном лабиринте. Резвому это распоряжение не понравилось, и он попытался протестовать, но Тор остался непреклонен:

– Возвращайся в лагерь, и немедленно снимайтесь. Соболя поведет вас обратно. Это приказ.

В колодец полезли Тор, Ара, Сизарь, Рэм и Кон. Резвый протянул молчуну свой автомат, но тот отрицательно покачал головой. Последним в провал спустился Воробей, небольшого роста широкоплечий меченый с длинными цепкими руками. Воробей славился тем, что видел в темноте не хуже, чем днем, и Резвый послал его на случай, если запас факелов иссякнет раньше, чем разведчики выберутся на свет.

Проход, по которому двигались меченые, узкий и низкий вначале, понемногу расширился, и вскоре даже Тор, самый высокий из всех, смог выпрямиться во весь рост. Проход разветвлялся, узкие проемы уходили в разные стороны, но меченые не рискнули пускаться по ним в путь, предпочитая держаться главной магистрали. Воздух под землей был затхлым, факелы никак не хотели разгораться, и разведчики с трудом разбирались в хитросплетениях подземного лабиринта.

– По-моему, там кто-то есть, – Воробей произнес эти слова свистящим шепотом, указывая в один из боковых лазов, почему-то особенно зловонный.

– По-моему, это не человек, – сказал молчун.

– Сейчас проверим, – Ара взял из рук Сизаря факел и решительно двинулся вперед. Брошенный из темноты предмет просвистел мимо головы лейтенанта и, со звоном ударившись о каменную стену, отлетел под ноги Тору. Капитан поднял нож и с удивлением принялся его рассматривать. Оружие подземного жителя представляло собой плохо заточенную железную полосу с грубо обработанной деревянной ручкой. Ара взял из рук капитана нож и укоризненно покосился на Кона:

– А ты говоришь – не человек.

– Эй, – крикнул Тор в темноту, – выходи.

Эхо гулко прокатилось по переходам и затихло где-то вдали. Никто, похоже, не собирався откликаться на зов капитана.

– Он там, – не согласился с общим мнением молчун. – Позволь мне его позвать.

Кон выдвинулся вперед и замер в неподвижности, пристально вглядываясь расширенными глазами в темноту. Слабый шорох послышался в глубине подземного коридора: кто-то, пока невидимый, двинулся медленно в их сторону. Меченые с удивлением и оторопью разглядывали маленькую неказистую фигурку подземного жителя. Голова его на длинной тонкой шее напоминала куриное яйцо с хвостиком. Подбородок отсутствовал начисто, зато из-под нависающего над переносицей лба смотрели огромные, едва ли не в пол-лица, глаза. Свет факелов, видимо, раздражал подземного жителя, он то и дело моргал морщинистыми без ресниц веками.

– Редкостный красавец, – протянул Ара.

– Что-то не похож он на людоеда, – покачал головой Сизарь. – С такими-то зубами.

Незнакомец вдруг встрепенулся и зачирикал что-то на птичьем языке.

– А что он говорит, – Тор вопросительно посмотрел на молчуна.

– Похоже, просит защиты.

– А от кого мы должны его защитить?

– Что-то большое и черное.

Подземный житель зачирикал еще громче и метнулся под защиту меченых, видимо то, что было за спиной, казалось ему неизмеримо более страшным, чем пришельцы. Ара вскинул автомат и выстрелил в темноту. Воробей, с перекошенным не то от страха, не то от изумления лицом, последовал его примеру. Раздался громкий визг, заставивший меченых содрогнуться. Кто-то большой и тяжелый бился в темноте в нескольких метрах от главного хода. Тор швырнул вперед факел, чтобы осветить пространство вокруг подземного чудовища. Факел упал в лужу и с шипением угас. Чудовище наконец перестало биться и вопить. Меченые осторожно двинулись вперед, держа оружие наготове.

– Ну и ну, – Воробей удивленно пнул поверженное животное.

Больше всего оно напоминало дикую свинью из Ожского бора. Такое же жирное, заросшее щетиной тело, только вместо раздвоенных копыт были толстые короткие лапы с острыми длинными когтями.

– Да это крыса! – догадался вдруг Воробей.

– С ума сошел, – возмутился Сизарь. – Где ты видел таких крыс?

– Ты сам посмотри, – настаивал Воробей, – вот и хвост у нее крысиный, голый и длинный.

Несмотря на всю дикость подобного предположения, меченые вынуждены были согласиться со своим товарищем. Чудовище действительно напоминало крысу.

– Да, – Ара сдвинул берет на самые брови и почесал затылок, – веселая у них тут жизнь, недаром этот урод так испугался.

– Ладно, – махнул рукой Тор, – где этот чирикающий субъект, пусть отведет нас в свое логово.

Подземного жителя обнаружили не сразу, а обнаружив, вздрогнули от отвращения: припав к ране на шее чудовища, тот с наслаждением пил кровь.

– Я же говорил – вампиры, – прошептал Рэм, потрясенный зрелищем.

Тор только брезгливо сплюнул в ответ.

Глава 6 ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ

Маленький вампир уверенно вел меченых по подземным переходам, видимо, глаза его видели в темноте гораздо лучше, чем на свету. Тор приказал погасить факелы, их оставалось не так много, а предстоял еще долгий путь обратно, если не удастся найти другой выход на поверхность. Внезапно путь им преградила металлическая решетка. Вампир что-то закричал своим тонким писклявым голосом, и несколько таких же голосов отозвались из темноты. После долгих переговоров решетка дрогнула и поползла вверх. Меченые, предводительствуемые сомнительным проводником, смогли наконец проникнуть в подземную крепость.

Тору показалось, что они стали потихоньку подниматься к поверхности, он поделился своими ощущениями с товарищами, и те охотно подтвердили его предположение. Становилось все светлее, хотя меченые никак не могли определить, откуда в подземелье проникает свет. Новая решетка преградила им путь, стало еще светлее, и гости подземелья уже без труда различали друг друга в полутьме. Шло время, но решетка не поднималась, маленький проводник заволновался, он то и дело громко и пронзительно кричал, но и ответ не доносилось ни звука. Решетка впереди, решетка позади – все это слишком напоминало ловушку. Ара подошел к преграде и попробовал ее расшатать. Решетка, однако, сидела крепко. Едва слышный шорох раздался у меченых за спиной, кто-то подкрадывался к ним из бокового прохода. Воробей швырнул факел в темноту. Факел ярко вспыхнул, осветив чудовищные оскаленные морды. Ара сорвал с плеча автомат и выпустил длинную очередь. Послышался уже привычный визг и частый топот убегающих ног. Убежали, правда, не все: несколько огромных крыс остались на месте, загораживая боковой проход жирными тушами.

– Что же нам, подыхать теперь среди этих тварей, – возмутился Сизарь.

Можно было попробовать пройти боковыми проходами, но меченым этот путь не пришелся по вкусу, уж больно отвратительный вид имели местные обитатели.

– Я крыс вообще не люблю, – сказал Ара, – а уж этих... Со вторым лейтенантом трудно было не согласиться – тварей могло оказаться слишком много даже для хорошо вооруженных меченых. К тому же крысы подкрадывались бесшумно и нападали внезапно. В крошечной тьме у них было явное преимущество.

– Можно взорвать решетку, – молчун Кон расстегнул сумку и достал круглый металлический шар величиной с яблоко, – выбирайте, куда будем прорываться, назад или вперед.

– Вперед, – предложил Ара.

Тор был с ним согласен: главное направление выводило их к поверхности, о чем говорил проникающий в подземелье свет, и появилась надежда, что выход неподалеку. Молчун пристроил шар на выступе стены и вставил длинный фитиль, скрученный из длинных волокон какого-то растения.

– Спрячьтесь в боковом проходе, – крикнул он меченым.

В замкнутом пространстве подземелья взрыв прозвучал оглушительно, веками нетревоженная пыль густым туманом повисла в воздухе. Меченые отчаянно чихали и кашляли, задыхаясь в тысячелетнем прахе. Взрывом разрушило часть каменной кладки, и решетку, хотя и с большим трудом, удалось отогнуть в сторону, чтобы смог протиснуться человек. Маленький вампир, о котором меченые забыли в суматохе, вновь подал голос и быстро закричал, указывая рукой вперед.

– Извини, приятель, – усмехнулся Ара, – но теперь мы сами будем выбирать путь.

Десяток вампиров неожиданно высыпали навстречу меченым. Никаких враждебных действий они не предпринимали, только громко и возбужденно о чем-то перекликались. Тор остановил своих людей, которые уже обнажили мечи и приготовились к расправе. У вампиров кроме ножей не было никакого оружия, и не похоже было, что они собираются пустить их в ход. Длинный узкий коридор закончился, и широкая каменная лестница повела их вверх. Дышать стало легче, да и света прибавилось. Поднявшись по лестнице, меченые очутились в огромном зале с грязно-серыми разводами на стенах. Сотни уродливых голов повернулись в их сторону, и крик не то удивления, не то ужаса вырвался из множества глоток. Скорее всего, меченые попали в главное логово подземного народца. Здесь были и женщины, и хилые рахитичные дети. Впрочем, детей было совсем немного, и Тор подумал, что дни этих вырожденцев уже сочтены. Внезапно толпа вампиров расступилась, и перед мечеными предстал человек совсем иного вида, чем подземные жители. Это был мужчина высокого роста, его загорелая кожа резко выделялась на фоне бледных лиц вампиров. Крупный с горбинкой нос нависал над оттопыренной верхней губой, что придавало горданцу сходство с хищной птицей. Большие темные глаза его не мигая смотрели на пришельцев.

– Чирс, – облегченно вздохнул Ара, – а мы уж думали, что вампиры тебя прикончили.

– Я рад видеть меченых в своем скромном убежище, – толстые губы горданца растянулись в улыбке.

– Не скажу чтобы нас встречали с особой теплотой, – усмехнулся Тор.

– Ловушка была расставлена не на вас. К сожалению, мне слишком поздно сообщили. Надеюсь, никто не пострадал?

– Если не считать ваших очаровательных свинок, то никто.

Чирс удивленно посмотрел на Ару, но тут же понимающе кивнул головой:

– Ты, видимо, имеешь в виду крыс. Эти мутанты самая большая опасность в лабиринте.

– Я бы не слишком доверял и нашим хозяевам, у которых, как я заметил, довольно странные вкусы.

– Они тоже мутанты, но вряд ли опасные для человека с трезвой головой и крепкими руками.

– Я не знаю, что ты понимаешь под словом «мутант», – покачал головой Ара, – но я бы предпочел держаться подальше от этих мест.

Чирс пожал плечами и взмахнул рукой:

– Думаю, в моих покоях вам будет значительно уютнее, господа.

Тор без колебаний последовал за горданцем, хотя его не покидало ощущение, что Чирс чего-то боится. Вряд ли эта ловушка была случайностью, но, похоже, она действительно предназначалась не для меченых. Видимо, его осторожный родственник ждал еще кого-то.

– А ты неплохо здесь устроился, – сказал Ара, обводя глазами роскошное помещение.

Кона привлекли древние книги, стоявшие на длинных полках вдоль стен. Молчун не удержался и взял одну из них в руки. Книга была написана на незнакомом ему языке, но содержала ряд любопытных иллюстраций. Чирс с интересом наблюдал за гостями, и снисходительная улыбка не покидала его надменного лица. Надо полагать, просвещенный горданец потешался над неуклюжими варварами. Воробей с размаху опустился в кресло и тут же с воплем вскочил на ноги. Ему показалось, что кресло разваливается под ним.

– Это пружины, – засмеялся Чирс – Можешь садиться без страха.

Воробей, однако, предпочел усесться на твердый подлокотник – хитрые приспособления колдуна заднице меченого ни к чему.

– Вы видите жилище бедного отшельника, – скромно заметил Чирс.

– Не такого уж и бедного, – возразил Ара, разглядывая фигурки из золота, стоящие на столе.

- Это шахматы, – пояснил горданец.
- Все может быть, – согласился Ара, которому слово «шахматы» сказало еще меньше, чем слово «мутант». – Это твои люди навели нас ночью у водоема?
- Ты преувеличиваешь мое влияние в этом подземном мире, лейтенант. Под моей рукой их всего лишь несколько сотен, а в городе тысячи и тысячи.
- И тебе нравится жизнь среди вампиров? – удивился Сизарь.
- Здесь я чувствую себя в относительной безопасности. Я помогаю этим несчастным существам и пользуюсь их расположением.
- Решетки – это твоя работа?
- Решетки, ножи и кое-что по мелочи. Этот вырождающийся народец не умеет обрабатывать металлы.
- И много подобных мест в вашем мире? – спросил Тор.
- Куда больше, чем хотелось бы. Не всем удалось отделаться так легко, как вам в Лэнде или нам в Гордане.
- Все равно, – скривил презрительно губы Сизарь, – я бы не стал жить среди подобной мрази.
- Твое высокомерие, меченый, не помешало тебе жить среди духов, и довольно долго. Сизарь вспыхнул от гнева:
- К этому меня вынудила крайняя нужда. К тому же духи не вампиры и не людоеды.
- Каждый питается как может, – усмехнулся Чирс, – и все цепляются за этот мир, который не ко всем бывает ласков. Я не упрекаю тебя, меченый, я знаю о законе Башни, предписывающем избавляться от уродов. Наверное, это имело смысл у вас в Лэнде, но теперь о нем придется забыть. Если мы будем пытаться объединить два разных мира, то нам придется отказаться от многих наших привычек и заблуждений, на многое придется смотреть сквозь пальцы и принимать таким, как оно есть, не пытаясь подправить. Иначе мы просто утонем в кровавых разборках.
- Ты очень красноречив, горданец, – вступил в разговор Ара, – но мы проделали длинный путь не для того, чтобы выслушивать проповеди.
- Узнаю меченых, – кивнул Чирс – Прямой путь – самый короткий.
- А что, это не так?
- К сожалению, далеко не всегда.
- Мне показалось, что ты кого-то сильно опасаясь, – Тор пристально посмотрел на горданца. – Или я ошибаюсь?
- Не ошибаешься, капитан. Не всем наше с тобой начинание пришлось по вкусу, есть люди, готовые нам помешать. Но я говорил с Геронтом, главным жрецом Храма, он согласен встретиться с тобой. На нашей стороне влиятельные силы, но и противников у нас немало.
- «Глухари» – это их работа?
- Я, кажется, догадываюсь, о ком ты говоришь, капитан, и хотел бы предостеречь: со жрецами Храма ухо следует держать остро. Горданцы составляют в Храме меньшинство, но и среди нас есть немало тупых вырожденцев.
- Один такой жрец болтается у меня в обозе, – презрительно бросил Тор.
- Это мелочь, – поморщился Чирс – Поводырь, способный управлять десятком марионеток – таких в Храме тысячи.
- Храм так силен?
- Он сильнее, чем ты думаешь, Тор. И поверь мне, что не в мелкоте его сила.
- Ты говоришь загадками, Чирс.
- Чтобы понять, нужно увидеть. Ты должен встретиться с Геронтом, он поможет тебе разделаться с вохрами и построить Новую Башню на берегах Сны. Дорога между Лэндом и

Храмом – это первый шаг к объединению нашего мира. Об этом мечтал мой отец, и я хочу, чтобы его мечта сбылась уже при моей жизни.

– Твоими устами, да мед бы пить, – усмехнулся Ара.

– Оружие, которое ты нам дал, принадлежит Храму?

– Это оружие Гордана, умершего города. Но Храм рас полагает тысячью стволов и боеприпасами к ним. Это личная охрана Геронта, и они почти никогда не покидают пределов Храма.

– Храм поделится с нами оружием?

– Знания Гордана во многом утеряны, никто уже не производит подобного оружия, но в Храме хранится изрядный боезапас, и если на то будет воля Геронта, ты его получишь.

– А если нет?

Чирс в ответ только плечами пожал.

Глава 7 НЕВЕДОМЫЙ МИР

– Что скажешь? – Тор повернулся к Кону.

Молчун прикрыл лицо рукою – солнечные лучи слепили его отвыкшие от света после долгого путешествия под землей глаза. Меченые с наслаждением вдыхали свежий воздух и весело переговаривались. Путешествие, грозившее оказаться последним в их жизни, благополучно закончилось. Глупо было бы остаться погребенными под развалинами давно рухнувшего мира. Грехи были явно чужие, и не меченым за них отвечать. Тор еще раз окинул открывшуюся его глазам панораму города. Стоило столь напряженно работать и строить, если в остатке – жалкая кучка отбросов, которым уже не хватает ни смелости, ни сил, чтобы погреться под лучами солнца. Какая ошибка предков привела к столь жалкой участи потомков? И сознавали ли люди, построившие этот город, всю тяжесть совершенного ими греха?

Тор огляделся по сторонам в поисках проводника, но тот уже успел раствориться в смрадном воздухе родного подземелья.

– Ты не ответил на мой вопрос – Тор повернулся к молчуну.

– Решать придется тебе.

– Но я хочу знать твое мнение.

– Чирс человек ненадежный, – вмешался в разговор Ара, – но он единственный, кто может вывести нас к Храму. Без него мы будем болтаться по степи целую вечность.

– Лейтенант прав, – сказал молчун, – от Храма нам все равно не уйти, даже если мы вернемся в Приграничье: либо война, либо союз. Я за союз, выгодный для всех.

Топот копыт по каменной мостовой прервал завязавшийся разговор. Похоже, это был Резвый, нарушивший запрет капитана и отправившийся на безнадежные поиски пропавших товарищей.

– А, по-моему, это не Резвый, – сказал Сизарь, и потянул автомат из-за плеча.

– К стене, – скомандовал Тор.

Два десятка «глухарей» выскочили из-за угла. Видимо, они никак не ожидали встретить здесь меченых. Жрецы ехали впереди, и Сизарь снял их первой же очередью. После гибели жрецов «глухари» смешались в кучу, потеряв строй.

– Прекратить огонь.

Не было никакой необходимости в продолжении бойни. Потеряв жрецов, «глухари» утратили волю к сопротивлению. Странно, но они даже не предприняли попытки к бегству, а тупо смотрели на меченых пустыми глазами. На приказ Тора «спешиться» «глухари» даже не пошевелились.

– Разреши мне попробовать, – молчун осторожно тронул Тора за плечо.

Как ни странно, но Кон справился с «глухарями». Они решились и, положив оружие перед собой, обреченно уселись на мостовую.

– Поразительно, – сказал молчун, – абсолютно никаких чувств: ни любви, ни ненависти, ни страха.

– Они что, сумасшедшие? – не выдержал Ара, которого поведение «глухарей» повергло в изумление.

– Они не сумасшедшие – они пешки, – услышали меченые за спиной знакомый голос.

Все обернулись словно по команде. Чирс появился из провала и дружески помахал им рукой. Он был не один; небольшого роста человек, с выбеленными солнцем или временем волосами, выглянул из-за плеча горданца и приветливо кивнул Рэму как старому знакомому.

– Обычно жрецы не вступают в бой первыми, предпочитая держаться за спинами своих рабов, – Чирс, как показалось Тору, с легким сожалением рассматривал тела убитых.

– Ты знал их? – спросил Тор. Чирс отрицательно покачал головой.

– И все-таки тебе их жаль?

– Подготовить человека, способного управлять десятком пешек не так-то просто.

– Но ведь это глупо, – возмутился Ара, – с убийством одного из строя выходят сразу десять.

– Представь себе, меченый, что у тебя двадцать рук и только одна голова, до которой еще надо добраться, и это не покажется тебе таким уж глупым. Вы застигли жрецов врасплох, и они не успели отдать команду. В этом случае пешки ринулись бы в драку, и остановить их могла бы только смерть. Они дрались бы даже после гибели жрецов.

– И все подданные Храма такие же безвольные идиоты?

– Вовсе нет, мозги промывают только пешкам.

– А как вы удерживаете в повиновении остальных?

– Точно так же, как и вы своих крестьян. Страх, обычай, вера. А слишком уж агрессивным мы даем возможность помахать мечом в свое удовольствие.

– Не нравится мне твой Храм, – сказал Ара хмуро.

– У каждого стада свои пастухи. Храм более добр к своему народу, чем ваши владельцы, во всяком случае он дает им хлеб и мир – а что еще нужно смерду?

– В Храме знают о твоём убежище? – спросил Тор.

– Нет. Появление здесь жрецов – это сигнал для меня. Пришла пора уносить ноги.

По лицу Чирса не было заметно, что он встревожен появлением гостей, хотя на этом смуглом и гордом лице вообще редко отражались эмоции. Скрытным человеком был горданец, и, похоже, эта его скрытность распространялась не только на врагов, но и на друзей. Если он, конечно, числил в своих друзьях капитана меченых Тора Нидрасского.

– Где состоится следующая наша встреча?

– Скорее всего, в Храме, если я не перехвачу вас раньше, на пути к нему. Вот проводник, о котором я говорил, – Чирс указал на своего спутника. – Он обернулся быстрее, чем я предполагал. Можете отправляться в путь прямо сейчас.

– Почему бы тебе ни отправиться вместе с нами?

– Безопаснее ехать порознь.

– Безопаснее для тебя или для нас? – спросил молчун Кон.

– Для меня.

– По крайней мере, честно, – усмехнулся Ара.

– Если ты передумаешь, капитан, то отпусти моего человека с миром, и будем считать, что мы никогда не встречались с тобой, – Чирс поклонился меченым и удалился медленным шагом, даже не оглянувшись на прощанье.

Голубые глаза проводника спокойно смотрели на Тора, а на обожженных солнцем губах играла приветливая улыбка.

- Давно ты служишь Чирсу?
- Я служил еще его отцу, посвященному Ахаю.
- Ты не горданец?
- Мои родители суранцы, но я вырос в Храме.

Тор покосился на Рэма, лейтенант едва заметно кивнул головой, подтверждая слова суранца. В общем-то проводник не внушал Тору опасений, проблема была в другом – можно ли верить Чирсу? Путешествие обещало быть опасным. И дело здесь, конечно, не в «глухарях» и не в кочевниках, которые могли встретиться на пути, – его отряд был достаточно велик, чтобы отразить случайные наскоки. Но на войну сил у него, конечно, не хватит, если Храм примется за меченых всерьез. Чирс намекал и на такую возможность. Можно было вернуться в Башню за подкреплением, но даже если он возьмет с собой все имеющиеся в наличии силы, все равно их не хватит для противостояния Храму. И не поехать нельзя. Если он не договорится с Геронтом, то покоя меченым на этих землях не будет. Все свои расчеты.

Тор строил на добрососедских отношениях Храма и Лэнда. Быть может, неожиданность станет его союзником, поскольку в Храме, похоже, нет еще единого мнения в отношении пришельцев, объявившихся в степях близ Сурана. Ему бы выиграть десять лет относительного мира, и тогда Башня твердо встанет на ноги.

Тор окинул взглядом своих людей. Все уже были в седлах, готовые к дальнему походу. В глазах жреца Храма Великого Тор уловил насмешку – Кюрджи уже заранее праздновал провал дипломатической миссии меченых. Ну что ж, посмотрим, кто будет смеяться последним.

- Веди, – приказал капитан проводнику-суранцу и легко прыгнул в седло.

Степь не показалась меченым особенно гостеприимной и на пятый день пути: солнце палило немилосердно, и на обожженные лица своих людей Тор старался не смотреть. Впрочем, кожа со временем нарастет, а вода пока еще была. Проводник твердо обещал вывести их к реке уже сегодня к вечеру, и капитану ничего не оставалось, как довериться его словам. Суранцы Рэма глухо ворчали, меченые, страдавшие от жары не меньше, пока что молчали. Эту дорогу в новый неизведанный мир нельзя было назвать легкой, но легких дорог в жизни воина не бывает вовсе, и если каждый раз поворачивать коня при первом же возникшем препятствии, то в таком случае лучше совсем в седло не садиться. Тор представил торговые караваны, которые пойдут по этому пути из Лэнда к Храму, и ему стало легче. Объединение двух миров пойдет на пользу и тем, и другим. Тор был согласен с Чирсом – свежей бывает только проточная вода. Суранцам же он напомнил, что это их родной край, о котором они мечтали долгие годы, так стоит ли роптать по поводу мелких неудобств, неизбежных в любом путешествии. Слова капитана произвели на Рэма и его людей должное впечатление, во всяком случае ропот прекратился.

Опол сдержал слово: ночь еще не успела опуститься на раскаленную от зноя степь, а отряд Тора уже достиг вожденной цели. Сначала с востока потянуло прохладой, а потом на горизонте заблестела узенькая полоска воды.

– Надо быть поосторожнее, – повернулся к Тору Опол. – Храм тщательно оберегает свои границы, и не в наших интересах столкнуться с дозором в самом начале пути.

- Это так опасно?

– У меня есть охранная грамота посвященного Геронта, но Чирс не хотел, чтобы о нашем появлении узнали слишком рано. В этом случае нам не избежать неприятностей в пути.

Тор отдал приказ своим людям соблюдать осторожность. В любом случае, стычка на чужой земле не пошла бы им на пользу. Трудно рассчитывать на благосклонность хозяев, устраивая кровавые заварушки на границе.

Проводник вывел их к реке, но уже глубокой ночью. В полной темноте, не зажигая факелов, они переправились на противоположный берег и остановились на короткий привал.

– Дальше будет легче, – сказал Опол, – но все равно расслабляться не стоит.

– Сколько дней пути нам еще предстоит? – спросил Ара, вытягиваясь в полный рост на горячей земле.

– Дней десять – двенадцать, не меньше. Лейтенант даже крикнул от огорчения – мир был слишком велик для его измученного дорогой коня.

– Нам не хватит продовольствия на этот срок, – заметил подошедший Рэм.

– У нас будет возможность пополнить запасы а Азрубале или еще дальше в Хянджу.

– Это что, замки? – спросил Ара.

– Нет, это города, – тихо засмеялся Опол, – такие же, как ваш Бург, даже побольше.

– И много таких городов на землях Храма?

– Десять крупных городов и множество мелких поселений.

– Ваша страна так велика?

– Храм контролирует территорию раза в четыре большую, чем Лэнд. Добавьте к этому земли кочевников на западе и юге и поселения лесных варваров на юго-востоке, которые тоже входят в орбиту интересов Храма.

– Мир так велик? – не поверил Ара.

– Он гораздо больше, чем ты это можешь себе представить, меченый. Говорят, что где-то далеко на юге лежит таинственная и сказочная страна Хун, но путь к ней долгий и трудный.

– Черт с ней, с этой страной Хун, – махнул рукой уставший Ара, – нам бы до Храма добраться.

– Храм расположен в Хянджу? – спросил Тор.

– Хянджу – столица, – ответил после заминки Опол, – но Храм расположен не там. Посвященный Геронт, да продлятся дни его вечно, повелел доставить вас прямо к сердцу нашего мира – честь неслыханная в отношении варваров.

– И за что же он нас так полюбил? – удивился Ара.

– Кто может угадать мысли и желания Правой руки Великого посвященного Геронта? – вздохнул Опол и замолчал.

Отдых закончился раньше, чем наступил рассвет. Опол торопил Тора, и, несмотря на недовольство людей слишком короткой передышкой, капитан отдал приказ выступать. Несколько часов они двигались почти в полной темноте, освещаемые лишь неровным светом изогнутого серпа, которому еще не скоро предстояло стать полнолицей луной. Скрип телег и топот подкованных коней далеко разносились по степи, и это обстоятельство не на шутку тревожило Опола, он то и дело оглядывался по сторонам и торопил Тора. Капитан беспокойство проводника понимал, но в душе его закипало раздражение – не воры же они, в конце концов, и в Храм едут по приглашению самого Геронта.

– Да пропади оно все пропадом, – выругался Ара, – с какой стати я должен бегать от каких-то паршивых «глухарей».

Рассвет застал отряд в добром десятке верст от приграничной реки. Опол, кажется, успокоился и даже повеселел.

– Посмотри назад, – сказал он Тору.

Капитан обернулся: далеко-далеко, у самого горизонта, темнело бесформенной грудой огромное сооружение.

– Приграничная крепость Измир, – пояснил Опол, – ее гарнизон составляют две тысячи «глухарей», как вы их называете. А командует ими Санлукар, верный пес Нумилина. Кюрджи, которого ты везешь в обозе, это его человек.

– Нумилин враг Чирса?

– У Чирса много врагов, – уклончиво ответил суранец, – пусть наше путешествие надолго останется для них тайной.

– Разве воля Геронта не закон для коменданта приграничной крепости? – Ты же сам утверждал, что власть верховного жреца безгранична.

Опол усмехнулся наивности варвара:

– Санлукар спровоцировал бы драку, а потом бы утверждал, что вы первые напали на его людей. Живым больше веры, чем мертвым.

– Это еще вопрос, кто бы после нашей встречи остался мертвым, – возмутился Ара.

– И то, и другое одинаково плохо для нашего дела, нельзя предлагать союз с окровавленным мечом в руке.

Опол, наверное, был прав, но Тору маневры хитрого Чирса не нравились. Похоже, горданец втянул их в свою игру, и эта игра проводилась по правилам, неизвестным Тору Нидрасскому, что, конечно, не могло не огорчать.

День прошел без приключений. Несколько раз на горизонте возникали небольшие поселения, но Опол и не думал там останавливаться, а все время старался обойти их стороной.

– Почему бы нам не прикупить продовольствия, – Ара недовольно покосился на проводника. – Вряд ли местные мужики посвящены в хитроумные комбинации нашего друга Чирса и этого вашего Нумилина.

– Никто не продаст тебе и куска хлеба, – недовольно покосился на лейтенанта Опол.

– Это еще почему?

– Ты чужак, и без разрешения жреца никто с тобой не будет разговаривать. Доберемся до Азрубала, и ты получишь нее, что пожелает твоя душа.

Это был первый крупный город, который они увидели ни почти десятидневном пути. Скрываться уже не было причин. Трудно было поверить, что их долгое путешествие по землям Храма осталось незамеченным. Несколько раз их останавливали разъезды «глухарей», и Опол долго объяснялся со жрецами-кукловодами на незнакомом Тору языке. Путь к Храму оказался очень непростым. Меченые угрюмо поглядывали по сторонам, на чужую и непонятную жизнь. Сотни повозок на дорогах, тысячи смердов, гнувших спины на полях, – все это было похоже и не похоже на родной Лэнд. Местные жители были угрюмы и недоверчивы, шарахались от чужаков, как черт от ладана. Все по попытки меченых завязать разговор неизменно натывались на непонимание, и дело было не только в языке.

Азрубал был велик, уж никак не меньше Бурга, но поражал порядком на улицах и необъяснимой тишиной. Меченые въехали в город в самый разгар дня, но не увидели ни праздных толп, ни крикливых торговцев на площадях. Все было чинно и тихо, как в склепе. Перестук копыт по каменной мостовой привлек взгляды нескольких робких прохожих, и в этих взглядах, направленных на варваров, были удивление и испуг. Зато реакция городской стражи была куда более резкой: десять всадников выехали из переулка и перекрыли меченым дорогу. Опол поспешил к ним для переговоров. По наблюдениям Тора, эти люди не были похожи на «глухарей». Рослые и сильные мужчины в стальных панцирях горделиво поглядывали на пришельцев из-под надвинутых на самые глаза бараньих шапок. Кривые тяжелые мечи бряцали у бедер при каждом движении не терпеливых сытых коней. Враждебных действий стражники не предпринимали, а их командир, смугловатый горданец, внимательно слушал Опола, то и дело бросая на чужаков удивленные взгляды. Видимо, объяснения суранца его удовлетворили, он кивнул ему почти дружески и махнул рукой своим людям. Всадники в бараньих шапках потеснились, давая дорогу меченым.

– Храмовая стража, – пояснил Опол. – Все в порядке, мы договорились.

– Постоялые дворы в этом городе есть? – Тор с любопытством разглядывал легкие, словно из воздуха сотканые здания, так не похожие на угрюмые замки его родного Лэнда.

– Умеют строить эти горданцы, – согласился Ара, на которого необычный вид домов тоже произвел впечатление.

– Азрубал – суранский город, – возразил меченым Опол, – горданцы строят совсем иначе. А что касается постоялого двора, то нам он ни к чему. У Чирса есть дом на окраине города, который целиком в вашем распоряжении.

– Почему такая тишина? – спросил Тор у проводника. Опол, видимо, бывал в Бурге, во всяком случае, вопрос капитана его не удивил:

– В Храме все должны работать, бездельников у нас нет.

– А кто не хочет работать?

– Тот не будет жить.

– Разумно, – усмехнулся Тор.

Дом Чирса вызвал у меченых легкое недоумение. Его нельзя было назвать убогим, но он сильно проигрывал суранским дворцам, которыми они вдоволь налюбовались, проезжая по улицам Азрубала. Реакция меченых позабавила Опола.

– Не все золото, что блестит, – сказал он. – Дворцы и дома суранцев построены из глины, а этот дом настоящая крепость. Он принадлежал когда-то посвященному Ахаю, а еще раньше его отцу.

– Небогатый, судя по всему, был человек, – ехидно за метил Ара.

– Этот дом был построен более ста лет назад, когда Храм окончательно утвердился в Азрубале.

К удивлению меченых, дворец внутри выглядел куда более роскошно, чем это можно было бы подумать по его скромному внешнему виду, а главное, он оказался куда просторнее. Основные его помещения находились под землей, и меченых это обстоятельство поразило больше всего.

– Зачем же лезть под землю, когда наверху столько места?

Ара озабоченно осматривал гладкие блестящие стены, которые отражали его удивленную физиономию, словно гигантские зеркала.

– Вероятно, у горданцев были на то веские причины, – заметил Рэм.

Если судить по его растерянному виду, то он тоже сталкивался с подобными сооружениями впервые. Меченые и суранцы заполнили огромный зал подземного дворца, но волосы их звучали глухо и неуверенно.

– Я бы предпочел спать наверху, – сказал Сизарь и осторожно провел по блистающему белизной столу грязным пальцем.

– А в этом доме живет кто-нибудь? – спросил Ара у суранца.

Опол громко хлопнул в ладоши: стена, в которую с таким изумлением вглядывался Ара, раздвинулась, и навстречу растерявшемуся меченому скользнули десяток женщин. Их лица были прикрыты полупрозрачной материей, зато все остальное было на виду. Ара даже крикнул от изумления и подался назад.

– Девушки помогут желающим смыть дорожную грязь, – сказал Опол, и легкая усмешка заиграла на его губах.

Желающих оказалось хоть отбавляй. Меченых и суранцев обуяла страсть к чистоте, и они гурьбой повалили за азрубальскими красавицами.

– Кто эти девушки? – спросил Тор.

– Рабыни Чирса.

– В Храме существует рабство?

– Храм ведет войны и с лесными варварами, и с кочевниками, а где войны, там и рабы.

Тор лежал в чужом дворце, на чужой постели, в самом центре чужой страны, и даже женщина, обнимавшая его в эту ночь, была чужой. Только мысли в голове были его собственные. Старые тревожные мысли, от которых он не мог избавиться все эти дни. Прав он или нет, столь неосторожно вверяя судьбу своих людей в руки чужака Чирса? То, что он увидел на землях Храма, не вселяло в него уверенности. Как ни крути, а это чужой мир, плохой или хороший, но чужой. Однако кто-то же должен рискнуть первым! Отгородившись от чужого мира рвами и непроходимыми болотами, Лэнд, наверное, сможет просуществовать какое-то время, ну а что потом? Население увеличивается, земли истощаются, Лэнду грозит голод, а голод – это война, это разруха и неизбежный откат назад. Да и вряд ли их оставят в покое: купцы с запада, купцы с востока, собственные растущие потребности... Нет, ни сохранить прежний Лэнд, ни оградить его от чуждых влияний не удастся, а значит, остается один выход: идти навстречу новому миру без страха, не оглядываясь назад. Даже если его нынешняя попытка закончится неудачей и гибелью, то идущим следом будет гораздо легче.

Глава 8 ГОРДАН

Дорога от Азрубала к Храму не показалась поначалу меченым утомительной. Однако на исходе дня Опол стал проявлять беспокойство, он то и дело вырывался вперед, вбирался на невысокие плоские холмы, являющие собой главное разнообразие унылого пейзажа, и напряженно вглядывался в горизонт. Тору поведение проводника нравилось все меньше и меньше, похоже, он просто заблудился в бескрайней степи.

– Или водит нас за нос специально, – высказал свое мнение Рэм.

Лейтенант суранцев выглядел усталым и раздраженным, он то и дело покрикивал на своих людей, не менее командира хмурых и возбужденных.

– Ты заблудился? – прямо спросил Тор у проводника. – Нет.

– Тогда почему мы мечемся по степи как угорелые, вместо того, чтобы двигаться прямо к цели.

– Похоже, нас накрыли.

– Что ты хочешь этим сказать? – не понял Тор.

– Храм пытается достать нас лучом.

– Я не вижу никакого луча.

– Это не световой луч. Я не знаю его природу, но он вызывает в людях вспышки беспричинной ярости, и они в беспамятстве уничтожают друг друга. Разве ты не ощущаешь его воздействия? Взгляни на своих людей.

До сих пор капитан объяснял поведение суранцев усталостью, накопленной почти за двадцать дней скитаний по чужой стране, но Опол, похоже, был прав, и дело не только в этом. Суранцы вели себя все более агрессивно. Стычки между ними и мечеными вспыхивали ежеминутно. Попытка Соболя навести порядок не увенчалась успехом. Сержант меченых обратился за помощью к Рэму. Всегда спокойный и уравновешенный лейтенант суранцев вдруг неожиданно взорвался и схватился за автомат. Только вмешательство молчунов предотвратило трагедию.

– Но зачем все это? – спросил Тор. – Мы же прибыли по приглашению Геронта?

– Не знаю, – в голосе проводника звучало раздражение. – Чирс предполагал, что все будет по-другому, иначе я бы не взял с собой суранцев. Следует разоружить их, пока они не наделали беды.

– Но ты ведь тоже суранец?

– Я прошел специальную подготовку. А этот луч предназначен для варваров, чтобы не подпускать их к стенам Храма. Я много раз слышал об этом, но сталкиваюсь с его действием впервые.

– Может, нам повернуть обратно?

– Думаю, что мы не успеем вырваться.

Тор позвал второго лейтенанта и объяснил ему ситуацию. Ара был удивлен и не сразу понял, что от него требуется:

– Твой Опол просто спятил! Почему мы должны ему верить?! Суранцы наши старые товарищи, проверенные в боях.

– Делай, что тебе говорят! – рявкнул Тор на лейтенанта.

Надо было что-то предпринимать и немедленно. Тор отдал приказ остановиться. Изнуренные переходом люди даже не стали расседлывать коней. Капитан не настаивал – любой его приказ мог отозваться вспышкой ярости суранцев, тесной группой сгрудившихся у костра. Тор почти физически ощущал исходящую от них опасность. Воздух был перенасыщен ненавистью. На какое-то время Тору показалось, что он задыхается и сейчас закричит, призывая меченых к бою. Он тряхнул головой и рванул ворот рубахи – стало легче. Подошел Кон и присел рядом с капитаном прямо на раскаленную землю. Невозмутимо-строгое лицо молчуна было покрыто слоем пыли. Пылью насквозь пропиталась его одежда. И весь он, казалось, состоял из пота и пыли. Пыль скрипела у него на зубах, и Тор содрогнулся от отвращения.

– Мы не удержим суранцев, – сказал молчун, – мои люди выбились из сил.

– Что, по-твоему, я должен делать? – Тору вдруг захотелось разрядить автомат прямо в постную рожу молчуна, он испугался своего желания и отодвинул оружие в сторону.

Молчун невесело усмехнулся:

– То же самое испытывают сейчас и остальные, но не всем дано справиться со своими чувствами.

Второй лейтенант меченых, насвистывая веселенький мотивчик, подошел к капитану и молчуну. Все его белые аубы были на виду, однако глаза смотрели серьезно.

– Что будем делать, капитан? Суранцы настороже, врасплох их не захватишь.

– Нужно перестрелять суранцев, пока они не открыли огонь, – с трудом выдохнул Кон. – Все равно они обречены. Оставшиеся в живых будут стрелять друг в друга.

– Нет, – покачал головой Тор, – я не стану убивать своих.

– Тогда начнут стрелять они.

Тор бросил взгляд на сгрудившихся в кучу суранцев. Их перекошенные ненавистью лица потрясли его. Тяжелые руки лейтенанта Рэма нервно теребили приклад автомата, а в глазах его было столько злобы, что капитан ужаснулся. И все-таки он не нашел в себе силы отдать роковой приказ.

Четыре молчуна, сидевшие поодаль, неотрывно смотрели на суранцев. Их покрытые потом и пылью лица застыли в немыслимом напряжении. Казалось, что глаза молчунов вот-вот вылезут из орбит.

– Я попробую уговорить их, – сказал Тор, приподнимаясь, – а вы будьте наготове.

– Это бесполезно! – прошипел Кон.

Тор, стараясь сохранять приветливую улыбку на лице, двинулся к костру суранцев. Следом поднялся молчун Герс и встал рядом с капитаном. Меченые, сжимая потными руками приклады автоматов и арбалетов, не отрываясь следили за всем происходящим.

– Как только ты откроешь рот, Рэм выстрелит, – прошептал Герс.

Рэм выстрелил раньше. Молчун метнулся вперед, закрывая собой капитана Башни, и упал почти перерубленный очередью в упор. Тор успел прыгнуть в сторону, и пуля только слегка оцарапала его левое плечо. Три молчуна, ближе всех сидевшие к суранцам, были

убиты в ту же секунду. Тор, прижатый к земле очередями, с ужасом увидел, как сломался пополам Соболев и выронил из рук автомат. Он упал в нескольких шагах от Тора, и губы его бесшумно шевельнулись напоследок, а в широко открытых глазах так и остался невысказанный вопрос к капитану Башни.

Через минуту все было кончено: одиннадцать суранцев мертвыми лежали на земле, и налетевший свежий ветерок мягко ласкал их пропыленные светлые волосы. Меченые потеряли четверых, в том числе и Соболева. Тор не отрываясь смотрел в лицо старого друга, пока не подошел Ара и не закрыл вопрошающие глаза Соболева ладонью.

Меченые плотным кольцом окружили капитана и ждали от него объяснений.

– Это не их вина, – сказал Тор, кивая головой в сторону мертвых суранцев. – наших друзей раздавила сила, сущности которой мы пока не знаем, но узнаем непременно, и тогда пусть эти люди поберегутся. Ничто не остановит меченого на избранном пути, даже смерть.

Наполовину поредевший отряд с рассветом двинулся в путь. Погребального костра не было. Негде было взять дров в этой голой степи. И последним прибежищем меченых, молчунов и суранцев стала братская могила – одна на всех. Тор оглянулся на этот выросший в одночасье в бескрайней степи холм и тяжело вздохнул. Никто его не обвинял, но он и без того знал, что смерть этих людей на его совести. Перед мертвыми все равно не оправдаться, и надо сделать так, чтобы не пришлось оправдываться перед живыми. Меченый не может развернуть коня в шаг от цели, иначе он перестает быть и меченым, и просто человеком.

– А ты упрямый человек, капитан, – на губах Кюрджи играла торжествующая усмешка, но в голосе прозвучало беспокойство.

Жрец Великого за все время их долгого пути по землям Храма ни разу не предпринял попытки к бегству, хотя никто его особенно не удерживал, а Тор в глубине души был бы рад от него избавиться. Но Кюрджи, видимо, вполне устраивала его новая роль согладателя.

– Рано радуешься, фокусник, – бросил, проезжая мимо, второй лейтенант, – мы еще снимем шкуру с твоего Великого, а с тобой это может случиться уже сейчас, если ты не спрячешь свои гнилые зубы.

«Глухари» вынырнули внезапно из-за дальнего холма и атаковали меченых слаженно и беззвучно: только сухой перестук копыт по горячей степи да холодный блеск обнаженных мечей. Но было их не десять, как обычно, а более сотни.

– Похоже, нас не так уж жадуют видеть в Храме, – покосился Тор на проводника, – по крайней мере живыми. Ложись!

Тренированные кони тут же опустились на землю, и меченые залегли за их широкими спинами.

– Огонь!

Передние всадники посыпались на землю, но остальные продолжали скакать, не замечая летящих в них пуль.

– По коням, – крикнул Тор.

Меченые в мгновение ока сорвались с места. Похоже, их маневр оказался неожиданным для нападавших. Атаковавшая лавина не сумела перестроиться и пронеслась мимо. Впрочем, от сотни всадников осталось меньше половины. Меченые без труда настигли «глухарей» и напали на них с тыла. На этот раз «глухари» держались стойко: ни один не опустил оружия, ни один не покинул строя. Полсотни порубленных «глухарей» кулями попадали на землю, меченые не потеряли ни одного человека.

– Твои люди великие воины, – покачал головой Опол. – Никогда прежде не видел такой мастерской рубки.

– Ну и зачем все это? – на лице Тора не было ни радости, ни удовлетворения. – Неужели нас пропустили в сердце страны только за тем, чтобы истребить здесь до последнего человека?

– Вероятно, вас проверяют, – не очень уверенно ответил Опол.

– Или твой Геронт передумал, – криво улыбнулся Ара. Гордан возник перед глазами меченых словно призрак, когда они уже потеряли надежду на благополучный исход своего путешествия. Это был странный город, не похожий ни на города Сурана, ни на города Лэнда, ни даже на заброшенные города древних.

– Железный город, – прошептал Кюрджи побелевшими губами.

И это было правдой. Город был обнесен железной стеной, порывавшей от ржавчины. Он был невелик, этот город, гораздо меньше Азрубала или Бурга, но даже будучи мертвым сохранял свое величие. Ворота Гордана были закрыты наглухо, но в железных стенах зияли огромные бреши, проломленные неведомой чудовищной силой.

– Ты бывал в этом городе раньше? – спросил Тор у суранца.

Опол помедлил несколько секунд, но все-таки ответил:

– Я был здесь с Чирсом, однако видел немного.

– Ты пойдешь с нами в город? Проводник отрицательно покачал головой:

– Гордан опасен для людей. Чирс говорил, что там есть места, где не следует задерживаться надолго.

– В таком случае твоему Чирсу пора бы уже появиться, – резонно заметил Ара. – Именно по его приглашению мы прибыли сюда.

– Я все-таки попробую осмотреть город, – сказал Тор после недолгого раздумья. – Было бы глупо, проделав такой длинный путь, остановиться у самого порога.

Тор взял с собой Кона и Воробья, хотя последний не выказал по этому поводу особого восторга. Дома в Гордане напоминали дом Чирса на окраине Азрубала, в котором меченые провели памятную ночь. Правда, особой роскоши в этих домах не было. Видимо, горданцы предпочитали роскоши суровую простоту, не то, что их изнеженные потомки. Тор побывал в нескольких приглянувшихся ему домах и утвердился в мысли, что город был покинут внезапно, в течение нескольких часов. Об этом говорили сохранившаяся утварь, мебель, картины, почти неповрежденные временем и по-прежнему висевшие на своих местах. Одна из таких картин особенно поразила капитана меченых. На ней был изображен город, залитый морем света, и этот свет не был солнечным.

– Электричество, – произнес Кон неизвестное Тору слово.

Около двух часов они бродили по городу, переходя из одного дома в другой по подземным переходам. Последнее обстоятельство почему-то особенно возмущало Воробья. Он отказывался считать разумными людей, которые добровольно отказывались от солнечного света.

– А почему ты решил, что добровольно? – покачал головой Кон.

Воробей откровенно заскучал – ничего любопытного для себя в этих странных строениях он не находил и потому все чаще вопросительно поглядывал на капитана.

– По-моему, ничего мы здесь не найдем, – Воробей сделал шаг в сторону и вдруг, нелепо взмахнув руками, рухнул вниз. В последний момент он все-таки успел зацепиться за подвернувшийся металлический стержень и повис над черным провалом, отчаянно ругаясь. Тор и Кон бросились ему на помощь и общими усилиями втащили неосторожного меченого на поверхность. Тор решил исследовать столь чудесным образом обнаруженное подземелье.

Воробей с сомнением покачал головой:

– Так мы и до чертей доберемся.

Тор рассчитывал увидеть в лучшем случае подземные переходы, подобные тем, что им удалось исследовать в городе вампиров, но ошибся: огромные залы, в которых терялось эхо тяжелых шагов, сменялись извилистыми коридорами, ведущими неведомо куда. Тору так и не удалось разглядеть потолок, покоившийся на массивных колоннах из неизвестного металла. Он насчитал таких колонн более десятка и бросил это бесполезное занятие. Все равно при свете факелов трудно было охватить взглядом всю грандиозность этого подземного мира.

Воробей уселся в одно из кресел, обтянутых посеревшей от пыли кожей, и с удивлением уставился на расположенный перед ним огромный экран. Сначала он принял его за окно, но, как ни всматривался, ничего за стеклом не обнаружил. Огорченный меченый недолго думая потянул ни себя ближайший рычаг, но ничего не произошло, Воробей толкнул рычаг вверх, но уже просто с досады. Послышалось ровное гудение. Звук шел снизу. Внезапно сверху полился свет, будто кто-то невидимый отодвинул громадную портьеру, закрывшую тысячу окон. Это был не солнечный свет, это было то таинственное электричество, виденное ими на картине. Воробей тупо смотрел на экран, засиявший вдруг множеством разноцветных огней.

– Что это такое? – спросил Тор у молчуна.

Кон в ответ пожал плечами. Воробей наобум потянул еще один рычажок. Стена дрогнула и неожиданно начала раздвигаться. Тор первым нерешительно шагнул в образовавшийся проем. Стена за мечеными сомкнулась. Воробей метнулся назад и пнул ее несколько раз ногой, но стена даже не дрогнула под его ударами. К счастью, таинственный свет пока еще не погас. Тор внимательно осмотрел возникшую преграду, но не нашел ни щели, куда можно было бы вставить меч, ни рычага, за который следовало потянуть. Мысленно он обругал себя дураком: надо же было столь глупо попасться в расставленную кем-то ловушку. Хотя, быть может, это не ловушка, а испорченный механизм, который теперь просто некому починить. Оставался один путь – вперед.

Коридору, по которому они шли, казалось, не будет конца. Тор потерял ощущение времени, механически передвигая ноги по гулкому каменному полу. Воробей тяжело дышал сзади – воздух был спертый, и долгий переход вызвал одышку. Тор вынужден был все чаще останавливаться, чтобы подождать отставших товарищей и перевести дух. В этом проклятом подземелье было довольно прохладно, но пот градом катился с его лица.

– Когда же он наконец закончится? – тяжело вздохнул Воробей.

– Наверняка он куда-то ведет, – заметил подошедший Кон, – иначе зачем его нужно было строить?

– А зачем они вообще полезли под землю? – возмутился Воробей. – Чем наверху не житье, спрашивается?

Вопреки утверждению Кона, что бесконечный коридор должен их куда-то привести, меченые уперлись в глухую стену. Это была даже не стена, а огромная скала, преградившая дорогу. Создавалось впечатление, что строители долго и упорно рыли тоннель, а потом, напоревшись на преграду, бросили это никчемное занятие и спокойно возвратились обратно.

– Чушь какая-то, – растерянно проговорил Тор.

Кон прижался щекой к скале и подал меченым предостерегающий знак. Тор и Воробей последовали его примеру. Ровное гудение за стеной живо напомнило им, что нечто подобное они уже слышали на другом конце этого утомительного подземного хода.

– У тебя заряда нет с собой? – с надеждой покосился на молчуна Воробей.

– Это тебе не решетка, – покачал головой Кон. – Всего нашего пороха не хватит, чтобы своротить такую махину.

– Что же делать? Возвращаться?

– Коридор слишком длинный, – сказал Тор задумчиво, – должен же сюда как-то попасть воздух.

– Правильно, – поддержал его Кон, – смотрите на потолок.

Все трое дружно взглянули вверх. Тор едва не вскрикнул при этом от изумления – прямо перед ними на расстоянии вытянутой руки сцепились в смертельной схватке два скорпиона. Тор осторожно провел по рисунку рукой – скорпионы были высечены в скале и размерами совпадали с тем таинственным медальоном, который висел на груди у Данны.

– Странно, – нахмурился Тор, – я уже видел нечто подобное.

– Быть может, это был ключ к замку, – спокойно предположил молчун.

– В таком случае, чтобы добраться до этого ключа, нам следует побыстрее выбраться наружу.

Весь обратный путь меченые тщательно обшаривали глазами потолок, но ничего примечательного там не обнаружили.

– Черт знает что, – выругался Воробей, – заколдованное место.

Тор с досадой хлопнул ладонью по проклятой стене и, к их радостному удивлению, стена, еще несколько часов назад не реагирующая на мощные удары ног, подалась в сторону, пропуская меченых. Ни секунды не медля, все трое бросились вперед. Стена так же бесшумно сомкнулась за их спинами.

– Я же сказал, чертовщина какая-то! – возликовал Воробей.

Тор мысленно согласился с ним – никакого разумного объяснения происшедшему он не находил.

– Наверное, мы зря искали рычаг и пинали стену ногами, – сказал Кон, – следовало просто приложить к стене в нужном месте руку.

Тор с удивлением покосился на молчуна, но Кон, похоже, не шутил, а впрочем, кто их знает, молчунов, когда они шутят и шутят ли вообще. Капитан потянул рычаг вниз и вернул его в прежнее положение. Гудение сразу же стихло, и свет стал медленно гаснуть.

Глава 9

ХРАМ

Смеркалось, когда меченые наконец выбрались на поверхность. Встревоженный Ара встретил их в доброй сотне метров от лагеря, глаза второго лейтенанта горели от возмущения.

– Еле выбрались, – коротко объяснил ему Тор причину долгого отсутствия.

– А я уже собирался искать вас, – Ара с досады хлопнул плетью по сапогу. – Чирс прибыл.

– В самый раз, – усмехнулся Тор.

– Резвый видел каких-то людей в развалинах.

Тор помрачнел, подобный оборот дела ему совсем не нравился. События последних дней яснее ясного показывали, что Чирсу доверять нельзя, какие бы доводы он сейчас ни приводил в свое оправдание.

– Сержант утверждает, что они были вооружены автоматами. Поначалу он принял их за вас и уже собирался окликнуть.

Чирс встретил Тора как самого дорогого друга. И вообще он показался капитану слишком возбужденным, быть может, это близость родного города на него так действовала?

Рассказ Тора о приключениях в подземельях Гордана поразил даже Чирса.

– Может, рвануть эту скалу? – предложил Ара. – Узнаем, что за пчелиный рой там гудит.

– Я об этой двери слышал, – задумчиво проговорил Чирс – К ней подходил только один ключ, но он утерян. Там, на стене, должен быть высечен вот такой знак.

Чирс быстро набросал на земле острием кинжала контуры двух скорпионов.

– Я видел этот ключ, – кивнул головой Тор. – И даже держал его в руках. Не скажу, что это доставило мне удовольствие.

Чирс опустил голову и надолго задумался. Похоже, этот хранившийся у Данны медальон имел для него очень важное значение. Странно только, что Данна ничего не сказала о нем брату. Не понимала, что хранит? Или была какая-то другая причина?

– А разве жрецы Храма не могут изготовить новый ключ? – спросил Воробей.

– Что они вообще могут, эти самодовольные невежды? – В голосе Чирса прозвучала горечь. – Разве что использовать достижения великих предков для запугивания суеверной толпы. Гордан умер, а вместе с ним умерли и его знания.

– Почему горданцы покинули свой город, ведь его еще можно восстановить?

– Это тебе только так кажется, меченый, – криво усмехнулся Чирс – Разрушенные стены можно восстановить, но разбитую душу уже не склеишь. Наши деды возомнили себя богами. Они уцелели во время страшной катастрофы, сохранили знания и даже сумели их приумножить. На тысячи верст в округе им не было равных по мощи. Они превосходили соседей не только оружием, но и мозгами. Великие проекты, великие мечты по возрождению мира – все пошло прахом. Храм – это их работа. Чудо, созданное гениями, попало в руки кретинов. Враг не вовне, меченые, враг всегда внутри нас, и имя этому врагу зависть, невежество, корысть, властолюбие.

– Почему Храм начал войну с нами? – спросил Тор. – Разве не сам Геронт пригласил нас сюда?

– Геронта окружают сотни завистников и интриганов. Их кругозор – это кругозор мыши, живущей в темной норе и вздрагивающей от дуновения свежего ветерка.

– Разве не люди Храма орудуют сейчас в Лэнде?

– Это не то, капитан, совсем не то. Мышам не хватает корма, и они приворовывают его у соседей. Я же призываю вас строить большой дом, где корма хватит всем.

– Почему ты не порвешь с Храмом, если так его презираешь?

– Храм – это знания, Тор. Пятьсот лет мои предки из поколения в поколение передавали хрупкий сосуд мудрости и не уберегли его – сосуд разбился. Мой долг собрать хотя бы осколки для наших потомков.

– Но ты же один?

– Я не один, хотя, согласен, нас не так уж много. Но разве мои цели – не ваши цели? Камешек к камешку, кирпичик к кирпичику – только так можно построить дом.

Тор с удивлением слушал Чирса. Горданец был поразительно откровенен сегодня. Неужели он так нуждался в их помощи, что не стал скрывать даже самых заветных своих мыслей. Этот человек практически в одиночку боролся с могущественной силой, им можно восхищаться, но можно ли ему доверять?

– Твои люди не слишком скучают в развалинах? – неожиданно спросил Тор.

Чирс поежился под его взглядом:

– Надеюсь, ты не собираешься обвинять меня в предательстве?

– А почему бы и нет? – вмешался в разговор Ара. – Ты говоришь о доверии и союзе, а сам прячешь от нас свою охрану. Мы потеряли девятнадцать человек, и я не уверен, что в этом нет твоей вины.

– Я сделал все, что мог, меченый, – лицо Чирса побледнело от обиды, – но я не всемогущ. Разве я не предупреждал вас, что поход будет опасным – у нас много врагов.

– Врагов я не боюсь, – отрезал лейтенант, – я боюсь предателей.

Взбешенный Чирс вскочил на ноги, глаза его сверкнули, рука метнулась к кинжалу, висевшему на широком расшитом золотом поясе. Полы его кафтана распахнулись, и Тор не

без удивления увидел стальную кольчугу из мелких колец, облегающую крепкое мускулистое тело.

– Хватит, – остановил он лейтенанта. – Поздно говорить о доверии, когда мы у стен Храма. Когда Геронт нас примет?

– Завтра. В Храме Великого.

– А где гарантия, что это не ловушка? – не удержался Ара.

– Если вы боитесь, то мой человек проводит вас обратно, хотя вырваться отсюда будет непросто.

– Мы не за тем шли так долго, чтобы повернуть от самого порога, – сказал Тор спокойно. – Я согласен.

Чирс вздохнул с видимым облегчением:

– Мой человек будет ждать тебя завтра у ворот Железного города.

Горданец поклонился всем присутствующим и быстро удалился, мягко ступая по земле длинными мускулистыми ногами.

– Не знаю, – покачал головой Ара, – по-моему, глупо так рисковать.

– Было бы лучше встретиться с Геронтом где-нибудь ни открытом месте, – поддержал лейтенанта Резвый.

– Вряд ли они согласятся на это, – возразил Тор. – Все-таки они здесь хозяева, а мы только гости.

– Гостеприимные хозяева, – съязвил Ара.

– Хозяева они никудышные, но я, кажется, нашел способ испортить им настроение, если они окажутся уж слишком высокомерными.

Проводник прибыл на рассвете. Это был рослый воин с угрюмым и надменным лицом горданца. Автомат был небрежно переброшен через его правое плечо, а на широком поясе тускло отливал серебром широкий кинжал. Глаза горданца холодно блеснули в сторону капитана меченых:

– Посвященный Геронт, Правая рука Великого, ждет тебя, варвар.

Вороной, словно из одного куска выкованный жеребец, нетерпеливо перебирал ногами под седлом горданца. Тору не доводилось видеть лошадей столь совершенных пропорций. Горданец перехватил восхищенные взгляды меченых и надменно улыбнулся.

Дорога к Храму не заняла слишком много времени. Степь вокруг словно полыхнула пожаром, и застывшим от удивления меченым открылось поразительное зрелище: черная как головешка пирамида плыла в море бушующего огня.

– Странно, – покачал головой Резвый, втягивая носом воздух, – степь полыхает, а дыма нет.

Горданец только скривил презрительно толстые губы, похоже, его позабавила реакция варваров на открывшееся их глазам величественное зрелище. Его красавец конь легко взял с места в галоп и полетел черной птицей прямо в преисподнюю. Впрочем, чем ближе меченые подъезжали к Храму, тем меньше становилось пламя, а потом и вовсе исчезло. И только опаленная этим пламенем пирамида по-прежнему непоколебимо возвышалась среди окружающих ее холмов.

Только подъехав вплотную к пирамиде, меченые смогли убедиться, насколько она велика. Черные камни, из которых было построено это странное здание, играли на солнце полированными гранями, отражая растерянные лица меченых. Мрачная красота Храма казалась чужеродной, раскинувшейся вокруг ковыльной степи. Непонятно кому и зачем понадобилось разнообразить столь прекрасный в своей унылости ландшафт, а уж о предназначении этой пирамиды и вовсе говорить было трудно, как трудно было вообразить, сколько сил было затрачено на строительство столь грандиозного сооружения.

Пирамида вдруг раскололась надвое, во всяком случае так показалось меченым, которые не спешиваясь смогли проникнуть в ее мрачное чрево. Пол внутри огромного помещения светился голубоватым светом. Тор первым прыгнул с коня и постучал каблуком сапога по гулкой поверхности. Пол не был каменным, но не был и деревянным. Больше всего это покрытие было похоже на стекло, но по стеклянному полу вряд ли смогли бы проехать десять всадников. Потолком этому странному залу служил свод пирамиды, но, как ни старались меченые пробиться взглядом сквозь льющийся сверху свет, это им так и не удалось.

В зале не было ни души, если не считать меченых и их проводника-горданца. В дальнем углу зала горел в круглой чаше огонь, но и его назначение было не совсем понятно – он явно не смог бы ни обогреть, ни осветить это грандиозное помещение. И здесь же, у этого странного очага, стояло кресло или, вернее, трон, богато отделанный золотом и драгоценными камнями. Драгоценные камни сверкали и на стенах пирамиды: то в гордом одиночестве, то сложными узорами, напоминающими скопления звезд на ночном небе.

– Богатый замок, – высказал свое мнение Сизарь и по правил висевший на крепкой шее автомат.

Рослый человек появился ниоткуда, еще секунду назад его не было, и вот он уже стоял у золотого трона, сияя серебром длинного, небрежно наброшенного на плечи плаща. В клубах повалившего дыма незнакомец на мгновение показался меченым неестественно большим, но дым рассеялся, и они убедились, что это всего лишь оптический обман. Воробей неожиданно чихнул, нарушив тем самым торжественность момента. Меченые засмеялись, а Тор почувствовал облегчение, словно с его души свалилась каменная глыба. Не с полубогами ему придется здесь общаться, а с самыми обычными людьми, у которых есть чему поучиться, но трепетать перед которыми не стоит. Показанное меченым представление говорило скорее об изощренности ума, чем о силе и благородстве духа.

Жезл в руках серебряного человека дрогнул, видимо, этим жестом он приветствовал гостей.

– Надо полагать, это и есть Геронт, – сказал громко Ара, чем вновь нарушил торжественную обстановку приема.

Проводник-горданец возмущенно покосился на меченого, но ничего не сказал. Судя по всему, высказывать свои мысли вслух в присутствии "верховного жреца вообще не позволялось. За спиной серебряного человека стали появляться в клубах разноцветного дыма одна за другой таинственные фигуры в черных плащах. На их мрачноватом Фоне плащ Геронта заиграл новыми красками. Церемония явно затягивалась, и меченые откровенно скучали.

– Могли бы просто поговорить, а не устраивать черт знает что с огнем и дымом, – высказал общее мнение Сизарь.

Лицо горданца-проводника побелело от гнева, а рука, сжимавшая приклад автомата, произвольно дернулась.

– Рад приветствовать тебя, чужеземец, у трона Великого. Тор не сразу понял, что к нему обращается один из одетых в черное жрецов. Лицо говорившего было закрыто маской с прорезями для глаз, и голос глухо звучал из-под плотной материи, прикрывавшей рот.

– Это ты Геронт, главный жрец Храма? – спросил удивленный Тор.

– Я всего лишь скромный слуга Правой руки Великого, – служитель говорил тусклым невыразительным голосом, с паузами и вздохами, словно умирал в каждом слове.

– Переводчик, вероятно, – высказал свое мнение Ара.

– Сам посвященный Геронт говорит с тобой моими устами, – повздыхал черный слуга.

– Я хотел бы видеть Чирса, – сказал Тор громко.

Черная фигура отделилась от толпы окружавших серебряного жреца прихлебателей и приблизилась к меченым. Человек стянул маску с прорезями для глаз, и Тор узнал в нем

Чирса. Нет слов, одевание жреца очень шло горданцу, но утомительные церемонии только уводили гостей и хозяев от сути дела.

– Я говорил им, что на тебя подобная встреча не произведет впечатления, но посвященный Геронт решил убедиться лично.

– Надеюсь, больше никаких сюрпризов не будет?

– Не знаю, – покачал головой Чирс.

Держался он без особой уверенности, и это не понравилось Тору, похоже, Чирс переоценил свое влияние, приглашая меченых в Храм, и теперь раскаивался в этом.

– Я владетель Нидрасский и Ожский ярл Хаарский, – сказал Тор громко, делая решительный шаг вперед, – капитан Башни. Мы строим крепость на берегах Сны, чтобы охранять торговые караваны от налетов стаи и кочевников. Выгода и для вас, и для нас очевидная: ваши купцы получают выход к большой воде, а наши – в глубь Неведомого мира. Я решил очистить Южные леса от вохров и готов принять помощь Храма людьми и оружием.

– Великий жалуется тебе земли у Цоха и Сбента, чужеземец, и ждет от тебя верной службы.

– Нет, – решительно тряхнул головой Тор, – я занял эти земли своей волей и никого не собираюсь за них благодарить. Башня может мирно соседствовать с Храмом, а может и воевать с ним. Я пришел к тебе с миром, жрец Геронт, так решай сам, торгуем мы или воюем. Я потерял девятнадцать человек на пути к Храму, но готов простить вам и их смерть, если мы заключим мирный договор.

– Ты самонадеян, чужеземец, за твоей спиной только сотня человек, а за моей весь мир. – Жрец в серебряном плаще заговорил сам, и голос его был куда жестче, чем у переводчика.

– Ты ошибаешься, жрец Геронт, за моей спиной целая страна: и в степях близ Сурана, и здесь в Храме я защищаю ее интересы.

– Никто не в силах противостоять Великому, ни чело век, ни даже целый народ.

– Значит, не договорились, – хмуро бросил Тор. Через секунду меченые были уже в седлах. Тор огляделся по сторонам: в глубоких нишах вдоль стен стояли одетые и черное горданцы и у каждого в руках был автомат.

– Никто не покидает Храм не попрощавшись, – кривая улыбка появилась на губах серебряного жреца, лицо, доселе напоминавшее маску, дрогнуло и расплылось морщинами.

– С мечеными так не шутят, жрец Геронт, – твердо сказал. Тор. – Я привел в твой Храм лишь половину своих людей, а остальные придут к тебе подземными переходами не поздоровавшись, зато их прощание будет оглушительным.

Лицо Геронта вновь превратилось в маску:

– В мире нет ключа, способного открыть двери Храма.

– А скорпионы?

Тору показалось, что жрец покачнулся – уж очень неожиданным был для него ответ наглого варвара. Чирс бросил на Тора предостерегающий взгляд.

– Я недооценил тебя, капитан Башни, – произнес Геронт после долгой паузы, – ты знаешь больше, чем положено знать варвару. О скорпионах тебе рассказал твой друг Чирс, не так ли?

– Ключ от этой двери я получил из рук своей жены, дочери жреца Ахая, ты, надо полагать, знаешь о таком жреце, Геронт?

Глухой ропот послышался из толпы жрецов за спиной Правой руки Великого – этот северный варвар, безусловно, заслуживал смерти за свою беспримерную наглость. Серебряный Геронт бросил на подручных ледяной взгляд, и ропот мгновенно смолк.

– Напрасно, – глухо сказал Чирс.

– Я рад слышать, что уцелел не только сын посвященного Ахая, но и его дочь, – голос Геронта значительно смягчился, – но ты слишком торопишься, капитан Башни. Храм не сказал тебе «нет».

– Так, может, пора сказать «да»? Выгода-то очевидная для всех.

– Я дам тебе оружие, чужеземец. Твой родственник Чирс привезет тебе его. Но могут ли наши купцы рассчитывать на твою защиту в Суранских степях и в самом Лэнде?

– Да, – Тор решительно тряхнул головой, – проблем будет немало, но думаю, мы их решим общими усилиями.

– Чирс обговорит с тобой условия соглашения. Желаю тебе спокойного пути в родные края, чужеземец.

– Я рад, что мы с тобой договорились, жрец Геронт, – сказал Тор. – Оставайся с миром.

Тор развернул коня и первым направился к выходу. Стена Храма раскололась пополам, нехотя выпуская в большой мир гордых всадников, не пожелавших склонить головы перед Великим.

Глава 10 ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Чирс молча склонился перед посвященным Геронтом, он почти физически ощущал его тяжелый давящий взгляд. Наместник Великого на земле был сильно не в духе, и о причине его отвратительного настроения можно было без труда догадаться. Без серебряного плаща он сильно проигрывал в представительности, но Чирсу от этого было не легче.

– Ты оказал нам недобрую услугу, посвященный. – Глаза верховного жреца недобро сверкнули в полутьме.

Чирса привычка горданцев прятаться от света раздражала. Впрочем, Геронт не был чистокровным горданцем, но вслух об этом говорить не рекомендовалось.

– Башня могла бы стать нашим союзником на западе, и я полагал...

– Ты ошибся, посвященный. – В голосе Геронта зазвучали визгливые нотки, признак сильного раздражения. – Этот человек проник в тайны Храма, и нам остается только надеяться, что все его угрозы – пустая похвальба.

– Увы, посвященный Геронт, он сказал тебе правду. Я узнал о скорпионах слишком поздно и не сумел предотвратить.

– Посвященный Ахай был слишком неосторожен, – поморщился Геронт. – Это и твоя вина, Чирс.

– Я был слишком мал и о многом даже не догадывался.

– Я говорю не только о скорпионах, но и о меченом.

– Я действовал с твоего согласия, Геронт, хотя ты не верил, что варвары смогут достичь стен Храма.

– До сих пор это никому не удавалось сделать. Генератор любви и мира был нашим надежным защитником, – Геронт зябко передернул плечами. – Они опасны, эти меченые, очень опасны.

– Поэтому я и привлек их к нам на службу. Меченых не так много, посвященный Геронт, – песчинка на необъятных просторах подвластных Храму земель.

– Песчинка, попадая в трущиеся части механизма, в конце концов разрушает его.

– Храм не вечен. Рано или поздно, генератор мира остановится, а у нас нет людей, способных его починить. Нужны новые подходы в отношениях с другими странами, нужны новые пути служения Великому, и я предложил один из них. Торговля, золото – этот механизм власти не менее надежен, чем генератор. Мы должны научиться управлять миром при помощи звонкой монеты, ибо в торговле нам еще долгое время не будет равных.

Губы Геронта дрогнули и расплылись в улыбке:

– Ты слишком долго жил вне стен Храма, Чирс, и вряд ли можешь быть ему теперь полезен.

Чирс побледнел, но не потерял самообладания:

– Ты забыл, что я посвященный.

– И с посвященными случаются неприятности. – Моя смерть не принесет Храму пользы.

– А какая польза Храму в твоей жизни? Ты передал оружие Храма в руки варваров и тем самым совершил святотатство. Это тяжелый проступок для жреца любого ранга, и за меньшие грехи Великий карает смертью.

– Я передал оружие меченым, когда был всего лишь изгнанником. Оружие принадлежало моему отцу, но оно послужило интересам Храма, ты сам признал это, посвященный Геронт. Мы вспороли границы Лэнда, которые долго оставались для нас закрытыми наглухо.

– Все, что принадлежало Гордану, принадлежит теперь Храму, никто не вправе забывать об этом. Твой отец, посвященный Ахай, не пожелал считаться с нашими традициями и поплатился за это изгнанием. Ты столь же строптив и горд, но, надеюсь, будешь умнее, посвященный Чирс. Ты оказал Храму большие услуги, но это не освобождает тебя от расплаты за допущенные ошибки. Храм – это не только генератор мира, как ты полагаешь, это прежде всего тысячи и тысячи тайных и явных адептов, способных вести за собой людей, направляя их усилия на служение Великому. Тысячи усердных пахарей в разных концах обитаемого мира рыхлят почву для большого посева. И у нас хватит семян, чтобы засеять ими обширное поле, но прежде нужно вырвать с корнем все сорняки, мешающие всходам.

– Меченые могли бы нам помочь в прополке.

– Ты удивляешь меня, Чирс, – Геронт укоризненно взглянул на собеседника. – Меченые – это вечные смутьяны, которые не признают никакой правды, кроме своей собственной.

– Тор Нидрасский не таков.

– Тор Нидрасский – единственный человек, способный объединить Лэнд, а это совсем не в наших интересах. Гораздо удобнее заглатывать пищу отдельными маленькими кусочками, чем давиться огромным куском. Меченые должны умереть. Я дал этому человеку слово, и будет лучше, если он умрет не на наших землях. От рук кочевников, скажем. Нам предстоит большая работа в Лэнде, и я не хочу осложнений с его сторонниками там. Это твой шанс, посвященный Чирс, так воспользуйся же им сполна.

Тор поджидал горданца у реки, и Чирс, заметив его издали, взмахнул приветственно рукой. Меченые были настороже – ладони их привычно лежали на прикладах автоматов и арбалетов. Чирс насчитал пятнадцать человек и вздохнул с облегчением – все были на месте, даже Кон. Тор напугал Геронта, напугал посвященных, напугал даже самого Чирса, и теперь наступает неизбежная расплата. С Храмом так шутить нельзя. Храм не признает равных, он признает только покорных и слабых. Ведь предупреждал же Чирс самоуверенного меченого, что все будет непросто, что нужно понравиться Геронту, а для этого следует поубавить спеси. Жаль, все могло закончиться мирно, к большому удовлетворению сторон.

Молчун стоял рядом с капитаном и равнодушно покусывал сорванную сухую травинку. Его Чирс опасался больше всего. Кон мог уловить перемену в настроении горданца и предупредить Тора.

– Все в порядке, – сказал Чирс, улыбаясь. – Геронт согласился дать боеприпасы.

– Странно, – пожал плечами Тор, – он не показался мне покладистым человеком, и, честно говоря, я ждал автоматных очередей в спину.

– Геронт не глуп, – Чирс спрыгнул с коня и прошелся по земле, разминая затекшие ноги, – он знает о тебе больше, чем ты думаешь, и не хочет осложнений в Лэнде. Геронт надеется, что ты вернешь ключ Храму, ибо какой же это союз, когда нет доверия друг к другу.

– Он прав, – усмехнулся Тор. – Я готов отдать ключ, но не раньше, чем мы окажемся в стенах Башни.

– Я полагал, что ты доверяешь мне больше.

– Я тебе доверяю, Чирс, просто у меня нет ключа, он так и остался висеть на шее у Даны.

Горданец кивнул:

– Я догадался, что ты блефуешь, но теперь возникла куча проблем: Геронт отдаст оружие только в обмен на ключ.

– Дался вам этот ключ, – возмутился Ара. – Мы въехали в Храм без всякого ключа, да еще верхом на лошадях.

– Ключ – это доступ к генератору, – пояснил Чирс – После бегства моего отца, жреца Ахая, никому не удавалось проникнуть в помещение, где он расположен. Прошло уже более тридцати лет, и возникла серьезная опасность, что он остановится. Как видишь, мы вполне откровенны с вами, лейтенант.

– Если эта чертова машина остановится, я буду только рад.

– Вспомни, лейтенант, чем закончилось для Приграничья разрушение Башни. А для Сурана разрушение Храма будет еще более страшным ударом. В этом мире трудно понять, где заканчивается благо и начинается зло. Впрочем, генератор не вечен. Рано или поздно, он остановится, а у Храма нет людей, способных вдохнуть в него жизнь. Однако, получив ключ, Геронт проникнется к вам доверием.

– В таком случае тебе придется прогуляться с нами по степи, – хмуро бросил Тор.

Чирс махнул рукой, проводник-суранец, державшийся в отдалении, подъехал ближе.

– Опол проводит вас коротким путем, а я постараюсь нагнать ваш отряд позднее.

Чирс легко вскочил в седло, и горданский жеребец не мыслимых статей легко понес его туда, где у самого горизонта угадывался мрачный силуэт Храма.

– Не верю я ему, – сказал Ара, глядя в спину удаляющемуся всаднику злыми глазами.

– Нам бы только боеприпасы получить, – возразил Рез вый, – а там пусть живут как хотят, на кой нам их Храм сдался.

Меченые кружили по степи уже пятые сутки. Все началось с короткой стычки с налетевшими неведомо откуда «глухарями». Жрецы-кукловоды отказались вступать в переговоры и поплатились за это жизнями. Меченые не пострадали, но проводник получил удар по голове и потерял разум. Тор приказал крепче привязать его к седлу и возил все эти дни по степи в тщетной надежде, что суранец очнется. Порою Тора охватывало отчаяние, казалось, что не будет выхода из заколдованного круга, в который они так нелепо угодили. Самым страшным было отсутствие воды, и если люди еще держались, то кони падали один за другим. Шли уже шестнадцатые сутки с той поры, когда они расстались с Чирсом. Если бы не потеря проводника, то, по расчетам Тора, они уже пересекли бы границу храмовых земель. Короткий путь, обещанный Чирсом, грозил завести их прямехонько в ад, и трудно было сказать, кто в этом был виноват больше, неискренний горданец или несчастный случай.

– Словно черт нас водит по кругу, – второй лейтенант грязно выругался.

– Вода, – крикнул вдруг Воробей.

– Стой, – одернул его молчун, – нет там воды. Обнадеженные меченые остановились, недоумевающе глядя на Кона.

– Это мираж, – хмуро пояснил тот.

– Нет, там вода! – глаза Воробья лихорадочно блеснули.

Ара протянул ему свою флягу:

– На, охолонись маленько.

Воробей припал пересохшими губами к горлышку, капли воды заблестели у него на подбородке. Лейтенант с трудом отвел глаза от пьющего меченого и повернулся к остальным:

– Лошади почувствуют воду раньше, чем мы ее увидим. Если кому-то еще будут подобные видения, пусть держит их при себе.

Тор обвел взглядом обожженную зноем землю и тяжело вздохнул. Солнце палило немилосердно, липкий пот заливал глаза, и капитану казалось, что этот бескрайний пожелтевший мир останется с ним теперь уже навечно.

– Пить, – прошептал вдруг Опол треснувшими от жара губами.

– Дай ему, – покосился Тор на молчуна.

– По-моему, он очухался, – сказал Ара, встряхивая проводника.

Тор не поверил, но лейтенант, кажется, не ошибся. Суранец жадно пил мутную теплую воду из фляжки молчуна.

– Где мы? – спросил он хрипло.

Меченые засмеялись, смех их, впрочем, больше походил на хриплый лай. Тор испугался за собственный разум.

– Прекратить! – рявкнул он, и смех немедленно оборвался.

– Это у тебя надо спросить, где мы, дорогой ты наш, – сказал Ара, скаля зубы.

– Попробуй определить, где мы находимся, – попросил Тор проводника.

– Я попробую, – отозвался тот слабым голосом. – И постараюсь найти воду.

Они ехали день, нестерпимо жаркий, и ночь, которая не принесла желанной прохлады. Земля, казалось, плавилась под копытами коней. Новый восход солнца меченые встретили градом ругательств. Но Опол обнадежил их – вода была недалеко, за ночь он сумел определить направление по звездам. Лошадь под Коном вдруг зашаталась, захрипела и рухнула в пыль. Молчун, успевший высвободить ноги из стремян и спрыгнуть на землю, с грустью смотрел на агонизирующее животное.

– Близко? – спросил Тор у проводника севшим голосом.

Опол в ответ только кивнул и пошевелил пересохшими губами. Воды уже не было ни у кого, и суранец страдал от жажды не меньше остальных. Тор боялся, как бы он опять не впал в беспамятство – это было бы концом для всех, и концом мучительным. Суранец нервничал, он то и дело выезжал вперед и приподнимался на стремянах. Тору трудно было понять, как этот человек ориентируется в голой степи, где нет ни скалы, ни деревца, за которые мог бы зацепиться взгляд. Но Опол был суранцем, его предки веками жили в этих краях, и для них, надо полагать, здесь не было тайн. Пали еще две лошади, и Тор приказал освободить от груза всех выючных животных. Меченые без жалости побросали свое добро, оставив лишь оружие и боеприпасы.

Опол отыскал-таки воду, отыскал в тот момент, когда Тор потерял надежду. Меченые со страхом приближались к колодцу: кто знает, не иссякли этот источник, как иссякли многие другие, встреченные ими на пути? Но в этом колодце вода была, ее хватило и людям, и измученным лошадям.

– Странно, – сказал Ара, прихлебывая воду из фляги, – мы проблуждали по степи почти пять суток, но не встретили ни одного человека.

– Это Голодная степь, – пояснил Опол, – здесь и в добрые времена люди не селились.

– Так это и есть та самая короткая дорога, о которой говорил Чирс? – в голосе Ары слышалась насмешка, которую он даже не пытался скрыть.

Опол на мгновение смутился:

– Мне очень жаль, что все так неудачно получилось, но эта дорога действительно намного короче.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – заметил вдоволь нахлебавшийся воды и оттого добродушный Сизарь. – До Башни отсюда далеко?

– Гораздо ближе, чем ты думаешь. От этого колодца я вас без задержек выведу к семи поселкам, все теперь будет зависеть от резвости ваших коней.

Следующий день пути не показался меченым слишком трудным. Отдохнувшие кони бежали резво, и в сердцах людей все больше укреплялась надежда, что до дома уже рукой подать, а значит, конец этому проклятому пути, конец трудностям и невосполнимым потерям. Все будет хорошо – казалось, что даже копыта коней об этом твердят, но сердце Тора сжималось в предчувствии беды.

– Неужели Сна? – Воробей указал рукой на блеснувшую вдруг в лучах уходящего солнца едва различимую по лоску воды.

Опол охотно подтвердил, что это та самая река, которая течет мимо стен Башни.

– Не верю я ему, – тихо сказал молчун Тору. – Не может того быть – мы слишком долго плутали по степи.

– Какой смысл ему нас обманывать? – возразил капитан, ощутивший в этот момент острую тоску по дому.

Ему вдруг захотелось, чтобы эта лениво несущая воды Река оказалась именно Сной, той самой рекой, на берегу которой он провел свою последнюю ночь с Данной. Эх, окунуться бы в прохладную воду, смыть с себя накопленную за долгую дорогу усталость и грязь и никого больше не видеть, кроме Данной, ее желанного тела и зовущей загадочной улыбки. Молчуну этого не понять, он, похоже, не верит даже самому себе.

– Люди на горизонте, – услышал он вдруг голос лейтенанта.

– Это Чирс, – воскликнул Резвый, – и с ним пятеро горданцев.

Тор вздохнул с облегчением. Чирс не обманул, он нагнал их в самом конце пути, а значит, весь этот трудный поход был совершен не впустую. Он вернется домой с оружием, полученным от Храма, и никто не вправе будет упрекнуть его в том, что люди потеряны им напрасно.

Чирс первым подскакал к меченым и крикнул хриплым голосом:

– Кочевники подожгли Башню!

– Что?! – острая боль полоснула Тора по сердцу – предчувствие не обмануло его, он ждал беды, и она пришла.

– Вон с того холма видно все, – Чирс уверенно махнул рукой.

– Вперед, – крикнул Ара.

– Стой! – захрипел молчун севшим не ко времени голосом. – Я не вижу дыма.

Но Тор не слышал Кона, душа его рвалась туда, где погибала в огне Башня, где враги убивали его друзей, его семью и куда неслись сейчас, настигая коней, его люди. Он догнал меченых у подножия пологого холма и первым взлетел на вершину. И замер там в изумлении: не было ни дыма, ни кочевников, ни горящей Башни. Кругом расстилалась степь, унылая в свой бескрайности и безнадежности.

– Измена! – крикнул Тор, и это слово было последним в его жизни. Холм вздрогнул от удара и раскололся на тысячи частей с ужасающим грохотом, погребая под оседающей землей меченых и их капитана. Огненный вихрь рванулся к небу, а вместе с ним улетела душа человека, страстно рвавшегося к неизведанному, а встретившему в чужих краях все то же: глупость, подозрительность и подлость.

Чирс угрюмо стоял в одиночестве возле большого свеженасыпанного кургана. Степной ленивый ветерок слабо шевелил его длинные волосы. Опол осторожно тронул его за плечо. Чирс резко обернулся и посмотрел на суранца темными от горя глазами.

- Молчун ушел, – тихо сказал суранец, – нам не удалось его догнать.
- Ты хорошо сделал свое дело, я этого не забуду, – угрюмо ответил Чирс.
- Я поставлю здесь столб с надписью «Меченые». Чирс подошел к коню и потрепал его роскошную гриву:
- Напиши «Люди». Такие же, как мы...

Глава 11 РАЗГРОМ

Рыжий смотрел в неподвижное лицо молчуна с надеждой. Но Кон просто сидел на лавке, уронив прокопченные руки на колени, и ничего не обещал ни в прошлом, ни в будущем. Рыжий поднялся и подошел к окну: кучка ребятишек копошилась в пыли посреди дороги, рядом гордо прохаживались куры. Все было как всегда, и все изменилось. Вошел Волк и молча присел к столу. Третий лейтенант уже знал о трагедии и никаких вопросов не задавал.

- А мы уже начали строить Башню, – сказал он в пространство и умолк.

Сурок ворвался в комнату без стука, темные глаза его сузились от боли, левая рука висела словно плеть:

- Я потерял трех человек, пробиваясь через Цох. Кто-то подбивает степняков на драку.
- Это Чирс, – пояснил Кон. – У него под рукой вооруженные огненными арбалетами гвардейцы.

- Выступаем сегодня ночью, – первый лейтенант повернулся лицом к подчиненным. – Лишнего не брать, пойдем налегке.

Кон угрюмо вздохнул. О мести думать еще рано, самое главное сейчас сохранить собственные жизни и не дать уничтожить потомство.

Рыжий остановил коня и огляделся: обоз растянулся едва ли не на полверсты. Охранять его тем количеством людей, которые были в распоряжении первого лейтенанта, оказалось делом нелегким. А вдали, за холмом, уже полыхала Башня. Подожгли ее, конечно, степняки. Дерево занялось дружно и горело весело. Горели шесть лет тяжких трудов и надежды человека, поверившего в то, что миром управляет разум.

- Степняки! – выдохнул подскакавший Пан, сержант второй десятки. – Сотни две, не меньше.

- Бери себе в помощь десятку Хвоща, садитесь в засаду у этого колка и во что бы то ни стало задержите степняков.

- Я останусь с ними, – подал голос Волк. – Прощай, Рыжий, на всякий случай...

- Прощай. – Первый лейтенант хлестнул коня плетью и поскакал в голову обоза.

Волк криво усмехнулся ему вслед. Рыжий не любил долгие проводы и лишние слезы. Двадцать семь лет прожито бок о бок, а расстались шутя. Впрочем, расстались, похоже, ненадолго. Весь вопрос в том, пускают ли меченых в рай? Но в любом случае путь у Волка и Рыжего один. Проклятый Чирс, горданская морда!

Степняки приближались медленно, видимо, опасались засады. Волк почти не сомневался, что ведет их Барак, самый хитрый и коварный из степных вождей. Ну а за плечами степняка маячит тень Чирса. Этот сам в драку, конечно, не полезет, человек он осторожный, из тех, кто чужими руками любит жар загребать. И почему Тор ему поверил?

Степняки уже поравнялись с колком, их пугливые кони хрипели и пятились, видимо, чуяли чужих. Волк пытался разглядеть в куче всадников приземистую фигуру Барака, но в темноте сделать это было просто невозможно, и он выбрал похожего на степного коршуна наездника.

- Огонь!

Степняки смешались, три десятка всадников покатались под копыта коней, а остальные, захлебнувшись в собственном страхе, рванулись из жуткого месива на вольный простор.

– Руби! – Волк с сожалением отбросил пустой автомат и потянул мечи из ножен.

– За Башню, – заорал Пан, и двадцать всадников стремительно ринулись в атаку. Кто сказал, что шея степняка крепче шеи вохра? И уж коли уходить в вечный сон, то после такого загула, чтобы стонала под копытами чужая земля, а вопли врагов сливались в похоронную музыку. Нет ничего страшнее рубки в темноте, когда клинки как молнии прошивают черную ткань ночи, а единственным цветным пятном на этом фоне может быть лишь кровавая мена, предвестник смерти.

Рыжий услышал треск за спиной и обернулся, через пару минут треск оборвался – с боезапасом у Волка было туго. Но в любом случае страху на степняков он должен был нагнать, и не только огненными арбалетами, но и мечами. Только бы не нарвался на горданцев Чирса.

– Скажи возницам, чтобы поторапливались, – крикнул Рыжий Сурку.

Сурок, морщась от боли в раненой руке, поскакал в голову колонны, на ходу отдавая команды.

– Удержит их Волк? – Кон тревожно вглядывался в темноту, и в голосе его слышалось сомнение.

Впереди дружно заговорили огненные арбалеты суранцев. Визг степняков резанул ночную тишину, и сразу же вслед за этим раздался дружный крик меченых «За Башню». Рыжий, нахлестывая коня плетью, поскакал на шум схватки. Нападение степняков было внезапным, но меченых трудно было смутить. Пострадало несколько телег, были убиты три возницы и две женщины. В бою погибли четверо суранцев и Сурок, столь не ко времени подоспевший на ночной пир степных стервятников.

Сурок уже не дышал, когда Рыжий склонился над ним. Пущенная из темноты стрела пробила сержанту шею. Сурок умер мгновенно, так и не осознав, откуда прилетела к нему смерть. Худое его лицо продолжало сохранять озабоченное выражение.

– Выслать дозоры, – распорядился Рыжий. – И смотреть в оба.

Степняки отхлынули, не выдержав удара меченых, топот их коней затих в ночи. Волк не стал их преследовать. Десять меченых, включая его самого, это все, что осталось под рукой третьего лейтенанта на исходе ночи. Оба сержанта были живы: у Хвоща была рассечена щека, у Пана повреждена рука. Пан отчаянно ругался, пока кто-то из меченых зубами извлекал наконечник стрелы из раны.

– Что будем делать, лейтенант? – спросил Хвощ. – Патронов нет, болты для арбалетов на исходе.

– К обозу, – распорядился Волк и, огрев плетью беспокойного коня, поскакал на запад. Меченые плотной группой держались следом. Степняки то ли потеряли их, то ли решили обойти стороной. Степь – не Змеиное горло, ее полусотней горячих тел не перекроешь.

– Не заблудиться бы, – забеспокоился Хвощ. Но даже в темноте они отыскивали отметины колес на порыжевшей степной траве. Волк не питал иллюзий: самое большое, что они выиграли у смерти, это несколько часов скоротечных схваток, в которых очень быстро иссякнут их силы.

Обоз они настигли уже на рассвете. Рыжий оглядел уцелевших меченых, но ничего не сказал. Волк медленно поехал вдоль обоза, отыскивая глазами свою семью. К счастью, все были целы. Лейтенант издали помахал жене рукой, но подъезжать не стал.

День прошел без происшествий, а к вечеру Рыжий приказал остановиться на большой привал. Лошадям нужен был отдых, да и люди измучились до предела.

– Может, мы поспешили оставить крепость? – высказал свое мнение Волк.

Рыжий отрицательно покачал головой:

– С каждым днем осады их становилось бы все больше и больше.

Подошел старый Сет и опустился на землю рядом с Рыжим, на лице молчуна была озабоченность.

– Степняки ждут нас за рекой, – сказал он негромко, – их там более тысячи.

– Знаю, – Рыжий неподвижно лежал на траве, глядя широко открытыми глазами в высокое, подернутое белой дымкой небо. Он даже головы не повернул в сторону молчуна.

– А что ты предлагаешь? – спросил Волк у старика.

– Суранцы могут сдаться, Чирс наверняка их защитит.

– А мы? – спросил Хвощ.

– Вы еще молоды, у вас будут дети, а значит и Башня возродится вновь.

Волк задохнулся от возмущения, Хвощ помертвел изуродованным лицом и стиснул рукоять кинжала до боли в пальцах. Сет равнодушно смотрел на меченых: в его поблекших глазах не было и тени сомнения в правильности сказанных слов.

– Детей не пощадят, – жестко сказал Кон, – во всяком случае, меченых. Чирс позаботится. Про суранцев не скажу, пусть сами решают, – молчун посмотрел на Артока, занявшего место погибшего Рэма.

– Степняки не будут разбираться, кто из нас меченый, а кто нет, – криво усмехнулся сержант. – А Чирс горданец, что для него суранская кровь – через Рэма он перешагнул, перешагнет и через нас.

– Сет прав в одном, – сказал Рыжий, – обоз придется распустить. Каждый пойдет в Приграничье своим путем. Ночью мы с частью обоза переправимся на тот берег и попытаемся прорваться через заслоны в степь. Степняки ринутся за обозом, а значит, у детей и женщин будет шанс проскочить незамеченными. Чем дольше мы будем мотать по степи эту свору, тем легче нашим семьям будет уйти в Приграничье.

– Ты делаешь ошибку, лейтенант, – запротестовал Сет, – непоправимую ошибку. Без вас Башне не подняться.

– Это уже ваша забота, старик, – Рыжий повернулся в сторону молчуна. – Вы пойдете с нашими детьми. Телег не брать, посадить всех женщин в седла, детей на руки. Спасете наши семьи – все грехи вам на том свете простятся.

– Я против, – в почти угасших глазах старика вспыхнул огонь.

– Я не спрашиваю твоего мнения, Сет. – Рыжий чуть повысил голос, но лицо его осталось спокойным. – Я, капитан Башни, уже принял решение.

– Я знал, что этим все закончится, – произнес Сет с горечью. – Юбки стали вам дороже Башни.

С наступлением темноты Рыжий вывел часть обоза к броду. Два десятка меченых во главе с Волком переправились на тот берег в стороне от брода и затаились в высокой прибрежной траве. Третий лейтенант, приподняв голову, наблюдал за степняками. Степняки уже приготовились встретить обоз: несколькими группами они укрылись в тени деревьев, сохраняя полнейшее молчание. Рыжий на противоположном берегу отдал команду, и первые телеги с шумом покатались в воду. Возницы отчаянно нахлестывали коней, понуждая их двигаться быстрее. Кони дико хрипели и бились, поднимая тучи брызг. Наконец первая телега выскочила на берег в нескольких десятках метрах от затаившихся степняков, но никакого движения в их рядах Волк не заметил. Судя по всему, ими управляла суровая рука.

Обоз переправился почти полностью, когда степняки наконец-то зашевелились. Раздался пронзительный свист, и сотни всадников, крича во все горло, бросились к телегам. Из телег навстречу степнякам ударили огненные арбалеты суранцев. Не ожидавшие подобного отпора нападавшие смешались.

– Вперед, – заорал Волк. – За Башню!

Меченые, стараясь производить как можно больше шума, ударили нападавшим во фланг. Степняки растерялись и отхлынули к зарослям, открывая дорогу обозу.

– Гони, – крикнул Рыжий. – Не останавливаться.

Волк со своими людьми старался как мог, отвлекая внимание на себя. Несколько бомб, изготовленных молчунами, разорвались в самой гуще степняков, повергая их в смятение и ужас.

– Оторвались? – спросил Рыжий у нагнавшего обоз Волка.

– Как бы они нас не потеряли в темноте, – третий лейтенант встревоженно оглянулся.

– Ничего, – отозвался из телеги Пан. – Степняк в степи не заблудится.

– Телеги с зарядами в хвост, – распорядился Рыжий. – Пусть попробуют нашего гостинца.

Волк уже начал не на шутку тревожиться, когда под скакавший Хвощ доложил о подходе степняков.

– Поджигай фитили, – распорядился Рыжий.

Степняки с визгом вылетели из-за холма, меченые, настегивая коней, бросились в степь. Погоня разделилась: часть степняков поскакала за мечеными, часть кинулась грабить оставленные подводы. Грянули один за другим три взрыва. Волк торжествующе засмеялся и обернулся к степнякам:

– Что, съели?!

Десять меченых остались с Волком. Лейтенант успел дважды выстрелить из арбалета, прежде чем волна атакующих захлестнула его. Волк обнажил мечи и с силой обрушил их на голову ближайшего преследователя.

– За Башню! – крикнул он.

– За Башню! – эхом отозвались еще несколько голосов, но крик их утонул в торжествующем визге наседавших степняков.

Рыжий гнал обоз в бесконечность, оставляя за спиной слабые заслоны меченых и суранцев. К утру в его распоряжении остались только двое меченых.

– Вы свое дело сделали, – сказал Рыжий почерневшим от пыли мужикам-возницам. – Если повезет – вернетесь домой живыми.

Возницы растерянно смотрели на первого лейтенанта Башни воспаленными от бессонницы глазами. Ночной кошмар закончился, а жизнь, кажется, продолжалась. Рыжий приказал установить телеги в круг и выпрячь коней.

– Не поминайте лихом, – сказал он возницам на прощание.

Меченые долго смотрели вслед удалявшимся неумелым всадникам, пока первый лейтенант не вернул их к действительности.

– Теперь наш черед, – сказал он глухо.

– Умирать так умирать, – согласился Пан, усаживаясь ни бочку пороха с факелом в здоровой руке.

Степняки накатывали широкой лавиной, не обращая внимания на редкие стрелы, летящие им навстречу. А вели их десять всадников с огненными арбалетами в руках, верхом на редкостной стати конях.

– Горданцы, надо полагать, – усмехнулся Рыжий и, повернувшись к товарищам, крикнул: – Давай!

Три взрыва слились в один, отправив к небесам и меченых, и горданцев, и добрую сотню степняков, так и не успевших поверить в собственную смерть.

Глава 12

СДЕЛКА

Бьерн Брандомский в волнении расхаживал по залу собственного замка. Неужели все?! Конец Башне! В мгновение ока исчез многопудовый молот, висевший над его головой всю жизнь. Конец меченым! И он, Бьерн Брандомский, приложил к этому руку. Да что там говорить – жизнь ушла на борьбу с мечеными. Он – главное действующее лицо в этой драме, если не считать Гоонского. Но ярл Эйнар мертв, и значит, нет в Приграничье человека, который мог бы помешать благородному Бьерну воспользоваться плодами победы. Годы борьбы, страха, надежд – и вот она, радостная весть!

– И никто не уцелел? – Бьерн пристально посмотрел на слугу.

– Никто, – Хокан непроизвольно дернул головой. – Только женщины и три десятка детей.

Тридцать. А двадцать лет их было чуть больше сотни. Сотня сосунков, которых никто не брал в расчет. Никто, кроме Бьерна Брандомского. Как страстно он спорил тогда с Гоонским быком, отстаивая свою правоту, но ярл был настроен миролюбиво и поплатился за свое благодушие жизнью. Нет, Бьерн Брандомский не повторит роковой ошибки ярла Эйнара. Меченых надо вырвать с корнем, чтобы даже воспоминаний о них не осталось. Жестоко? Может быть, но если хочешь выжить, будь добр научиться быть жестоким.

– Как встретил беглецов владетель Эйрик?

– Владетель Маэлларский передал Хаарский и Ожский замки сыну Тора.

– Дурак, – процедил сквозь зубы Бьерн, – и всегда был дураком.

Еще одна неприятная новость: у Тора Нидрасского остался сын. Волчье семя! Никак не удастся вывести их до конца. Бьерн вспомнил красивое и мрачное лицо старого врага – капитана Башни Туза – и злобно выругался. Счастье еще, что Тор уступал своему отцу в неукротимости, иначе в этом замке сидел бы сейчас какой-нибудь меченый, а Бьерн скитался бы по чужим углам, если бы вообще уцелел. Брандомский так и не понял, почему Тор не поддержал Чуба. Сидел бы сейчас королем в Нордлэнде. Конечно, к их разрыву приложил руку сам Бьерн, удачно интриговали и серые орденские крысы, но не это было главным. Была еще какая-то причина, которую Бьерн проглядел, что не могло, конечно, не вызывать досаду.

Бьерн подошел к массивному креслу и застыл в задумчивости, облокотившись на резную спинку и глядя на полыхающий в камине огонь немигающими глазами. Несмотря на довольно теплую погоду, тело владетеля подрагивало в ознобе. «Неужели заболел? – мелькнула в голове неприятная мысль. – Стареешь, Бьерн, стареешь». И то сказать: сорок с хвостиком – почтенный возраст. И хвостик этот с каждым годом становится все длиннее и длиннее. Бьерн вздохнул. После его смерти все пойдет прахом. Нет сына, нет наследника. Правда, есть дочь, но ей только пять лет. Хотя, если вспомнить дочь Гольдульфа Хаарского, то придется признать, что и женщина в наше время может достичь многого. Ах, Гильдис, Гильдис! Все могло бы пойти по-иному, ответь она на чувства благородного Бьерна. Увы!

Владетель взял со стола наполненный до краев кубок и поднес к подрагивающим губам. Приятное тепло разлилось по телу, и сразу стало легче дышать. Жизнь сложилась так, как сложилась, и Бьерну Брандомскому есть что явить беспокойному миру. В конце концов, дочь – это тоже плоть и кровь владетеля Брандомского. В Нордлэнде подрастает король Гарольд, а благородный Бьерн не последний человек при дворе и один из первых в Приграничье. Его слово много значит и здесь, и там. Почему бы не объединить Нордлэнд и Приграничье под единой короной и ни водрузить эту корону на головы Гарольда и Сигрид?

Брандомский трескуче рассмеялся. Хокан вздрогнул и с тревогой покосился на хозяина. Бьерн небрежным жестом отослал его прочь. Подобного рода проекты не следует обна-

родовать до времени, слишком уж много завистников вокруг. Мысль о том, что в едином союзе сольется кровь самого Бьерна и кровь ненавистных ему людей, позабавила владельца. Простуда, это мелочь. Он здоров и силен. Бог даст, так протянет еще лет двадцать пять. Должен же кто-то навести порядок в этом раздираемом нечестивыми страстями краю.

«А стая?!» – ударило вдруг в голову Брандомскому. Вот о ком забывать не следовало ни на секунду. Ярл Эйнар обломал на этом зубы, и Бьерну будет не легче. Наемников теперь даже золотом не заманишь в Приграничье, хватили они здесь лиха по самые ноздри. Но выход-то должен быть. Лаудсвильский упоминал о торговцах, заинтересованных в безопасном пути по Приграничью. Самое время объединиться и поискать выход вместе. Наверняка у Рекина есть с ними связь, недаром же он все эти годы крутится в Приграничье, приносиваясь к Ингуальдскому замку. Правда, сейчас, когда вернулась его хозяйка, Лаудсвильскому придется туговато, но почему бы не помочь хорошему человеку. Брандомский усмехнулся и потянулся к колокольчику. Хокан через минуту возник на пороге.

– Что слышно о владельце Лаудсвильском?

– Благородный Рекин остановился в Гутормском замке и обещал прибыть сегодня вечером в Брандом.

Лаудсвильскому в нюхе не откажешь – не успела прилететь весть о гибели меченых, как он тут как тут. Впрочем, ему несладко приходится в Нордлэнде, где Хафтур Колбейн по наущению Бента Хаслумского вытеснил благородного Рекина из Высшего Совета ордена, обвинив в предательстве. Трудно было сказать, имел ли отношение Лаудсвильский к гибели Труффинна Унглинского, но ответственность серые интриганы очень ловко повесили именно на него. Что ж, тем легче будет договориться со строптивым владельцем.

Лаудсвильский прибыл, когда стемнело, разбудив задремавшего было Бьерна. О гибели меченых он, конечно, знал, его некрасивое лошадиное лицо сияло от счастья. Два старых друга обнялись и расцеловались. Владелец Рекин не много облинял за последние годы, но держался по-прежнему бодро и независимо. Кубок заморского вина еще больше улучшил его настроение.

– Подумать только, а ведь наши деды не знали вкуса этого напитка.

– Торговля – дело прибыльное, – с ходу уловил гость мысль хозяина. – Вестлэндцы здорово обогатились за наш счет, перепродавая заморское вино.

– Купцы, кажется, есть не только за морем? – Бьерн пристально посмотрел в глаза собеседнику.

Лаудсвильский заерзал в кресле и тяжело вздохнул:

– Дороги небезопасны.

– Меченые хорошо поработали в Южном лесу – о стае четвертый год ни слуху, ни духу.

– Надолго ли?

– Не крути, дорогой Рекин, у тебя ведь есть связи с чужаками.

– Конечно, владельцы Приграничья могут обогатиться от подобной торговли, но что получат такие бедные нордлэндцы, как я?

Бьерн понимающе кивнул головой:

– А разве не Рекин Лаудсвильский наследует благородному Фрэю? Я полагал, что беседую с владельцем замка Ингуальд.

Лицо Рекина сначала покраснело, потом побледнело:

– Есть и другие наследники.

– Я знаю только одного и пью сейчас за его здоровье.

– А Кристин?

– Разве женщина может удержать приграничный замок в смутные времена? В крайнем случае ей можно дать отступные и помочь вернуться на родину. Связь с меченым сделала эту особу непопулярной в нашем суровом краю.

– У нее есть сын.

– Меченым нет больше места на нашей земле, – жестко сказал Брандомский. – Я сам собираюсь предъявить права на замок, как один из ближайших родственников ярла Гольдульфа Хаарского.

Лаудсвильский даже привстал от удивления: до сих пор родство Бьерна с Гольдульфом было для него тайной, как, впрочем, и собственное родство с Фрэем Ингуальдским. Но кто станет обращать внимание на подобные мелочи в нынешней щекотливой ситуации. Кто удал, тот и взял.

– Ты прав, дорогой Бьерн. Нельзя допустить, чтобы меченые снова сели нам на шею. Но что скажет владетель Манарский? А ярл Грольф Агмундский?

– Ярлу Грольфу всегда нравился замок Хаар, хотя при жизни Тора Нидрасского он стеснялся говорить об этом вслух, – хитрая улыбка заиграла на губах Бьерна. – Что же касается Эйрика, то пусть сам решает, стоит ли ему ссориться с самыми могущественными владетелями края из-за меченого щенка.

– Я согласен, – решительно тряхнул поредевшими кудрями Рекин.

Брандомский вздохнул с облегчением, хотя в Рекине он почти не сомневался. Терять нищему владетелю было нечего, а в случае успеха ему доставался изрядный куш.

– Я хочу познакомить тебя кое с кем, – Лаудсвильский кивнул стоящему у дверей Хокану: – Скажи Хафтуру, пусть ведет чужака.

Брандомский с интересом взглянул на человека, приведенного Хоканом. Довольно рослый, с сумрачным не приметным лицом и чуть раскосыми глазами. Его вполне можно было принять за буржского торговца средней руки.

– Кюрджи, – представил его Рекин Лаудсвильский, – посланец Храма при сером ордене.

Чужак молча снял шляпу и поклонился. Бритый его череп не поражал красотой формы, но Бьерну на это было наплевать. Главное, что в этой дыне скрыто.

– Я слышал, – сказал Бьерн небрежно, – что Храм за интересован в торговле с Лэндом?

– Мы рады будем установить контакты с Приграничными владетелями, – голос чужака звучал хрипло. – Благородный Труффинн обещал нам помочь.

– Увы, – покачал головой Бьерн, – генерал ордена умер.

– Поэтому мы решили договориться с владетелями замков напрямую.

– Не так глупо, – Брандомский поощрительно улыбнулся чужаку, – но это потребует немалых средств.

– Нас не пугают расходы.

– С владетелями договориться можно, – задумчиво протянул Бьерн, – но, боюсь, вохры будут менее покладистыми.

– Все можно превозмочь, опираясь на силу Великого.

– Ты имеешь в виду огненные арбалеты? – встревожился Брандомский.

Как бы ненароком ни впустить в собственный дом силу, от которой потом не избавиться. На чужой кусок у всякого рот до ушей растягивается. Начнут с торговли, вынюхают все ходы-выходы, а потом ударят врасплох так, что из благородных владетелей полетят пух и перья.

– Священное оружие Храма не может быть использовано за пределами наших земель.

– Однако мы уже имели возможность с ним познакомиться.

– Это была ошибка посвященного Чирса, но он ее исправил и прощен Великим.

Судя по всему, это именно Храм разделался с мечеными, и, наверное, им следует сказать за это спасибо, но кто даст гарантию, что чужаки не проделают нечто подобное и с владельцами. Опасные союзники, прямо нужно сказать. Но, с другой стороны, сидеть сложа руки, когда весь мир вокруг зашевелился, тоже довольно глупо. К. тому же, если эти люди способны покорить Лэнд силой, то зачем им вести переговоры?

– Что нужно от нас Храму?

– Безопасный проход по землям Приграничья наших торговых караванов. Безопасный, но не бесплатный.

– Вы могли бы обеспечить свои интересы силой.

– Купить гораздо дешевле.

В этом чужак был прав. Но в любом случае Храму нужен сильный человек в Приграничье, с которым можно договориться и на веское слово которого можно положиться. У Бьерна есть шансы стать именно таким человеком и заручиться поддержкой Храма, не напрямую конечно, а через того же Рекина, скажем. У Лаудсвильского репутация и без того подмоченная, так что грязной воды он уже не боится. Не прогадать бы только. А то ведь запросто можно вернуться из этого похода за шерстью стриженным наголо.

– Что еще?

– Мы собираемся построить крепость на землях духов для защиты караванных путей от стаи, и здесь без вашей помощи нам не обойтись.

– И какой гарнизон вы собираетесь там разместить?

– Пятьсот человек, я думаю, будет достаточно.

Брандомский покосился на Лаудсвильского, но тот сделал вид, что не заметил его вопрошающего взгляда. – Хорошо, – вздохнул Бьерн, – я согласен.

Глава 13 ВЕРОЛОМСТВО

Маэларский с недоумением посматривал на владельца Лаудсвильского, не понимая, за каким чертом нордлэндскую лису занесло в Ожский замок. Однако неприязнь, столь явно обозначенная на лице благородного Эйрика, не смутила Рекина.

– Вот и еще один замок осиротел, – сказал он, печально оглядывая стены.

– У Тора остался сын, – напомнил Эйрик. Лаудсвильский с готовностью кивнул головой:

– Конечно, но смерть Тора Нидрасского – это большая потеря для Приграничья и всего Лэнда.

Уж этот наверняка сильно огорчился – Маэларский едва не выругался прямо в лицо любезному владельцу, но в последний момент сдержался.

– Что привело владельца Лаудсвильского в Ожский замок? – не слишком любезно спросил Эйрик, которого печальный вид Рекина стал не на шутку раздражать.

– Увы, все те же трагические события, дорогой друг. Кристин Ингуальдская, как я слышал, возвратилась в родные края.

Маэларский пожал плечами, не совсем уловив, какое отношение к этому имеет незваный гость.

– Не забывай, владелец, что я хоть и дальний, но все же родственник несчастного Фрэя, и мне небезразлична судьба его вдовы, с которой мы были дружны в прошлые, увы, куда более счастливые времена.

О родстве Лаудсвильского с благородным Фрэем Эйрик слышал впервые и только усмехнулся про себя по этому поводу, но Рекин действительно подолгу жила в Ингуальде, и кто знает, какие отношения связывают его с Кристин.

– Быть может, моя помощь будет не лишней.

– У Кристин Ингуальдской остались земли, замок и друзья, которые помогут ей удержать его, – лицо Маэларского расплылось в широкой улыбке. – Впрочем, благородная дама, я полагаю, не откажется от встречи со старым знакомым.

Лаудсвильский благодарно кивнул. Маэларский указал ему на свободное кресло, решив, что от назойливого владельца избавиться будет не так-то просто.

– Я слышал, что Брандомский заявил о своих правах на Ожский замок.

– У замка есть законный хозяин, – отрезал Эйрик. – Бьерн поторопился.

Рекин сочувственно вздохнул:

– У Брандомского всегда были длинные руки и короткая совесть.

Маэларский недоверчиво покосился на гостя. Знай он эту серую змею немного поменьше, наверняка поверил бы ему, уж очень искренним сочувствием светилось некрасивое лицо Лаудсвильского.

– Человек я одинокий и небогатый, но готов помочь родственнице, попавшей в беду.

Маэларский решил, что Рекин приехал свататься, и едва не расхохотался от собственной догадки – ну, Лаудсвильский, ну, хват. Впрочем, Ингуальд действительно лакомый кусок, и, надо полагать, недостатка в женихах у Кристин не будет. Рекин как всегда почуял добычу раньше остальных. Маэларский не пожелал бы Кристин такого мужа, но решать придется ей самой, а кто поймет сердце женщины, дважды овдовевшей за столь короткий срок.

Появление дам прервало затянувшееся молчание. Лаудсвильский рассыпался в комплиментах, хотя и косился при этом смущенно на Данну, но та, видимо, не собиралась напоминать владельцу об их последней встрече. Благородный Рекин ожил и даже осмелился пошутить пару раз. Впрочем, на его шутки откликнулась только Кристин, которой встреча с Лаудсвильским напомнила о куда более спокойных временах.

– Владелец Рекин предлагает тебе помощь, благородная госпожа, – сказал Маэларский.

Лаудсвильский скромно опустил глаза и только рукой махнул в ответ на слова благодарности, произнесенные Кристин. Эйрик все более удивлялся поведению незваного гостя. Лаудсвильский вдруг выразил желание провести эту ночь в Ожском замке, сославшись на усталость. Данна в ответ равнодушно кивнула головой, не замечая сигналов, которые подавал ей Эйрик. Маэларскому волей-неволей пришлось уступить желанию настырного владельца, уж коли хозяйка не возражала. Он без особой радости отдал приказ оруженосцу Тейту, разместить гостей. Тейт, выполнявший в отсутствие Густава обязанности коменданта, только вздохнул в ответ – замок Ож и без того был переполнен людьми.

Владелец Лаудсвильский явился в гости с большой свитой. И хотя дороги Приграничья были небезопасны, такое обилие охраны Тейт считал чрезмерным. А еще говорят, что благородный Рекин человек бедный. Надо полагать, содержание такой дружины влетает ему в приличную сумму. Впрочем, не дело Тейта считать деньги во владетельской казне, хотя размещать всю эту свору приходится именно ему.

Тейт обошел караулы на стенах и остался доволен – часовые помнили о службе. Правда, его слегка удивило присутствие на стене Хафтура, командира дружины Лаудсвильского. Хафтур дружески хлопнул старого воина по плечу и предложил выпить за встречу. Тейт не считал лаудсвильца своим другом, но и врагами они не были, поэтому он согласился с предложением старого знакомого.

Воины двух дружин, Лаудсвильского и Маэларского, оказавшись в чужом замке, времени зря не теряли – стол был заставлен закусками и брагой. Тейт не стал протестовать против такого времяпрепровождения. Дружеская пирушка – не помеха службе, надо же людям ночь скоротать. Лишь бы не передрались во время пира.

К неудовольствию старого воина, обстановка за столом быстро накалялась – нордлэндцы вели себя вызывающе. Хафтур, вместо того, чтобы успокоить своих людей, стал задирать Тейта. Далее терпеть такое положение, не роняя своего авторитета перед дружинниками, было уже невозможно. Выпивка выпивкой, но и правила приличий следует соблюдать.

– Языком молоть – не мечом махать, – сказал Тейт, спокойно глядя в пьяные глаза Хафтура. – Приграничье всегда било Нордлэнд в открытой драке.

– За вас дрались меченые, – вмешался в разговор Эрлинг, грузный и рослый воин Лаудсвильского.

Пьяная улыбка Эрлинга не понравилась Тейту, а слова нордлэндца вызвали бурю возмущения среди дружинников Маэларского. Перебранка грозила перейти в настоящее побоище, и Тейт поспешил разрядить обстановку.

– Я многое могу простить гостю, – сказал он спокойно, – особенно за чаркой. Выпьем за то, чтобы как можно меньше нашей крови проливалось и на полях Нордлэнда, и на полях Приграничья.

Слова Тейта вызвали всеобщее одобрение и, казалось, примирили спорщиков.

– А я предлагаю выпить за гибель проклятых меченых, пусть горят их души в аду, – Хафтур высоко поднял кубок и вызывающе оглядел присутствующих.

Воины притихли, ожидая, что скажет Тейт. Старый воин решительно поставил наполненный до краев кубок на стол.

– Я сражался и против меченых, и вместе с мечеными, – сказал он, в упор глядя на Хафтура, – не скажу, что я желал им добра при жизни, но срамить мертвых не хочу.

Шум одобрения пронесся по залу. И не только дружинники Маэларского поддерживали Тейта.

– Разве меченые не были нашими врагами? – удивился Эрлинг. – И разве твой хозяин, ярл Гоонский, погиб не от их рук?

– На все воля Божья, – сказал Тейт хмуро. – Теперь уже некому мстить за эту смерть.

– Убийцы погибли, но их чертово семя осталось, и вы охраняете их в этом замке, – возразил Хафтур.

Тейт решительно поднялся с места:

– Я не считаю Тора Нидрасского виновным в гибели ярла Эйнара и уж тем более не буду мстить его детям.

– Ладно, – неожиданно примиряющее сказал Хафтур. – Мстить или не мстить, это решать нашим владельцам, а мы будем честно служить тем, кто нам хорошо платит. За наших владельцев – Лаудсвильского и Маэларского.

Тейт с удивлением отметил, что Хафтур не так пьян, как хотел бы казаться, и вообще поведение нордлэндцев выглядело довольно подозрительным. Непонятно, зачем Хафтур затеял разговор о меченых в замке их погибшего капитана. Тейт подозревал Ингвара, он показался ему трезвее других, и приказал проверить караулы на стенах.

– Ожский замок – лакомый кусок, – сказал Хафтур, глядя в спину уходящего Ингвара странным взглядом, – всякий владелец мог бы гордиться таким логовом.

Эрлинг поднялся со своего места и, пьяно пошатываясь, вышел из зала. Его уход сразу вслед за Ингваром не понравился Тейту. Ему показалось даже, что Эрлинг покинул пир не по своей воле, а повинаясь взгляду командира.

– Здоровый бугай, а на выпивку слаб, не то, что мы с тобой, старый товарищ.

Тейт угрюмо посмотрел на командира нордлэндцев. По ведению Хафтура было подозрительным, с какой стороны ни посмотри, а его кривая улыбочка и вовсе пугала старого воина.

– Пожалуй, я тоже пройдуся, – сказал Тейт, тяжело поднимаясь из-за стола.

– Негоже хозяину покидать гостей во время пира.

– В этом замке я такой же гость, как и ты.

– Я пойду с тобой, – Хафтур обнял Тейта за плечи. – В Ожском замке делают крепкую брагу.

Тейт решительно двинулся к выходу. Чувство беспокойства не покидало его. Ингвар давно уже должен был вернуться, да и Эрлинг куда-то неожиданно запропал.

– Чудная ночь, – вдохнул полной грудью воздух Хафтур, – и тихая на редкость.

– Не такая уж она тихая, – возразил Тейт, тревожно вглядываясь в темноту и вслушиваясь в несущийся от ворот шум.

– Жаль, что ты слишком рано вышел из-за стола – пожил бы подольше.

Тейт резко обернулся, но отбить удар не успел. Хафтур рассчитал все точно: старый воин мешком повалился на землю, хрипя пробитым горлом. Хафтур вытер кинжал об одежду убитого, сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул. Ему ответили от ворот точно таким же свистом.

Эрлинг и его подручные оказались не менее проворными людьми. Хафтур развернулся на каблуках и спокойно направился к дому, где веселье было в самом разгаре. Командира лаудсвильцев встретили радостными возгласами. Какой-то в конец опьяневший дружинник Маэларского потянулся к нему с кубком, расплескивая брагу по столу. Хафтур нанес ему короткий удар ребром ладони по шее, воин слабо охнул и уткнулся лицом в стоящее перед ним блюдо с мясом. В зале наступила мертвая тишина, а затем взрыв негодования потряс стены. Дружинники Маэларского схватились за оружие, началась невероятная свалка.

– Кончайте их, – крикнул Хафтур своим людям. Однако оказалось легче сказать это, чем сделать. Маэларцы очухались довольно быстро. Осыпая нордлэндцев градом ругательств, они не забывали и о мечах. Пролилась первая кровь, лаудсвильцы стали медленно отступать к выходу. Хафтур встревоженно оглянулся на двери. То ли Эрлинг запоздал, То ли Хафтур поторопился, но со двора пока не доносилось ни звука. Торопливость командира могла дорого обойтись подчиненным. Озверевшие маэларцы, круша столы и чужие головы тяжелыми мечами, неудержимо рвались вперед. К счастью, вбежал наконец Эрлинг и крикнул что-то неразборчиво, но и без того Хафтуру все стало ясно – во дворе слышался топот коней, крики о помощи, звон оружия. Видимо, ожские дружинники не все ушли с Густавом в Хаар и теперь пытались оказать сопротивление нападавшим.

– Бросайте оружие, – крикнул Хафтур маэларцам. – Владелец Брандомский уже в замке.

Маэларцы сгруппировались у дальней стены и растерянно переглядывались. То, что Хафтур говорит правду, сомневаться не приходилось, достаточно было выглянуть в окно, чтобы убедиться в этом.

– А что будет с нами? – спросил кто-то неуверенно.

– И где владелец Эйрик?

– Никто не тронет ни вас, ни вашего владельца, – ухмыльнулся Хафтур, – нам нужны только щенки меченых. Хватит плодить дьявольское семя.

Воины нехотя побросали оружие, Хафтур вздохнул с облегчением: слава Богу, здесь все закончилось удачно.

Но Ожский замок продолжал сопротивляться: звон оружия становился все громче, да и крики усиливались. Встревоженный Хафтур выскочил во двор. Владелец Брандомский стоял неподалеку, сжимая в руках меч. В свете факелов улыбка на его лице напоминала волчий оскал. Лаудсвильский что-то кричал воинам, осаждавшим господский дом. Из дома слышался треск автоматной очереди, и Брандомский расстроено крикнул. Судя по всему, не все это чертово оружие меченые унесли с собой в Суранские степи, кое-что Эйрик оставил себе.

– Придется поджигать, – расстроено произнес Лаудсвильский.

Брандомский бросил на владельца рассерженный взгляд – он уже считал замок своим. Рекин в ответ только плечами пожал. Свое дело он сделал, теперь очередь за благородным Бьерном.

– Щенки в доме? – обернулся Бьерн к Лаудсвильскому.

– И женщины тоже, – вяло отозвался тот.

– Черт с ними, с женщинами, ты мне щенков подай.

– Владелец Маэларский человек упрямый, – негромко заметил Рекин, – так просто он их не отдаст.

Брандомский перехватил поудобнее меч и, не обращая внимание на летящие стрелы, двинулся к дому, где бестолково суетились его дружинники. Лаудсвильский последовал за озверевшим владельцем, стараясь держаться в тени и подальше от смертоносных окон.

– В доме наверняка есть подземный ход, – сказал Хафтур. – Ищи их потом по всему Ожскому бору.

– Лишние хлопоты для владельца Бьерна, – ехидно улыбнулся Рекин.

– Заряд под дверь, – крикнул Брандомский своим воинам.

Воины окружили дом и открыли стрельбу из арбалетов по окнам. Под их прикрытием заряд удалось установить. Взрыв оглушил Рекина, и он запоздало присел у стены. Брандомский оскалил зубы:

– И мы кое-что умеем, владелец.

Воины гурьбой ринулись в образовавшийся проем. Там их, видимо, уже поджидали – послышался звон мечей и хрипы раненых. Коротко ударил автомат и тут же смолк, словно захлебнулся кровью. Хафтур взмахнул рукой, собирая своих людей, и повел их на помощь брандомцам. Однако их помощь не понадобилась. Почти у самых дверей Хафтур наткнулся на мертвого владельца Маэларского. В руках благородный Эйрик продолжал сжимать ненужный уже автомат, а из его шеи торчала оперенная стрела. Рядом с владельцем лежали еще несколько дружинников, изрубленных озверевшими от крови брандомцами.

– Все ушли, никого здесь нет, – послышался снизу расстроенный голос.

Хафтур посторонился, пропуская взбешенного Брандомского. Бьерн склонился над люком и втянул раздувающимися ноздрями затхлый воздух. Эйрик Маэларский как был дураком, так им и остался. Мог ведь уйти сам, но предпочел подохнуть на пороге чужого замка, защищая детей своих врагов.

– Теперь они уже далеко, – сказал Рекин, наклоняясь к люку.

Брандомский только выругался в бессильной злобе.

Часть вторая ГРАБИТЕЛИ КАРАВАНОВ

Глава 1 ДЕВЧОНКА ДЛЯ БЕСА

Бес осторожно раздвинул ветки и поудобнее устроился на толстом суку одинокого старого дуба. С этого холма был очень хороший обзор. За утренней туманной дымкой, с трудом, но все же можно было различить громаду Ожского замка – его, Беса, замка, как говорила Данна, а в справедливости ее слов он и не думал сомневаться. Сам Бес помнил замок смутно. Самым ярким его воспоминанием была ночь их бегства, страшная и непонятная ночь. Отца своего Бес не помнил, тот погиб в Суранских степях, и за его смерть еще предстояло мстить. Как и за смерть Эйрика Маэлларского, которого Бес помнил почему-то очень хорошо. Данна считала, что Ожский замок необходимо вернуть, хотя Бесу он совсем не нравился. Зачем нужна эта груда серых камней, когда можно жить в зеленом лесу, среди привычного с детства окружения? Но раз так хочет его мать, то Бес, конечно, вернет ей этот замок и отомстит его нынешнему владельцу Бьерну Брандомскому за смерть веселого владельца Эйрика.

Но сейчас у Беса были другие заботы. Он вложил два пальца в рот и свистнул. Чуть в стороне, у подножия холма, зашевелились кусты, и на поляну выехал Ара, держа в поводу вороного коня Беса. Ула, как и положено по уставу, держалась чуть позади, с арбалетом в руках, защищая спину своего ведущего. Бес вздохнул, его спину защищать было некому. Он был единственным, не имевшим такой защиты, если не считать Ульфа. Но Ульф не был меченым. Бес отправился в дальнюю разведку с тайной надеждой найти подходящую девчонку и перестать наконец быть белой вороной среди друзей. Молчун Кон недавно проговорился, что меченые раньше воровали девушек в окрестных селениях. Кону можно было верить, он жил уже много лет и все обычаи меченых знал очень хорошо. Бес поделился своими планами только с Арой, но его самый близкий товарищ вдруг усомнился, что подобное приобретение одобряют молчуны. Девчонка эта не будет меченой, а значит, ей не позволят жить в лесу.

– Данна тоже не меченая, и Кристин, и Рея, и все наши матери.

– А ты откуда знаешь? – спросил Ара.

– Знаю и все. Ульф тоже не меченый, – привел он свой последний аргумент.

– Ульф свой, а девчонка так и останется чужой.

Бес только рукой махнул. Ара славился упрямством, и спорить с ним было бесполезно. И конечно Ара проболтался о намерениях Беса Уле, вот почему та всю дорогу бросала насмешливые взгляды.

– Все чисто, – сказал Бес и легко спрыгнул с дерева.

– Поедем к замку? – спросил Ара, глядя при этом не на Беса, а на Улу.

– К замку мы не поедем, – сказал Бес, скрывая досаду. – Устроимся у дороги, наверняка кого-нибудь прихватим.

– Например, красивую девчонку тебе под пару, – Ула стрельнула в сторону Ары зелеными глазами и обидно засмеялась.

И уж совсем верх бесстыдства – Ара подхватил ее смех. Друг называется. Подобного предательства Бес вынести не мог, он огрел коня плетью и помчался сквозь кусты к дороге. Ара с Улой скакали следом, и Бес нисколько не сомневался, что они пересмеиваются за его спиной. Ара в последнее время здорово переменялся. Заискивать перед девчонкой! Единственным оправданием для Ары служило то, что заискивал он перед Улой, а свою сестру

Бес уважал и побаивался ее острого языка. В последнее время они стали подшучивать над Бесом совместно, что было уж совсем обидно. Ну и пусть. А Бес своего решения не изменит. Уж он-то найдет себе девчонку, будь здоров, не хуже Улы. Стреляла она правда, неплохо, но на мечях уступала и рыжей Агнесс, и Рее. Рыжая Агнесс особенно нравилась Бесу. Это была рослая веселая девчонка, с которой можно было смело пускаться в любую сечу. Какое-то время Бес даже носился с мыслью отобрать Агнесс у Зуба, но, получив от матери изрядный нагоняй, на время смирился со своей участью. Бес остановил коня у края дороги и огляделся. Эти кусты вполне годились для засады. Приученный конь легко опустился на землю. Бес удобно устроился на животе, проделав в густом кустарнике щель для наблюдения за дорогой. Ула с Арой расположились рядом и о чем-то перешептывались. Смеяться они перестали. Солнце все выше поднималось на небосклоне, становилось довольно жарко, спину изрядно припекало, но Бес терпеливо лежал на траве, до боли в глазах вглядываясь в пыльную дорогу. Как на грех, за несколько часов ожидания никто так и не появился в поле его зрения.

– Нужно было устроить засаду у крепости храмовиков, – негромко сказал Ара, – наверняка кого-нибудь да схапали.

– А девушка? – прыснула Ула. – Девушек-то в крепости нет.

Бес сжал зубы и даже не обернулся на ехидное похихикивание за спиной. Он терпеливо лежал под жарким летним солнцем, вяло отмахиваясь от наседающего гнуса и тихонько поругивая себя за глупость.

Ула внезапно подняла голову и сделала знак своим спутникам, призывая их к осторожности. Бес напряг слух и уловил отдаленный топот копыт. Он бросил торжествующий взгляд на Улу и придвинул поближе арбалет. Топот становился все громче, и по клубам пыли над дорогой можно было определить, что приближается целая группа всадников. Бес тщательно прицелился. Всадников было шестеро, они плотным кольцом окружали карету, запряженную парой хорошо откормленных коней. Бес плавно потянул крючок арбалета. Ближайший всадник схватился руками за пробитое горло и закачался в седле. Ула и Ара тоже не промахнулись: еще два всадника рухнули на пыльную дорогу. Бес пронзительно свистнул и бросился к своему коню. Уцелевшие всадники лихорадочно рвали мечи из ножен, на их лицах был написан ужас и смятение. Кучер кареты, отчаянно ругаясь, размахивал хлыстом. Бес первым вылетел на дорогу, вычерчивая круги над головой короткими мечами. Конь с ходу ударил грудью ближайшего к нему всадника с гербом владетеля Брандомского на щите. Брандомец не удержался в седле и грохнулся на дорогу, криком призывая на помощь своих товарищей. Однако уцелевшие брандомцы не стали искушать судьбу и, нахлестывая коней, бросились прочь от опасного места. Ара на своем красавце-жеребце без труда достал одного из них и коротким взмахом меча раскроил ему череп. Второй, более проворный, свернул с дороги и ринулся через придорожные кусты к лесу. Ара и Ула поскакали за ним следом.

Бес легко настиг карету и прямо из седла прыгнул на спину ближайшей лошади. Кучер сгоряча махнул хлыстом. Бес перехватил длинный хлыст и рванул на себя, кучер полетел под колеса бешено несущегося экипажа. Раздался короткий вскрик, карета подпрыгнула, накренилась и едва не опрокинулась. Бес с трудом остановил хрипящих взбесившихся коней.

Успокоив буйную гнедую пару, Бес с облегчением перевел дух и спрыгнул на землю. Дверца кареты не поддавалась его усилиям, и рассерженный меченый с руганью рванул ее на себя. Видимо, в этот раз усилие было чрезмерным, дверца поддалась неожиданно легко, и он с трудом устоял на ногах. К удивлению Беса карета оказалась пустой. Зато на противоположной стороне дороги зашуршали кусты. Бес, не раздумывая, метнулся на шум и без труда настиг беглянку. Он схватил ее за длинные развивающиеся волосы и рывком повалил на землю. Беглянка закричала от ужаса и неожиданно показала паскудный характер. Бес мгновенно отдернул руку, но следы острых зубов все-таки остались на коже. Он помахал рукой в воздухе, морщась от боли.

– Дура, – выругался он. – Кусается еще.

Девчонка была едва ли на год старше Беса, рослая и крепкая, с большими серыми глазами на бледном, почти нетронутом загаром лице. Таких белокожих и румяных Бесу видеть еще не доводилось. Кричала она без перерыва, и он уже пожалел, что вообще с ней связался.

– Хватит орать, никто тебя убивать не собирается. Девчонка поправила разодранную юбку и отодвинулась от Беса подальше. Ноги у нее тоже были на редкость белые, так что даже резали глаз. Конечно, можно было бы и не смотреть, но почему-то хотелось. Он присел на корточки в двух шагах от нее и на всякий случай убрал руки подальше – кусалась пленница как ожская волчица.

– Чего уставился? – вызывающе спросила девчонка, хотя в больших глазах ее был испуг.

– Ты красивая, и ты мне нравишься, – сказал Бес.

– Дурак, – обругала его невесть за что девчонка и по чему-то покраснела.

Бес скорее удивился, чем обиделся, по его мнению ничего глупого он не сказал.

– Тебя как зовут? – спросил он после недолгого молчания.

– Не твое дело.

Это было сказано не слишком вежливо, но Бес решил не обращать внимания на подобные мелочи.

– Хочешь жить со мной? – спросил он прямо. Девчонка растерянно огляделась по сторонам и вдруг рванулась к кустам, путаясь в подоле длинной юбки. Бес догнал ее одним прыжком и ухватил за руку, пытаясь на ходу объяснить капризной дуре всю неразумность ее поведения. Последствия оказались самыми неожиданными: девчонка завопила дурным голосом и вцепилась ему в лицо острыми ногтями. Бес врезал ей оглушительную пощечину и отскочил в сторону, ища глазами плеть. Эту выдру следовало проучить и проучить немедленно, иначе с ней потом хлопот не оберешься.

– Бес, так нельзя, – окликнула его подъехавшая Ула.

– Подумаешь, недотрога, – возмутился Бес, поглаживая расцарапанную щеку.

– Она тебя боится, – авторитетно заявил Ара, с интересом разглядывая пойманную товарищем чудо-птицу. – Ее придется долго уговаривать.

– Брось, – не поверил Бес – Ты же с Улой договорился.

К удивлению Беса, Ара с Улой покраснели как по команде, а Ула вдобавок назвала его дураком. И вообще они вели себя с ним как с неразумным младенцем. Допустим, они старше его на два года, но ведь Бесу уже почти шестнадцать лет и в бою он не уступит ни Аре, ни Волку, не говоря уже о прочих меченых. Пожалуй, в одном они только правы: с этой девчонкой придется повозиться. Но, с другой стороны, размазня ему тоже ни к чему.

– Я возьму ее с собой, – сказал он твердо.

– Молчуны будут против.

Бес упрямо сдвинул брови – свою судьбу он будет решать сам. И никто не вправе помешать ему попользоваться захваченной в бою добычей. Он свистом подозвал коня и легко прыгнул в седло. Девчонка поднялась на ноги и теперь настороженно наблюдала за похитителем.

– Я никуда с тобой не поеду, – сказала она.

– Тебя никто не собирается спрашивать, – Бес был рассержен не на шутку и не собирался больше церемониться с пленницей. – Свяжу и брошу на круп, будешь всю дорогу туком болтаться.

Он протянул ей руку, после недолгого раздумья привередливая выдра все-таки подала свою. Бес усадил ее перед собой и тронул коня за повод.

– Мой отец, владетель Брандомский, повесит тебя за мое похищение и за убийство наших людей.

– Я сам повешу твоего отца и отберу назад свой замок.

– Да ты кто такой? – она, похоже, была удивлена его ответом.

– Я Бес, владетель Ожский ярл Хаарский, – и добавил после некоторого раздумья: – Есть еще и Нидрасский замок, но он далеко.

– Нидрас – это владение короля Гарольда.

– Не знаю я никакого короля, – буркнул Бес, – а замок этот мой, и рано или поздно я его верну.

– И повесишь короля Гарольда рядом с моим отцом? – ехидно спросила пленница.

Девчонка вдобавок ко всему оказалась еще и язвой. Лица ее Бес не видел, но представлял его выражение достаточно отчетливо.

– Можешь пока повеселиться, – обиделся он.

– Никогда не слышала о владетеле Ожском.

– Еще услышишь, – обнадежил Бес.

– Я думаю, что ты просто лесной бродяга.

Рассерженный Бес огрел коня плетью. Ни в чем не повинный, тот взвился на дыбы, едва не сбросив седоков на землю. Девчонка отчаянно завизжала.

– То-то, – сказал повеселевший Бес, – это тебе не языком молотить. Не бойся, еще ни один конь не выбрасывал меня из седла.

Некоторое время они ехали молча.

– Тебя как зовут? – спросил он без всякой надежды услышать ответ.

– Сигрид.

– Красивое имя, и сама ты красивая, – предпринял он попытку к примирению.

– Зато у тебя имя дурацкое и рожа самая противная из всех, которые мне доводилось видеть.

Беса такой ответ поразил. До сих пор его мало заботила собственная внешность. Неужели эта девчонка права? Конечно, можно было бы спросить у Ары и Улы, но они наверняка поднимут его на смех – меченый интересуется своей внешностью, словно девчонка!

Сигрид посмотрела на притихшего похитителя – неужели этот странный мальчишка обиделся? Похоже, он поверил в искренность ее слов, вероятно, просто никогда не видел своего отражения в зеркале. Что, впрочем, не удивительно. Сигрид доводилось слышать о разбойниках Ожского бора, и все рассказчики сходились в одном – это дикари. Купцы, приезжавшие в Бург, где она жила все эти годы, без конца жаловались королю Гарольду на проклятых меченых, но она никогда бы не подумала, что эти ужасные разбойники всего лишь глупые мальчишки вроде ее похитителя. Не исключено, конечно, что за спинами мальчишек стоят серьезные люди, способные держать в страхе всю округу. Как неудачно сложилось ее возвращение в родные края, а сколько было связано с этим надежд. Неужели все должно рухнуть из-за глупой случайности. Отец поднимет на ноги всех своих людей, но Ожский бор велик, и отыскать ее будет так же сложно, как иголку в стоге сена.

Сигрид покосилась в сторону Улы, которая ехала позади Беса, не выпуская из рук арбалета. В отличие от своих черноволосых спутников, девушка была блондинкой, а правильные черты ее красивого лица напомнили Сигрид лицо другого человека, но это, конечно, могло быть только случайное сходство. Девушка и сама не заметила, как задремала под мерный укачивающий ход вороного. Она уронила голову на грудь Беса и спокойно посапывала. Меченому было не совсем удобно управлять конем, но он старался не шевелиться, дабы не потревожить утомившуюся пленницу.

Глава 2

КРЕПОСТЬ В ЛЕСУ

Бес тронул девушку за плечо. Сигрид открыла глаза и с удивлением огляделась вокруг. Ожский бор сумрачно шелестел листвой над ее головой. Нельзя сказать, чтобы этот шум был пугающим, но он настораживал своей готовностью рассказать о чем-то неведомом и, возможно, ей совсем неинтересном. Зачем Сигрид этот лес с его грустными сказками, когда впереди у нее жизнь в веселом Бурге, среди людских голосов, восторженных и льстивых. Несколько холодных капель упали на разгоряченное сном лицо девушки, и она невольно съежилась под плащом, который заботливый Бес набросил ей на плечи. Когда он успел это сделать, она не заметила, сморенная усталостью и пережитым страхом.

– Теперь уже скоро, – бодро пообещал Бес.

Они петляли по лесу, объезжая невидимые глазу препятствия. Поначалу такая манера передвижения удивляла Сигрид, но потом она сообразила, что это делается неслучайно. Наверняка убежище лесных разбойников окружено системой ловушек, а значит, не только попасть туда, но и добраться оттуда будет непросто. Сигрид попыталась запомнить многочисленные повороты и объезды, но вскоре оставила это явно безнадежное занятие.

Лес неожиданно расступился, и взору девушки открылась большая поляна, в центре которой возвышалась деревянная крепость, окруженная рвом. Почерневшие от времени, обросшие мхом бревна навели ее на мысль, что это сооружение было построено не вчера и даже не десять лет назад, и уж конечно не Бес и Ара были строителями этой крепости. Крепость была невелика, да и население ее, судя по первому впечатлению, было немногочисленным. Два десятка молодых людей высыпали им навстречу, криками приветствуя прибывших. Сигрид с удивлением рассматривала юные лица и не находила в них ничего устрашающего.

– А где меченые? – спросила она у Беса почти разочарованно.

– Я меченый, – удивился Бес.

– А где твой отец?

– Мой отец Тор Нидрасский погиб в Суране. Это было давно, более десяти лет тому назад.

О Торе Нидрасском Сигрид приходилось слышать. В Бурге поговаривали, что именно этот загадочный человек был отцом Гарольда. Конечно, это были только сплетни, и относиться к ним следовало с осторожностью. И уж тем более не рекомендовалось говорить об этом вслух при молодом короле, который, унаследовав внешность красавца Нидрасского, приобрел неведомо какими путями и некоторые весьма неприятные черты короля Рагнвальда. Вероятно, через свою матушку, которая нахваталась их у законного мужа, добавляли злые языки. Королева Ингрид и в молодости не отличалась ангельским нравом, а уж войдя в возраст, и вовсе пустилась во все тяжкие. Сигрид, совершенно неожиданно для себя, нашла в Ожском бору подтверждение этим буржским слухам. Замеченное ею ранее сходство Гарольда с Бесом и особенно с Улой скорее всего не было случайным. Однако она тут же решила, что не следует делиться своими открытиями с Гарольдом. Молодой король болезненно реагировал на подобные намеки, бросающие тень на его происхождение.

Бес был недоволен тем повышенным вниманием, которым его товарищи встретили появление Сигрид в крепости. Ему казалось, что в душе они посмеиваются над ним, впрочем, кажется, не только в душе. У Воробья, на пример, рот растянулся буквально до ушей, словно Бес привез в крепость болотную кикимору, вызывающую у окружающих приступы неудержимого смеха. Рыжая Агнесс, бесцеремонно разглядывавшая Сигрид на протяжении долгого времени, вынесла наконец свой приговор:

– Посмотрите на ее руки, разве такими руками можно натянуть тетиву арбалета. Да и плечи слабые. Бес, разве ж это мышцы. А на ногах – она же в седле не усидит.

От столь бесцеремонного обращения Сигрид поначалу растерялась, а потом вспыхнула от гнева. Ни слова не говоря, она отвесила оплеуху нахальной рыжей девке.

– Не такая уж она беззащитная, – рассмеялся рослый белобрысый парень, помогая Агнесс удержать равновесие.

Агнесс немедленно бросилась на свою обидчицу. Стараниями Беса и Волка девчонок удалось растащить, хотя они изрядно потрепали друг друга за волосы.

– Царапается как кошка. – Рыжая Агнесс на удивление быстро успокоилась и смотрела на Сигрид без всякой вражды. – Кто знает, может, из нее со временем выйдет толк.

– Долго учить придется, – заметил Воробей. Сигрид зло поглядывала на бесцеремонных молодцов.

Хорошим манерам их учить было некому. А эти девицы, грубые и неотесанные, отпускающие такие словечки, от которых Сигрид бросало в краску, – нет, это уж слишком. Почему она должна терпеть присутствие этого сброда и сносить оскорбления, которыми ее осыпают?

– Скажи своим людям – пусть убираются, – топнула она ногой и схватила Беса за руку.

– Ого, – засмеялся Волк, – кобылка-то, оказывается, с норовом.

– На то у нас Бес и первый наездник в крепости, – съехидничал Чуб.

– Ну хватит, – оборвал их взъерошенный Бес, – распустили языки.

Он подхватил Сигрид под руку и потащил сквозь ухмылявшуюся толпу товарищей к своему дому, приземистому срубу на дальнем конце поселка. Возмущенная девушка неохотно последовала за ним. Ей казалось, что Бес недостаточно энергично защищал ее перед своими людьми.

– Какой ты владетель?! – зашипела она. – Мальчишка, который не может справиться с лесным сбродом.

Бес сначала возмутился, а потом удивился – у этой девчонки были странные взгляды на жизнь и на людей. В конце концов, каждый волен выражать собственное мнение, и почему это Бес должен затыкать друзьям рты? Подумаешь, цаца! Ничего обидного про нее никто не сказал. А то, что она изнеженная и капризная, это он и сам видит.

– Они вовсе не мои люди, – пояснил он расстроенной пленнице, – они такие же меченые, как и я. Разве ты ничего не слышала о Башне?

– Не очень-то ты похож на меченого, – пренебрежительно махнула рукой Сигрид.

Бес побледнел от гнева и сверкнул на девушку темными выразительными глазами из-под пушистых ресниц:

– Я меченый!

Сигрид немного струхнула: мальчишка, оказывается, умел сердиться, пожалуй, ей не следует так откровенно нарываться на ссору.

– Тебе виднее, – сказала она примирительно.

Не задавая больше вопросов, Сигрид последовала за рассерженным Бесом в дом. В просторной горнице за широким столом уже сидели Ара с Улой и две женщины. Обе почти одновременно подняли головы и внимательно посмотрели на смущенную Сигрид. Бес ступешевался и отступил назад.

– Бес как всегда верен себе, – высокий парень с голубыми острыми глазами отделился от стены и приблизился к девушке, – уж если ухватит, то непременно звезду с неба.

Одна из женщин улыбнулась, другая все так же серьезно продолжала изучать Сигрид большими темными, как у Беса, глазами. Девушка догадалась, что это его мать. В отличие от своей подруги, темноглазая женщина была в мужском костюме, и на столе перед ней лежал узкий меч.

– Как тебя зовут, детка? – нахальный парень тронул Сигрид рукой за подбородок.

Сигрид в гневе отбросила его руку и отступила на шаг под прикрытие Беса.

– Ульф, прекрати, – приказала темноглазая.

К удивлению девушки, Ульф подчинился и, криво улыбаясь, отступил в угол. Впрочем, глаза его продолжали все так же бесцеремонно ощупывать Сигрид. Ула, повинаясь взгляду матери, взяла пленницу за руку и увела в соседнюю комнату.

– Устраивайся здесь, – сказала она спокойно, – а потом видно будет.

Сигрид осторожно присела на край широкого ложа. Две деревянные лавки вдоль стен да большой, грубо сработанный сундук – вот, пожалуй, и все убранство этой на редкость бедно обставленной комнаты, если не считать развешанного по стенам оружия.

– Располагайся как дома.

Ула раздевалась, не смущаясь присутствия Сигрид и Ары, который словно часовой застыл у двери. Тело лесной красавицы было молочно-белым с высокой грудью и крепкими округлыми бедрами. Светлые густые волосы рассыпались по плечам, и она небрежно прошла по ним неуклюжим гребнем.

– А что, в Бурге принято спать одетыми? – Ула бросила на Сигрид насмешливый взгляд.

– Пусть он уйдет, – кивнула Сигрид на меченого. Ула нахмурилась и обернулась. Ара мгновенно исчез, словно его никогда и не было. Девушка улыбнулась и покачала головой.

– Ты здесь никого не бойся, – сказала она Сигрид. – Никто тебя не обидит.

Сигрид сбросила платье и нырнула под тяжелый, но удивительно мягкий и пушистый мех, заменявший здесь одеяло.

– А Бес тебе понравился? – В глазах Улы вспыхнули веселые огоньки.

Сигрид ничего не ответила, только слабо улыбнулась в ответ. Честно говоря, она и сама не знала, как ей относиться к своему похитителю, но, во всяком случае, любить его было не за что.

– Он еще мальчишка, но будет таким же великим воином, каким был наш отец.

– Зачем столько оружия? – спросила Сигрид, обводя глазами комнату, – ты же девушка?

– Я такой же воин, как и все, – нахмурилась Ула и указала на отметину на левом плече.

– Почему они все так странно смотрели на меня? Ула засмеялась, и лицо ее стало удивительно похожим на лицо смеющегося Гарольда. Сигрид даже вздохнула.

– Когда нас разбили на пары, то Бес остался один, и с тех пор он мечтает найти девушку, которая согласилась бы защищать его спину в бою.

– Значит, я нужна ему только для этого?

– А ты претендуешь на большее?

Сигрид рассмеялась. По правде сказать, ей было не только смешно, но и немного обидно: неужели этот мальчишка воображает, что дочь Бьерна Брандомского будет прыгать за ним по лесу с тяжелым арбалетом в руках? Он не просто мальчик – он глупый мальчик.

– Ты знакома с королем Гарольдом? – спросила вдруг Ула. – Я слышала, как ты говорила о нем Бесу.

– Гарольд мой жених, – сказала Сигрид, краснея – Наша свадьба состоится через десять дней в Ожском замке, если, конечно, никто не помешает.

Ула покачала головой:

– Бедный Бес, он будет страшно огорчен.

Сама она, похоже, не слишком огорчилась по этому поводу, видимо просто не считала Сигрид достойной парой брату. Сигрид почему-то была абсолютно уверена, что лесное приключение закончится для нее хорошо, во всяком случае, похитители перестали внушать ей серьезные опасения. И все-таки странно, почему эти молодые и на вид симпатичные люди живут в лесу, а главное – неужели они и есть те страшные меченые, о которых в последнее время так много говорят в Бурге? Гарольд обещал уничтожить грабителей караванов,

но Сигрид было бы очень жаль, если бы он сдержал слово. Во всяком случае, темноглазый мальчик явно не заслуживал такой страшной участи.

Бес упрямо смотрел в пол, брови его сошлись у переносицы, и вся его фигура выражала решительный протест. Конечно, и Данна, и Кристин, и молчун Кон могут требовать от него соблюдения дисциплины, но в данном случае все права на его стороне. Он меченый, а не мальчишка, и вправе сам распорядиться взятой в бою добычей.

- Девушку придется вернуть, она не может жить с нами в лесу.
- Почему? – Бес оторвал глаза от пола и взглянул на мать.
- Она невеста короля Гарольда.
- Какое мне дело до короля – если он мужчина, то пусть придет и возьмет ее у меня.
- С ним бесполезно спорить, – сказала Кристин и по чему-то засмеялась.
- Пойми, Бес, – вступил в разговор Кон, – эта девушка не создана для боя.
- Другие же могут.
- Другие делают это добровольно. Это их жизнь, они к ней привыкли.
- Хорошо, пусть она просто живет у нас.
- Зачем? – спросила Кристин, все еще продолжавшая улыбаться.

Бес смутился и только засопел в ответ. Конечно, он мог бы сказать, что девчонка ему нравится, но ведь засмеют еще, чего доброго. Да и почему он должен давать объяснения, словно нашкодивший маленький мальчик?

– Бесу нужна женщина, и он прав, требуя свое, – вступил в разговор Ульф. – Разве не так же поступали ваши хваленые меченые? За эти годы я наслушался немало рассказов об их подвигах.

– Ради этой девушки поднимут все окрестные замки и натравят на нас. Брандомский наш враг, но король Гарольд может быть нашим другом, а уж Бесу тем более не следует отбирать у него невесту.

– Это еще почему? – вызывающе спросил Ульф, голубые глаза которого смотрели на женщин с издевкой, а пухлые губы уродовала кривая улыбка.

– Ульф, уйди, – приказала Кристин, и лицо ее потемнело.

Ульф резко развернулся на каблуках и выскочил вон, гремя тяжелым мечом по ступеням крыльца.

– Ты это сделаешь, Бес, – сказала твердо Данна, глядя и глаза сыну. – А потом мы найдем тебе другую девушку.

- Мне нравится эта.
- Важно, чтобы ты ей понравился.
- С какой стати я должен считаться с желаниями пленницы.
- Упрямый мальчишка, – вздохнула Кристин.

– Я не мальчишка, – возмутился Бес – Я меченый. По лицу Кристин было видно, что она не приняла заявление Беса всерьез. Она и своего сына Ару все еще держит за младенца, что уж тут говорить о Бесе, который на целых два года моложе. Правильно говорит Чуб – если мы и дальше будем слушать своих мамочек, то будет у нас не Башня, женский монастырь.

– Пора нам выбираться из Ожского бора, – сказал Кон.

– Куда ты их поведешь? – Кристин недружелюбно покосилась на молчуна. – Почти тринадцать лет мы бегаем по лесу как зайцы, и стоит нам только высунуть нос из Ожского бора, как вся эта свора псов набросится на нас.

– Они уже способны дать отпор, – не согласился молчун. – Все равно вы не удержите их возле своих юбок.

– Об этом мы поговорим позже, – решила Данна, – а пока Бес сделает то, что я сказала.

Бес открыл рот, чтобы возразить, но, натолкнувшись на строгий взгляд матери, только рукой махнул.

– Вот уже и ему требуется женщина, – вздохнула Кристин, провожая Беса грустными глазами.

– Рано или поздно, это должно было случиться. – Данна решительно поднялась с лавки. – Тянуть больше нельзя. Король Гарольд вовремя приезжает в Приграничье. Для нас вовремя.

– Захочет ли он помочь? – покачала головой Кристин. – Его мать даже не откликнулась на мои письма.

– Королева Ингрид слишком нетвердо сидела на троне, чтобы решиться на помощь меченым. Гарольд – другое дело.

– Дай Бог, чтобы наши надежды не рассыпались прахом.

Расстроенный Бес бродил по крепости в глубокой задумчивости. Захочет ли эта девчонка остаться с ним добровольно? Если она согласится, то никто не вправе будет настаивать, чтобы он вернул ее отцу или какому-то там Гарольду. Кон сказал, что лесная жизнь не для Сигрид. Бес не знал иной жизни, но мать и Кристин не все время жили в лесу, и обе они согласились с Коном. Значит та жизнь действительно лучше? Бес не раз бывал в окрестных деревнях и ничего привлекательного в жизни смердов не находил – копаются в навозе с утра до ночи. Однако в замках он не был ни разу, а там, наверное, живут по-другому. Ему вдруг страшно захотелось посмотреть, где расцветают такие, как Сигрид, с нежной кожей на руках и бледными, нетронутыми ветром и, солнцем лицами. А были еще, если верить молчунам, большие города, в которых обитало не сметное количество людей. Чем занимались люди, согнанные на небольшой пятючок земли, Бесу трудно было представить. Но грязи они там развели наверняка немерено. Так неужели эти грязные города лучше, чем Ожский бор? Все-таки следует поговорить с Сигрид, пусть решает она. Бес нашел девушку на плацу. Сигрид с изумлением наблюдала, как три десятка юношей и девушек с упоением работали короткими узкими мечами. В другой раз Бес не медленно бы присоединился к этому хороводу, но сегодня у него были более серьезные заботы. Он осторожно тронул девушку за плечо, Сигрид обернулась и дружески ему улыбнулась.

– Нравится? – кивнул он в сторону плаца.

– Ничего подобного никогда не видала, – охотно призналась Сигрид.

– Я хочу, чтобы ты осталась.

– Зачем?

Бес смешался, все приготовленные к этому случаю слова вылетели у него из головы, и он только с досады хлопнул себя по колену. Сигрид, насмешливо улыбаясь, посматривала искоса на смешного угрюмого мальчишку, заимевшего претензию встать в один ряд с блестящим Гарольдом Нордлэндским. Она вдруг засмеялась. Бес вздрогнул.

– Я отвезу тебя домой.

Он повернулся и решительно зашагал прочь, проклиная себя в душе за дурацкую слабость. Вот до чего дошел он, меченый, – унижаться перед девчонкой! Бес скрипнул зубами и сжал кулаки. Зачем ему вообще сдалась эта кривляка, которая к тому же была дочерью злейшего врага меченых? А Ожский замок он себе вернет, и тогда посмотрим, кто будет смеяться последним.

Бес уверенно ехал по тропе, почти не оглядываясь на спутницу, которая скромно держалась позади. За несколько часов пути меченый не проронил ни слова, и все попытки девушки завязать разговор натывались на его глухое молчание.

– Я устала, – сказала Сигрид, глядя в спину Бесу злыми глазами.

– Потерпишь, – бросил он ей, не оборачиваясь. «Устала она – двадцати верст не проехали! Конечно, путешествовать в седле не в пример труднее, чем в карете. А карету в крепости для этой королевы не припасли. Не доглядели. Таких неженков у нас до сих пор не водилось. Ничего, девка здоровая – потерпит».

Сигрид решительно натянула поводья коня и спрыгнула на землю.

– Я устала, – повторила она громче.

Бес остановился и бросил на нее презрительный взгляд. Конечно, молчун был прав, эта неженка не создана для лесной жизни. А он-то, Бес, вообразил, что она защитит в бою его спину. Он вспомнил свои мечты по этому поводу и покраснел от досады.

Сигрид не была расположена двигаться дальше, несмотря на недовольство, высказанное меченым. Упрямо надув губы, она решительно направилась к ближайшему дереву и уселась под ним прямо на зеленый мох. Бес огляделся: место для привала было выбрано неудачно – густой под лесок позволял даже неуклюжему деревенщине подкрасться с самой неожиданной стороны.

– Проедем еще с полверсты, и будет поляна, а за ней река.

– Нет, – Сигрид решительно замотала головой.

Бес зло сплюнул. До чего же упрямая девчонка, и угораздило же его с ней связаться. Меченый сорвал с седла сумку и бросил ей под ноги.

– Может, ты пожелаешь, чтобы я приготовила тебе обед, мой господин? – ехидно спросила она.

– По-твоему, я должен этим заниматься?

Сигрид только презрительно фыркнула. Совсем обнаглел несносный мальчишка: дочь владетеля Брандомского должна быть у него кухаркой!

– Сиди тогда голодная, – усмехнулся Бес.

– И буду сидеть, – гордо отозвалась она.

– Я бы на твоём месте все-таки поднялся, – насмешливо поглядывая на девушку, протянул Бес. Он не спеша расстегнул сумку и достал ломоть хлеба с куском холодного мяса. Жевал парень медленно, изредка бросая в сторону Сигрид хитрые взгляды, которые выводили ее из себя. Она даже отвернулась, чтобы не видеть его торжествующего лица. Бывают же такие невежи, прости Господи. Хотя, чего еще можно ждать от лесного дикаря.

– В лесу и садиться надо с умом, – сказал Бес, – это тебе не город.

– Много ты знаешь о городе, – скривилась Сигрид.

– Про город не скажу, – согласился Бес, – а вот садиться в лесу на муравейник не рекомендуется даже будущей королеве.

Сигрид вскрикнула и мгновенно вскочила на ноги. Большие рыжие муравьи ползали по ее позеленевшему платью. Она захлопала руками по бедрам и смешно закружилась на месте. Бес упал лицом в траву и захохотал, давясь непроглоченным куском – зрелище, что ни говори, было уморительным.

– Ой, – вскрикнула Сигрид и вдруг заревела в голос. Бес перестал смеяться:

– Снимай платье, я тебе помогу.

– Дурак, – сказала она сквозь слезы. – Боже мой, какой дурак.

– Ну как знаешь, – обиделся Бес.

Девушка нырнула за куст и стала торопливо расстегивать платье. Рыжие муравьи, надо признать, были злыми ребятами, особенно если их раззадорить как следует.

– Тебе помочь? – не удержался он от насмешки.

В ответ Сигрид только всхлипнула. Бес поднялся и решительно отправился за куст.

– Хватит тебе дуться, – сказал он примирительно, – Я помогу.

Однако справиться с завязками и крючками оказалось совсем не простым делом. Бес долго сопел и тихонько ругался. Платье наконец свалилось с плеч девушки, и Бесу вдруг пришло в голову, что его шутка с муравьями не такая уж удачная, как ему показалось вначале.

– Что ты там копаешься? – прикрикнула Сигрид. Бес вздохнул и принялся снимать муравьев с ее обнаженной спины, ну и ниже, конечно.

– Платье посмотри, – приказала она.

– Не командуй, – проворчал Бес, старательно отворачиваясь от ее обнаженного тела, которое прямо-таки лезло ему в глаза. Кто бы мог подумать, что оно так на него подействует. Сигрид уже перестала плакать и только мелко подрагивала от свежего вечернего ветерка, сидя на корточках и обхватив голые плечи руками.

– Все, – сказал меченый, бросая ей платье. – Будешь теперь знать, куда садиться.

– Застегивай.

Бес справился и с этой задачей, хотя пальцы его противно дрожали, и вообще чувствовал он себя не слишком уверенно.

– Теперь уже недалеко, – сказал Бес, не глядя на Сигрид, – до темноты успеем.

– Я не боюсь темноты, – сказала она, – и я хочу есть.

Бес вздохнул и протянул ей сумку. Сигрид жадно набросилась на хлеб и мясо. Вот глупая девчонка, могла бы поесть сразу, а не устраивать представление с переодеваниями. Бес никак не мог забыть ее молочно-белого тела и поэтому чувствовал себя не совсем уютно.

– Я хотел бы увидеть твой Бург, – сказал Бес после долгого молчания.

– А кто тебе мешает? – удивилась она.

– Разве не твой отец отобрал у меня замок? – В голосе Беса прозвучала ненависть, а глаза вспыхнули гневом. Сигрид смотрела на него с удивлением и с испугом. Этот меченый, когда сердился, производил довольно странное впечатление: нежное мальчишеское лицо становилось жестким и почти страшным, а добродушная улыбка превращалась в волчий оскал.

– Я верну себе Ожский замок, так и передай своему отцу, пусть лучше убирается из него добром.

Его слова не показались Сигрид пустой мальчишеской похвальбой, и она зябко передернула плечами. Если этот мальчик будет упорствовать в своих требованиях, то его просто убьют, потому что на стороне ее отца король Гарольд и все владельцы Нордлэнда и Приграничья, а у Беса нет ни сил, ни средств, чтобы им противостоять. И чем ему помочь, она просто не знала.

– Почему бы тебе не обратиться к королю?

– Плевать я хотел на твоего Гарольда, ты еще не знаешь, что такое меченый.

– Быть может, Гарольд захочет помочь сыну Тора Нидрасского.

– Хватит об этом, – зло оборвал ее Бес – Пора двигаться.

Бес оказался прав: Ожский замок появился на горизонте еще до наступления темноты. Сигрид облегченно вздохнула. Кажется, ее невероятное приключение закончилось куда благополучнее, чем можно было ожидать по его бурному началу. Кем бы ни были эти выросшие в лесу мальчишки, но в благородстве им отказать нельзя.

У старого трухлявого дуба они остановились.

– Дальше я не поеду, – сказал Бес – А коня потом заберу.

– Когда потом? – не поняла Сигрид.

– Я навещу тебя в моем замке, – хитро подмигнул встревоженной девушке Бес – Прощай.

Он поднял коня на дыбы и пронзительно засвистел. В ответ на этот разбойничий вызов в замке протрубили тревогу. Бес сорвал с головы черный берет и помахал им высыпавшим

на стены дружинникам, потом огрел вороного коня плетью и поскакал по дороге, поднимая за собой тучи пыли.

Глава 3 ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

Бьерн Брандомский был вне себя от гнева. Рыхлое лицо его готово было лопнуть от прихлынувшей крови. Владелец метался по парадному залу Ожского замка, расшвыривая тяжелую мебель со своего пути. Жалобно позвякивала по суда в шкафах, возмущенно бряцало в такт шагам владельца развешанное по стенам оружие, и только привыкший к подобным сценам Рекин Лаудсвильский спокойно сидел у стола, лишь изредка бросая равнодушные взгляды на разбушевавшегося владельца.

– Вернули же они девчонку, в конце концов. Стоит ли кровь себе портить?

Брандомский бросил на Рекина уничтожающий взгляд:

– А что скажет король Гарольд? Слава у меченых известно какая.

– Какие они меченые, – поморщился Лаудсвильский, – мальчишки сопливые.

– Для этого дела много ума не надо.

– Если король Гарольд сочтет себя оскорбленным, то пусть сам разбирается с мечеными, – Рекин скосил глаза на разъяренного Бьерна.

Брандомский остановился и удивленно посмотрел на старого друга:

– Я предпочел бы скрыть происшествие с Сигрид от короля.

– Напрасно, – бросил Рекин. – Во-первых, скрыть не удастся, обязательно найдется доброхот, который шепнет об этом Гарольду, а во-вторых, здесь задета честь короля, вот пусть он сам за себя и хлопочет.

Брандомский в задумчивости подошел к столу и сделал большой глоток из кубка. Рекин поморщился – хитроумный Бьерн в последнее время слишком уж пристрастился к вину, оттого и соображать стал хуже.

– Наши друзья из Храма недовольны. Мы до сих пор не выполнили взятых на себя обязательств. Меченые уже второй год грабят торговые караваны на территории Приграничья.

Бьерн нахмурился – дружба Рекина с храмовиками претила ему. Все-таки владелец должен блюсти свое достоинство и не якшаться со всяким сбродом, а уж коли служить кому-то, так только законному государю.

– Почему бы твоему приятелю Кюрджи самому не подсуетиться.

– Он такой же мой приятель, как и твой. Храм исправно выполняет свои обязательства, а мы нет. Брось, дорогой Бьерн, торговля выгодна всем, в том числе и Нордлэнду, поэтому Гарольд должен нам помочь.

– Гарольд недоволен Храмом, – поморщился Бьерн. – Боюсь, что нам предстоит по этому поводу неприятный разговор.

Лаудсвильский только плечами пожал:

– Храмовики прикрывают наши границы от стаи. За последние годы серьезных прорывов не было. Я уже не говорю о кочевниках, этих Храм взял в оборот.

– За стаю нужно благодарить Бога и Тора Нидрасского, который изрядно пощипал вожров в Южных лесах, а Храм тут ни при чем.

– Тогда скажи об этом Кюрджи. Я думаю, еще не поздно разорвать наш договор.

– Я не против торговли, – раздраженно махнул рукой Брандомский, – но Храм стал бесцеремонно вмешиваться в наши дела. Церковники переполошились, они утверждают, что ересь разъедает нашу страну. Недавно епископ Буржский прямо потребовал у Гарольда удаления храмовиков из Нордлэнда и Приграничья.

– Страну разъедает не ересь, а глупость, – отрезал Рекин. – Пора уже понять всем, в том числе и епископу Буржскому, что мир изменился и его уже не втиснешь в рамки прежних догм и представлений, в том числе и религиозных. Гарольд должен понять, что его союзниками в нынешних условиях становятся не церковники и тем более не владельцы, а простые горожане, купцы и ремесленники, все те, кто способны шевелить мозгами. Не Храм нас должен заботить, дорогой Бьерн, а меченые. Кто знает, не захочет ли молодой король облагодетельствовать своих дорогих лесных родственников. Ты знаешь, о чем я говорю.

Брандомский задумался надолго. Рекин, конечно, прав: с мечеными пора кончать. Охота слишком затянулась. Еще десять лет назад Бьерн обещал Кюрджи голову Ожской ведьмы, а теперь уже и волчата подросли и все чаще выходят на дорогу. Кто знает, каких бед они могут натворить в Приграничье. Рекин прав и в другом: если Гарольд узнает историю своего рождения, то ему вполне может прийти в голову идея вернуть Ожский замок брату. Конечно, молодой король самолюбив, гордится своим отцом, великим Рагнвальдом, но все может быть. Бьерн вспомнил тонконозого сморчка на троне и усмехнулся. Ингрид была права, само вольно выбрав отца наследнику нордлэндской короны. Гарольд похож на Тора и статью и лицом, рано или поздно, ему об этом скажут, если уже не сказали, и молодой король, чего доброго, натворит массу глупостей. Нельзя Гарольду связывать свое имя с мечеными. Как только на лэндовскую сцену выйдет Бес Ожский, так Гарольду сразу напомним, чьим сыном он на самом деле является. Все это чревато новой смутой и новой кровью. Гарольд далеко не дурак, и если возле него в нужный момент окажется мудрый советчик, то все закончится к всеобщему удовлетворению. Бьерн осушил одним глотком кубок и почти весело подмигнул налитым кровью глазом Рекину Лаудсвилскому. Времена наступали для Бьерна самые что ни на есть удачные, и не таким уж он был простаком, чтобы выпустить из рук с большим трудом пойманную птицу удачи.

Сигрид была взволнована известием о скором прибытии короля в Ожский замок. Сегодня решится ее судьба. И вовсе не корона привлекала ее, все дело было в Гарольде, таком красивом, таком мужественном рыцаре из древних легенд, которые она любила слушать в детстве. Кто может встать рядом с ним в Лэнде? И этот человек ее любил и говорил ей о своей любви. Сердце девушки стучало в тот момент часто-часто, почти так же, как стучит оно сейчас при радостном известии о его прибытии. Ах, как он был красноречив в тот вечер, и какой нежностью светились его глаза. Она до сих пор помнит тепло его рук и сладость мужских губ, впившихся в ее уста. Гарольд клялся ей в верности. Их любовь будет длиться долго, очень долго, всю жизнь...

Легкое беспокойство охватило вдруг Сигрид: эта глупая история с похищением может не понравиться Гарольду. Наверняка он сочтет себя оскорбленным и захочет отомстить. Но ведь мстить ему придется брату. Сказать об этом Гарольду? Но неизвестно, как самолюбивый король примет подобные намеки на темное пятно в происхождении. Все это так сложно. Может быть, потом, став королевой, она поможет Бесу вернуть часть его земель, не раздражая Гарольда и отца. А пока лучше всего промолчать. Бес, конечно, забавен, но он еще просто мальчишка. Сигрид вспомнила муравейник, смущение Беса и улыбнулась. Конечно, она ему поможет, но потом, позже.

Сигрид терпеливо поворачивалась, позволяя служанкам одевать и причесывать ее. Смехом и разговорами они отвлекали девушку от серьезных раздумий, но с этим приходилось мириться. Короля ожидали с минуты на минуту, и следовало поторопиться, чтобы не выглядеть в глазах просвещенных нордлэндцев деревенской неряхой. Решалась не только ее судьба, решалась судьба Приграничья, и, конечно, Сигрид Брандомская в такую минуту должна быть на высоте.

Послышался протяжный рев рога, заскрипели тяжелые цепи подъемного моста, и король Гарольд в сопровождении блестящей свиты вступил в гостеприимный замок Ож. Сигрид отстранила перепуганных служанок и поспешила вниз, дабы встретить короля у порога, как того требовал обычай. Король, одетый в белый кафтан и расшитый золотом алый плащ, уже обнимался с владельцем Брандомским. Здесь же расторопный владелец Лаудсвильский раскланивался со свитой короля Гарольда. Такого блестящего собрания Ожский замок в своих древних стенах еще не видел. В глазах буквально рябило от алых владетельских плащей. При виде благородной Сигрид гости восторженно загудели, приветствуя свою будущую королеву. Бьерн Брандомский выпустил короля из своих объятий, и тот поспешил к невесте. Сигрид почувствовала слабость в ногах и собрала в кулак всю волю. Гарольд улыбался ей всегдашней беззаботной улыбкой. Принимая ее руки в свои, он шепнул ей на ухо всего одно слово, но этого было достаточно, чтобы Сигрид ощутила вдруг такой прилив счастья и любви ко всему миру, что даже лошадиное лицо благородного Рекина показалось ей на мгновение красивым.

Владелец Лаудсвильский произносил приветствие королю от имени всех владетелей Приграничного края. Сигрид его не слушала, Гарольд тоже. Владетели из королевской свиты покорно ждали – обычай, ничего не поделаешь, хотя Рекин мог бы и не заливаться так долго соловьем, учитывая жару и долгую дорогу. Лаудсвильский понял общее настроение и сократил приветствие до минимума, за что был награжден королевской улыбкой.

Благородный Бьерн Брандомский недаром слыл самым богатым владельцем Приграничья, а то и всего Лэнда. Подобной роскоши нордлэндским владельцам видеть не доводилось. Пол парадного зала Ожского замка был выложен голубоватыми плитками, доставленными, как говорили, прямиком из далекого и почти сказочного Азрубала. В этот пол можно было смотреться как в зеркало, а от позолоты развешанного по стенам оружия буквально рябило в глазах. Посуда на столах тоже была привозная и мелодично звенела при каждом шаге. Что ни говори, а приграничные владельцы здорово разжились в последнее время на торговле с Храмом. Пожалуй, король Гарольд не прогадал с невестой, этот брак пойдет на пользу всем и снимет многие разногласия, то и дело возникающие между двумя землями.

Хозяин замка усадил Гарольда на почетное место по правую руку от себя, как требовал обычай. Но хитроумный Бьерн и здесь угодил своему гостю: кресло короля, отделанное золотом и драгоценными камнями, напоминало скорее трон, тогда как кресло самого Бьерна выглядело достаточно скромно. Гарольду и его нордлэндской свите такая предупредительность владельца Ожского замка пришлась по душе. Это был намек на будущее единое королевство под рукой Гарольда Нордлэндского. Зато многим не понравилось, что по левую руку от Брандомского утвердился Рекин Лаудсвильский. Такой расклад никак не устраивал присутствующих в зале владетелей Нордлэнда и Приграничья. Гарольд, увлеченный разговором с Сигрид, поднявшегося ропота не заметил. Однако Бьерн и Рекин не одобрительные реплики в свой адрес слышали очень даже хорошо. Недовольство владетелей было понятно: одно дело, присутствие подле короля благородного Бьерна, и совсем другое – возвышение серого интригана Лаудсвильского, о связях которого с храмовиками ходило много скандальных слухов. Но Брандомский отлично понимал, что без помощи ловкого друга ему трудно будет утвердиться на первых ролях при нордлэндском дворе, и поэтому пренебрег мнением блестящего собрания.

– За здоровье нашего короля, – поднял Бьерн наполненный до краев кубок и тем оборвал нарастающий ропот.

– За здоровье нашего гостеприимного хозяина, владельца Брандомского, – вежливо отозвался Гарольд.

– За здоровье прекрасной Сигрид, – подхватил почин Рекин Лаудсвильский.

Сигрид подняла голову и едва не вскрикнула от изумления: ее лесной знакомец Ульф как ни в чем не бывало сидел в кругу нордлэндцев и нагло улыбался прямо ей в лицо. Сигрид запаниковала – что делает Ульф в Ожском и как он вообще сюда попал? Но кроме Сигрид никто не обращал внимания на молодого человека. Видимо, нордлэндцы принимали его за местного владельца, а приграничные владельцы – за нордлэндца. И надо признать, что Ульф ни костюмом, ни манерами не отличался от собравшихся в зале благородных господ. На секунду Сигрид тоже показалось, что она обозналась, уж очень уверенно держался лесной бродяга. Однако Ульф рассеял ее сомнения: недолго думая он поднял кубок и насмешливо отсалютовал им благородной госпоже. Поведение Ульфа не осталось незамеченным Гарольдом.

– Кто этот наглец? – спросил он у Сигрид.

– Я плохо знаю местных владельцев. – Сигрид смутилась, и ее состояние не ускользнуло от внимательного взгляда короля. Гарольд нахмурился и бросил на Ульфа высокомерный взгляд. Ульф ответил на этот взгляд презрительной улыбкой. Гарольд побледнел от гнева.

Сигрид затрепетала.

– Кто этот наглец? – Гарольд обращался уже к Брандомскому.

Бьерн подслеповато прищурился, сисясь угадать, кто это так разгневал короля:

– Кого ты имеешь в виду, государь?

Гарольд едва не выругался в ответ – наглый тип исчез со своего места, словно его там никогда не было.

– Вон в том пустом кресле только что сидел молодой владелец, я хочу знать его имя. Сивенд, ты сидел рядом с ним – как он назвался?

Молодой ярл Норангерский пожал широкими плечами:

– Он назвался Ульфом ярлом Хаарским. Брандомский едва не подпрыгнул на месте – не хватало еще, чтобы в его замке появлялись призраки.

– Какого черта! – возмутился ярл Мьесенекий. – Хаарским замком владеет ярл Грольф Агмундский.

Гости удивленно переговаривались, бросая взгляды на короля. Государь был расстроен больше, чем того требовала ситуация, – подумаешь, какой-то мальчишка-шутник назвался чужим именем.

– Здесь на столе лежит записка! – Норангерский поднял листок двумя пальцами, словно боялся запачкать руки, и помахал им перед собственным носом. – Может, она нам все объяснит.

– Читай, – приказал король.

– Здесь всего несколько слов: «Привет из Ожского бора» и подпись: ярл Ульф Хаарский.

Владелец Бьерн побагровел от гнева, поросшая рыжими волосами рука с хрустом раздавила хрупкий суранский кубок, но Брандомский этого даже не заметил.

– Я же сказал, что это всего лишь шутка, – попытался спасти положение Рекин.

– Хороша шутка, – возмутился Мьесенский. – Меченые бродят по твоему замку как по Ожскому бору, благородный Бьерн.

Гарольд задумчиво покачал головой:

– Я думал, что все эти рассказы о меченых – пустая болтовня. Разве не все они сгинули в Суранских степях?

Рекин поспешил на помощь дорогому другу Бьерну, которого вся эта неприятная история выбила из колеи:

– К сожалению, нет, государь. Уцелело несколько щенков, которые иногда доставляют нам неприятности.

– Скорее всего, это был Ульф, брат Тора, – не унимался молодой ярл Мьесенский, хотя Лаудсвильский и бросал в его сторону предостерегающие взгляды.

– Кажется, и Ожский замок прежде принадлежал этому разбойнику Тору Нидрасскому? – спросил юный владетель Аграамский.

Гарольд покраснел, потом побледнел. Владетели поспешно уткнулись в тарелки, не рискуя поднять глаза на короля. Ярл Норангерский зло пнул под столом просто душного Тейта в ляжку, но Аграамский в ответ лишь захлопал глазами. Вероятно по причине возраста он не был осведомлен о некоторых важных моментах слишком деликатного свойства, чтобы о них говорилось вслух.

– Я вовсе не считаю Тора Нидрасского разбойником, – Лаудсвильский, как всегда, оказался расторопнее всех, – именно ему Нордлэнд обязан своей свободой. Конечно, и мы с владетелем Брандомским приложили к этому руку, и ярл Грольф Агмундский, но истинных героев всегда забывают, увы.

Владетель Рекин покачал головой с видом оскорбленного достоинства. Нордлэндцы глухо заворчали, но ввязываться в открытую полемику с Лаудсвильским никто не рискнул. К тому же Рекин, что с ним редко бывало, на этот раз сказал чистую правду.

– У Тора Нидрасского были дети? – спросил король Гарольд, вызвав тем самым смущение в благородном собрании.

– Ходят разные слухи, – нашелся Лаудсвильский, – но ничего определенного я лично сказать не могу.

– Это правда, что жена Тора Нидрасского была ведьмой? – спросил Расвальгский, глядя на Рекина круглыми глазами.

– Правда, – мрачно подтвердил Брандомский. – Только почему была – она до сих пор живет в Ожском бору.

– И вы не пытались ее изловить?

– Пытались, – усмехнулся Лаудсвильский. – Лет семь назад нам это почти удалось. А потом в селе, где мы ее ловили, передох весь скот, и теперь смерды скорее пойдут на плаху, чем станут нам помогать.

– Странно, благородный Бьерн, – задумчиво проговорил Гарольд. – Меченые, ведьмы – и все это в нескольких шагах от твоего замка.

– Ожский бор велик, – возразил Брандомский, – и найти там человека так же трудно, как иголку в стоге сена. Да и стар я, чтобы бегать по лесу за мальчишками.

– Меченые обнаглели вконец, – заметил владетель Гутормский, – пора бы нам взяться за них всерьез. Если владетель Бьерн немолод, то у нас с вами сил пока в избытке.

– Все это интересно, – сказал Лаудсвильский, – но государь, вероятно, устал с дороги, так давайте оставим проблемы для более подходящего случая и поднимем кубки за здоровье нашего венценосного гостя.

Владетели дружно поддержали благородного Рекина. Гарольд согласно кивнул головой и осушил кубок первым. После этого разговор перестал быть общим. Гарольд расточал комплименты Сигрид, хотя лицо его оставалось озабоченным. Брандомский переглядывался с Лаудсвильским, и оба встревоженно поглядывали на короля. Но более ни чего примечательного в этот вечер не случилось.

Сигрид была взволнована прошедшим днем. Так хорошо все началось: и слова Гарольда о любви, которые он прошептал ей на ухо в первый миг их встречи, и его улыбка, и его глаза. Все говорило о том, что разлука не охладила его чувств. Сигрид была счастлива – счастлива как никогда в жизни. И вдруг появился Ульф. И глаза Гарольда потемнели. Слава Богу, что все, кажется, обошлось. Но почему этот лесной бродяга появился в замке? Зачем он так рисковал? Если он собирался напомнить королю о кровном родстве, то он выбрал

не самый удачный способ. Гарольд горд и очень не любит, когда его ставят в смешное или глупое положение.

Из открытого окна пахнуло прохладой, и это было особенно приятно после утомительного вечера в душном парадном зале среди полупьяных гостей. Сигрид с удовольствием вытянулась поверх покрывала и прикрыла глаза, наслаждаясь покоем. Шум во дворе хоть и привлек ее внимание, но не пробудил любопытства. Наверняка перессорились пьяные гости или их дружинники, какое ей до всего этого дела. Однако легкий шорох у окна заставил ее насторожиться и даже оторвать голову от подушки. В этот раз тревога была более чем обоснованной. Этот негодяй, этот несносный мальчишка из Ожского бора не нашел ни чего лучше, как залезть в ее спальню. Сигрид как ветром сдуло с постели при виде улыбающегося Беса.

– Как ты сюда попал? – шепотом спросила она и выглянула наружу, где по двору метались люди с факелами и что-то громко кричали.

– Хотел посмотреть на короля Гарольда, – пожал плечами Бес – Кто знал, что по этому поводу поднимется такая суматоха.

– От тебя одни неприятности, – Сигрид закусила губу, раздумывая, чтобы предпринять.

Бес с интересом рассматривал убранство спальни. Замок был богатым, что ни говори, и не шел ни в какое сравнение с его скромным жилищем в лесу. Конечно, именно поэтому изнеженная девчонка пожелала вернуться сюда. Вон какое ложе для нее здесь приготовили – пятерым места хватит.

– Забавно, – сказал Бес и уселся на примятую ее телом постель.

Он продолжал улыбаться, словно суматоха за окном не имела к нему никакого отношения. Этакий лесной дурачок, пришедший в гости к своей деревенской подружке.

– Сначала Ульф, потом ты! – сказала в сердцах Сигрид.

– Ульф был в твоей комнате? – Глаза его внезапно сверкнули, а на лицо набежала тень.

– Не все же так бесцеремонны. Ульф назвался ярлом Хаарским и сел за стол вместе со всеми, а потом сбежал.

– Похоже на Ульфа, – кивнул Бес – Но он действительно ярл Хаарский, так решил мой отец – он подарил ему этот замок. Это ты его выдала?

– Вовсе нет, – возмутилась Сигрид. – Хотя следовало бы. Человек входит без приглашения в чужой замок и ведет себя неприлично и нагло.

– Он родился в этом замке, – рассмеялся Бес – И даже, кажется, в этой самой комнате.

– Ты мог бы не так громко смеяться?! – зашипела на него Сигрид. – Служанки за стеной.

– То-то я заметил, что ты даже раздеться сама не можешь. А если служанок рядом не окажется, так и будешь ходить голая?

Сигрид не знала, смеяться ей или плакать. Ночной гость нес совершеннейшую чепуху, но с таким видом, словно все ему на этом свете известно. И уходить он не собирался, да и уходить ему было некуда – суматоха во дворе не прекращалась.

Бес снял берет и, подойдя к зеркалу, пригладил спутавшиеся кудрявые волосы. Краем глаза он наблюдал за расстроенной Сигрид и самодовольно улыбался. Боже мой, какой болван! Если он попадет в руки владетелей, то ему несдобровать. Сигрид заметалась по комнате, не зная, что предпринять: не погонишь же этого вздорного мальчишку на верную смерть. Его пристрелят раньше, чем он откроет рот в свое оправдание.

Из коридора слышались возбужденные голоса. Бес метнулся к окну, но под окном тоже стояли люди и, громко переговариваясь между собой, указывали факелами на стены. Он почувствовал дыхание Сигрид у своего уха и замер, боясь пошевелиться. Девушка держала его за руку, словно опасалась, что он сейчас бросится на воинов, толпящихся внизу. Бес

скосил глаза на розовый сосок, выглядывающий из выреза ночной рубашки, и нерешительно переступил с ноги на ногу.

– Ну вот еще, – вспыхнула Сигрид и запахла ворот. В дверь неожиданно постучали, и девушка вздрогнула.

Глаза ее заметались по комнате в поисках убежища для непутевого гостя. Бес обнажил мечи и приготовился к обороне.

– Я могу уйти по карнизу, – прошептал он. Сигрид толкнула его на ложе и задержала полог.

– Что случилось? – сонно протянула она, набрасывая на плечи длинный халат и приоткрывая двери.

Испуганные служанки жались по углам, а на переднем плане возвышался благородный Бьерн с мечом в руке:

– Ты никого не видела?

Гарольд, стоящий в шаге от Брандомского, жадными глазами пожирал девушку. Сигрид тряхнула белокурыми волосами и подняла на отца невинные глаза:

– Во сне?

– Запри окна и двери, – распорядился Бьерн, – и пусть девушки останутся при тебе.

– Девушки и так всегда со мной, – возмутилась Сигрид. – Мне только непонятно, что делают в моих комнатах мужчины в столь позднее время.

Она резко захлопнула двери перед самым носом рассерженного Бьерна. Гарольд засмеялся:

– Сигрид права. Невежливо спрашивать девушку среди ночи, нет ли у нее мужчины в спальне.

– Мы, кажется, увлеклись погоней, – усмехнулся Брандомский.

– Может, дружинникам почудилось спяну? – предположил ярл Норангерский, который и сам сегодня изрядно хватил за столом.

– Все может быть, – вздохнул Бьерн. – Но стражу я все-таки удвою. Береженого Бог бережет.

Сигрид вздохнула с облегчением, когда шаги стали удаляться от ее дверей. Страху она натерпелась изрядно и все из-за этого негодного мальчишки, которому не сидится в лесу, и он активно ищет неприятностей на головы своих знакомых.

– Ушли, – шепнула Сигрид, отодвигая полог.

– Дела, – почесал затылок Бес – Придется этих ротозеев за окном убить.

Для убедительности он провел ребром ладони по шее. Нет, каков головорез! Она выбивается из сил, чтобы спасти его не заслуживающую такого внимания шкуру, а он собирается зарезать людей, поставленных для ее охраны!

– Ты совсем с ума сошел, – возмутилась Сигрид.

– Тогда решай сама, – сказал Бес, поудобнее устраиваясь на ложе.

– Пока замок не уgomонится, ты побудешь здесь, а потом исчезнешь из моей жизни. Во всяком случае до того момента, когда я сама приглашу тебя в гости.

Бес не возражал, судя по всему, постель Сигрид пришлась ему по душе. Он расположился на ней с таким видом, словно собирался провести здесь остаток дней.

– Ты мог бы пересест в кресло или лечь на пол, – предложила ему Сигрид.

– Я не смерд, чтобы спать на полу, – обиделся Бес – Я владелец.

– Так, может, мне лечь на пол? Бес пожал плечами:

– Ложе широкое – пятерым хватит.

– Наглец! – задохнулась Сигрид от возмущения.

– Как хочешь, – равнодушно отозвался Бес и даже прикрыл глаза рукой, явно указывая на то, что менять решение не собирается.

– Боже мой, – простонала Сигрид, – и откуда эта лесная скотина свалилась на мою голову.

– Я владетель этого замка, – напомнил он ей вежливо, – и это ты у меня в гостях.

– Любезный хозяин должен был прежде всего озаботиться удобствами благородной дамы, а не валиться на постель, не потрудившись даже снять сапоги.

– Скажи пожалуйста, – удивился Бес – про сапоги я и впрямь забыл.

Сигрид осторожно присела на край ложа – не проводить же из-за этого хама целую ночь на ногах.

– Если ты хотя бы пошевелишься, – сказала она строго, глядя ему в глаза, – я закричу.

– Я буду лежать тихо-тихо, – пообещал Бес, – пока ты сама меня не позовешь.

Сигрид только фыркнула возмущенно, впрочем, его языка она как раз и не боялась, а на что-то более существенное он, конечно, не решится.

Глава 4 ОБЪЯСНЕНИЕ

Сигрид открыла глаза с первыми же лучами солнца, брызнувшими из окна. Бес безмятежно сопел рядом, откинувшись на спину. Оба меча лежали у него в изголовье, и он даже во сне не выпускал их из рук. Сигрид пришла в ужас, они все-таки уснули и проспали до самого рассвета. Ну, с меченого взять нечего, но она-то хороша. Что же теперь делать? Служанки вот-вот начнут стучаться в двери, куда она спрячет этого негодяя?

– Уже рассвело, – прошипела Сигрид. – Засоня ты, а не меченый.

Бес виновато засопел, что ни говори, а девчонка была кругом права – здорово он опростоволосился. Как все-таки сладко спится на владетельских пуховиках, так бы целую вечность с них и не поднимался, особенно если Сигрид будет рядом.

– Я думал, что ты меня хоть один раз поцелуешь, – сказал Бес – Все-таки целую ночь вместе провели.

Сигрид, ни слова не говоря, врезала ему ладонью по покрасневшей от сна физиономии, чтобы впредь знал, что можно говорить, а чего нет. И вообще с лесными хамами иначе нельзя, а то вообразят о себе невесть что.

Бес обиделся, и обиделся, к удивлению Сигрид, почти до слез, даже губы у него задрожали.

– Ну вот, – сказала она растерянно, – ты еще заплачь. Бес молча отошел к окну, вид у него был самый что ни на есть решительный.

– Погоди, – схватила его за руку Сигрид, – там же люди.

– Ну и пусть, – презрительно усмехнулся Бес, – пусть некоторые посмотрят, на что способны меченые.

– А тебе не приходило в голову, что твое появление из окна моей спальни будет выглядеть довольно странно. Хитрая улыбка заиграла на губах Беса:

– Меня не огорчит, если ты разругаешься с Гарольдом.

– Я так и знала, что ты негодяй, – Сигрид едва не заплакала.

Бес продолжал беззаботно улыбаться и даже поставил ногу в кожаном сапоге на подоконник.

– Я тебя поцелую, – зашептала испуганная Сигрид, – если ты будешь делать то, что я разрешу.

– Согласен, – Бес в ту же секунду убрал ногу и послушно отступил за портьеру.

Сигрид на мгновение прижалась к нему и скорее укусила, чем поцеловала в губы.

– Здорово, – сказал Бес, стараясь перебороть смущение, – но быстро закончилось.

Сигрид ничего не ответила и отошла к зеркалу поправляя растрепавшиеся волосы. Не то чтобы она заволновалась, но какое-то смутное недовольство собой почувствовала. Конечно, Бес всего лишь мальчик, но это довольно сильный мальчик, которого, наверное, небезопасно дразнить. А потом, у него очень властные губы, которые могут не только притянуть, но и удержать. Ей было приятно ощутить их своими губами, что было не совсем честно по отношению к губам Гарольда. Но нельзя же подобный глупый и детский поцелуй всерьез считать изменой.

Руки Беса вдруг опустились на ее бедра, она вздрогнула и обернулась, возмущенная его бесцеремонностью. И тогда он поцеловал ее прямо в сердитые губы, и этот поцелуй был таким долгим, что у нее перехватило дыхание и, наверное, поэтому закружилась голова. Он целовал ее открытую шею, где билась голубая жилка, и плечи, с которых вниз тонкая материя, и розовый сосок, который рвался навстречу его губам, а она все никак не опомниться и только шептала, вцепившись в черные волосы обеими руками, одновременно и притягивая, и отталкивая его голову:

– Бес, не надо, слышишь, не надо.

Она все-таки опомнилась и вырвалась из его жадных и ласковых рук, а может быть, это он отпустил ее. Сигрид испытывала в этот момент сладкий ужас, словно только что прошла по самому краю обрыва, но не сорвалась, а только почувствовала, как приятно было падать в объятия этого человека.

– Сумасшедший, – выдохнула она, хотя это было и не совсем верно – разум в первую очередь потеряла сама Сигрид Брандомская, невеста короля Гарольда, можно сказать, в одном шаге от брачного ложа и трона.

– Ну и пусть, – сказал Бес.

И снова воцарилось долгое молчание. Будь Бес поопытнее и понахальнее, ее падение непременно бы состоялось. Эта мысль почему-то не ужаснула Сигрид, а просто промелькнула в голове взъерошенной птицей и улетела невесть куда. Она даже не пыталась высвободить свои руки из его рук, а так и стояла в шаге от него, ощущая горячим лбом его частое дыхание.

– Сейчас сюда придут, – сказала совсем другая Сигрид, сохранившая, видимо, остатки разума.

Бес очнулся и отпустил ее руки. Она почувствовала и облегчение, и разочарование одновременно. И еще она почувствовала раздражение и стыд – как он посмел ее целовать?! Негодование Сигрид было так велико, что готовилось уже прорваться криком, но, к счастью, она сумела себя сдержать, поскольку поднимать шум было совсем не в ее интересах. Да и ничего ведь, в сущности, не случилось, абсолютно ничего. Надо немедленно спровадить лесного разбойника подальше и забыть эту глупую историю навсегда.

Меченый, бесшумно ступая, приблизился к окну. Сигрид подошла следом и остановилась у него за спиной. Он шеей и затылком ощущал ее дыхание, то самое дыхание, что еще минуту назад сливалось с его собственным. Теперь он не сомневался в ее любви. Это ведь ее пальцы ласкали его волосы, а губы жадно откликались на каждый поцелуй.

Богато разодетый конюх держал под уздцы красавца коня. Конь вел себя беспокойно, то и дело перебирал ногами и пытался назад. Дюжий малый едва с ним справлялся.

– Это конь Гарольда? – шепотом спросил Бес.

– Да.

Веселые огоньки загорелись в глазах меченого. Заскрипели ржавые цепи, подъемный мост начал медленно опускаться. Но прежде чем он опустился, Бес прыгнул из окна прямо в роскошное, отделанное серебром седло. Растерявшийся конюх отлетел в сторону.

– Меченый! – истошным голосом заорал кто-то. – Меченый в замке!

Но Бес был уже на мосту. На секунду он задержался, отыскивая глазами Сигрид, а потом огрел коня плетью и исчез, словно его и не было. Две стрелы запоздало просвистели ему вслед.

- А конь-то? – растерянно воскликнул конюх.
- Заткнись, – посоветовал ему Хафтур. – Раскрыл варежку.
- Но откуда он взялся?
- С крыши спрыгнул. Меченые ребята ловкие.

Брандомский был вне себя от бешенства. Были опрошены все слуги, все дружинники, и свои, и чужие, но так и не удалось выяснить, каким образом меченый проник в замок и где провел эту ночь. Смутные подозрения у благородного Бьерна появились еще вчера ночью, но если бы подобные подозрения появились еще в чьей-нибудь голове, то Брандомский снес бы ее без раздумий.

Старый владетель с грустью на лице выразил свое сожаление молодому королю. Однако Гарольд не выглядел расстроенным, происшествие его скорее позабавило.

– Не стоит огорчаться, дорогой Бьерн, – сказал он, дружески похлопывая хозяина по плечу. – Я поймаю этого негодяя и повешу его под твоими окнами.

Увидев входящую в зал Сигрид, король оставил расстроенного владетеля и поспешил ей навстречу. Девушка была необычайно свежа и хороша в это солнечное утро, словно распутившийся бутон розы, омытый росой.

– Мне очень жаль, – сказала Сигрид, придавая лицу с ответственное случаю выражение, – это был прекрасный конь.

Однако ее сияющие глаза мало соответствовали печальным глазам. Гарольд не выдержал и расхохотался:

- Похоже, мне весь сегодняшний день придется выслушивать соболезнования.
- Я рада, что король так легко расстается с тем, чем владеет.
- О, далеко не всегда. – Лицо Гарольда стало серьезным. – За некоторые потери я готов мстить, и мстить жестоко.
- Не пугай меня, государь, благородство Гарольда Нордлэндского известно всем.
- Благородство часто оборачивается глупостью. Ты на это рассчитываешь, благородная Сигрид?

Сигрид смутилась и отвела глаза. Гарольд улыбался по-прежнему, но в уголках его четко очерченного рта появились жесткие складки.

– Ты так и не вспомнила имя того странного молодого человека, благородная госпожа? Мне показалось, что вы знакомы.

- Его зовут ярл Ульф Хаарский, – решительно произнесла Сигрид.
- Я знаю владетеля замка Хаар, но его зовут Грольфом.
- Ты, государь, всего лишь несколько дней в Приграничье, а я родилась в этих краях. Немудрено, что я знаю больше.

– Быть может, благородная госпожа назовет мне имя разбойника, укравшего моего коня?

- Он не разбойник, а нахальный мальчишка, которому едва минуло пятнадцать лет.
- Значит, я не ошибся: ты знакома и с ним?
- Я с ним не знакома, – соврала Сигрид, не моргнув глазом, – Просто видела из окна, как он вспрыгнул на твоего коня.
- И сразу же определила его возраст?
- Его знает одна из моих служанок.
- И как зовут этого героя?

– Бес. Он сын Тора Нидрасского, прежнего хозяина Ожского замка. Неудивительно, что мальчишка считает замок своим.

– И даже останавливается здесь на ночь, словно на постоялом дворе. Я могу повидать подругу этого малолетнего бандита?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.